

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

На правах рукописи

Андреев Александр Викторович

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НА КОНЦЕПЦИЮ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 23.00.02 –
«Политические институты, процессы и технологии»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
СЕМЧЕНКОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

МОСКВА – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования политической модернизации и концепции социального государства.....	20
1.1 Особенности и противоречия политической модернизации в истории России	20
1.2 Концепции социального государства в контексте политической модернизации.....	39
1.3 Влияние политической модернизации на национальную концепцию социального государства: зарубежный опыт	56
ГЛАВА 2. Формирование концепции социального государства в условиях политической модернизации в Российской Федерации	74
2.1 Политическая модернизация в современной России: модели и практика реализации.....	74
2.2 Формирование современной концепции социального государства в России: альтернативы и акторы.....	92
2.3 Влияние политической модернизации на процессы реформирования социальной сферы в Российской Федерации	112
Заключение.....	134
Библиография.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «современность» в настоящее время преимущественно утратило свои философские коннотации и ассоциируется с процессами модернизации, понимаемой как научно-технический прогресс вкупе с эффективным управлением и рациональным распределением общественного продукта. Мировой опыт реализации модернизационных проектов показывает, что ключевым условием их успешности является существование социальных сил, имеющих потенциальную возможность стать инициаторами и проводниками реформ. Проблема взаимосвязи гражданского общества и модернизации, выраженная через определение социального субъекта модернизации, связана с политическим измерением общественной жизни и неизбежным формированием национальной концепции социального государства, которая характеризуется несколькими базовыми аспектами: инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом и дифференциацией на функционирующие сферы экономики, политики и культуры.

Необходимость адаптации к многоуровневым социально-политическим трансформациям не обошла стороной и Россию. Реформы социально-политической системы, охватившие российское общество, существенно изменили его взгляд на государство. После двух десятилетий спонтанных экспериментов с моделью социального государства в России¹ также актуализировалась значимость научного осмысления механизма реализации стратегической, а не ситуативной, концепции социального государства в нашей стране.

Для современной России, пережившей смену экономико-политической парадигмы, запрос на модернизационные изменения чрезвычайно высок. Они помогут сформировать социальную структуру, которая осуществит

¹ Сигов И.И., Слуцкий Е.Г. Социальное государство: сущность, критерии и приоритеты. – СПб.: ИПРЭ РАН, 2006. – 297 с.

бесконфликтный переход к постиндустриальному обществу, опирающемуся на «экономику знаний», с помощью демократических процедур обеспечит качественное использование человеческого капитала и будет поддерживать необходимое технологическое, экономическое и социальное развитие с учетом социокультурной специфики и угроз национальной безопасности. Это обстоятельство должно сформировать у агентов социального государства базовые ценностные постулаты реформ – о недопустимости разрыва между политической и социальной модернизацией и невозможности выведения подходящей для России модели политической модернизации на основе только одной из известных моделей преобразований. В этом случае влияние политической модернизации может определять не только ее выбор из множества альтернатив, но и разность способов ее реализации с точки зрения определения стратегии и масштаба намечаемых изменений.

Несмотря на свою актуальность для России, в настоящее время мероприятия политической модернизации страны как производные политического развития носят разрозненный и несистемный характер. В этой связи остаются вопросы, связанные с влиянием политической модернизации на реформы в социальной сфере (образовании, здравоохранении и т.д.).² Переосмысление практики реформ и рекомендации по улучшению ситуации в области социальных реформ могут способствовать появлению в российском социуме локомотива национальной модернизаторской коалиции – инновационного и интеллектуального классов, которые смогли бы синтезировать оптимальную для страны концепцию социального государства.

Степень научной разработанности проблемы. Основа теории модернизации, призванная выявить стратегию, с помощью которой государства переходят на новую стадию общественно-политического

² Комиссаров А.В., Алабян С.С., Морозенкова О.В. Россия на мировых рынках интеллектуальных услуг // Проблемы прогнозирования. 2009. №1. С. 44-59.

развития, была заложена в трудах классической социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Ф. Теннис)³.

В качестве универсалий модернизации, усиливающих адаптивные возможности меняющейся социальной системы и преодолевающих аномию, Д. Истон, Р. Мертон и Т. Парсонс исследовали систему коммуникаций, технологии, а также действующие механизмы дифференциации⁴.

Значительный вклад в разработку модернизационных подходов с точки зрения политического моделирования постиндустриального общества внесли работы М. Арчер, Д. Белла, Д. Лернера, С. Липсета, Дж. Майера, Н. Смелзера, Э. Хаген и др.⁵

Широкая теоретическая база, обосновывающая закономерности политической модернизации в виде «вестернизации», представлена в трудах К. Керра, Дж. Данлопа и Р. Робертсона.⁶ Принципиально иной подход, по которому модернизация предстает как открытый процесс, имеющий бесконечное количество цивилизационных вариаций, содержится в исследованиях Ш. Эйзенштадта, Дж. Коулмена, С. Блэка.⁷ Другой

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер с нем. Ю.Н. Давыдова. – М.: Директ Медиа, 2011; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с франц. – М.: Канон, 1996; Конт О. Общий обзор позитивизма / Пер. с фр. И.А. Шапиро, под ред. Э.Л. Радлова. – изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011; Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002.

⁴ Истон Д. Категории системного анализа политики: хрестоматия по политической науке / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – с. 318-335; Парсонс Т. О структуре социального действия: Сборник / Пер. с англ. и ред. В.Ф. Чеснокова, С.А. Белановского, предисл. В.Ф. Чеснокова. – М.: Академический проект, 2002. – 879 с.; Мертон Р.-К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой [и др.]. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.

⁵ Archer M., Titterton J. Rational Choice Theory: Resisting Colonisation. – L.: Routledge, 2000; Бэлл Д. Грядущее Постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004; Lerner D. The Passing of Traditional Society. – Glencoe: Free Press, 1958. – 466 p.; Lipset S.M. Political man: the social bases of politics. – N.-Y.: Doubleday, 1960; Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1959; Hagen E. On the Theory of Social Change. – L.: Dorsey Press, 1962; Eisenstadt Sh. Breakdowns of modernization // William J.G. (ed.). The Dynamics of Modern Society. – N.-Y.: Basic Books, 1964.

⁶ Kerr C., Dunlop J., Harbison F., Myers C. Industrialism and Industrial Man. – L.: Harmondsworth, 1960; Robertson R. Mapping the global condition: globalization as central concept // Theory, culture and society. – New Delhi, 1990. Vol.7. № 3. P. 15-30.

⁷ Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 470-479; Коулмен Дж. Модернизация и социальное устройство общества // Ibid. – С. 467-469; Black C. The dynamics of modernization: a study in comparative history. – N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. – 207 p.

исследователь, М. Леви рассматривал политическую модернизацию как социальную революцию, способную, однако, вызывать трансформации без ликвидации базовых основ реформенного общества.⁸ Значительный вклад в исследование модернизации незападных обществ внесли работы Д. Аптера, К. Гирца, Л. Пая, Ф. Риггса, С. Хантингтона и других.⁹ Феномен «модернизация без модернити» имеют место в теориях неомодернизации (Э.Тирикьян)¹⁰ и постмодернизации (Дж. Александер)¹¹. Ценностный подход к формированию человеческого капитала в процессе модернизации на основе трансформации традиционных форм лидерства отразили Р. Инглхарт, К. Вельцель и Дж. Гасфилд.¹² Важное место в изучении политической модернизации занимает теория рискогенности модернизации для общества (У. Бек, Э. Гидденс)¹³, ставившая целью понять, на каком этапе трансформаций система может перестать контролировать процессы «радикализованного модерна» и возможна ли вообще бесконфликтная модернизация.

Выявлению особенностей политической модернизации непосредственно в России посвящены труды таких специалистов, как А.Г.

⁸ *Levy M. Modernization and the structure of societies. – Vol. 1-2. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 33-132.*

⁹ *Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. – L.: Prentice Hall, 1968; Geertz Cl. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture. – N.Y.: Basic Books, 1973; Pye L. Politics, Personality and National Building: Burma's Search for Identity. – L.-New Haven: Yale University Press, 1962. – P. 37; Riggs F. Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society. – Boston: Houghton Mifflin Comp., 1964; Singer M. When a Great Tradition Modernizes: An Anthropological Approach to Indian Civilization. – N.Y.: Praeger Publishers, 1972; Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. – М.: Логос, 2005; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. В.Р. Рокитянского. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.*

¹⁰ *Tirykiyan E.-A. The Phenomenon of Sociology: A Reader in Sociology of Sociology. – N.Y.: Meredith Corp., 1971.*

¹¹ *Alexander J.-F. Fin de Siecle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. – London, N.Y.: Verso, 1995.*

¹² *Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкин. – М.: Новое издательство, 2011; Gusfield J.R. Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change // American Journal of Sociology. Vol. 72. January 1966.*

¹³ *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника [и др.]. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. – Cambridge: Polity Press, 1991.*

Вишневский, О.В. Гаман-Голутвина, С.И. Каспэ, В.А. Красильщиков, Л.А. Максимова, О.Ф. Шабров и др.¹⁴

Существенный вклад в исследование национальной модернизации России, ее типологизацию и разработку проблематики внедрения инноваций в государственное управление внесли Л.Б. Волков, К.А. Гулин, М.В. Ильин, В.В. Локозов, А.С. Панарин, В.И. Пантин, В.А. Ядов и др.¹⁵

Схемы и концепции, доказывающие историческую предопределенность и временные закономерности наступления очередного цикла развития российской модернизации, рассмотрены в работах В.В. Ильина, А.С. Ахиезера, В.В. Лапкина, Е.Ю. Мелешкиной и И.В. Побережникова.¹⁶

В то же время ряд отечественных ученых настаивают на неорганическом характере политической модернизации России, поскольку экономические и социальные проблемы, политическая индифферентность

¹⁴ Вишневский А.Г. Ловушки консервативной модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. / Ин-т Кеннана, под ред. Э.А. Паина, О.Д. Волкогоновой. – М.: Три квадрата, 2008. – С.131-145; Гаман-Голутвина О.В. Инновационный человек и инновационное общество: монография / МГИМО; под ред.: В.И. Супруна [и др.]. – Новосибирск: Тренды, 2013; Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.; Красильщиков В.А., Зиборов Г.М. Модернизация России: мировой опыт и наши перспективы. – М.: РОССПЭН, 2009; Максимова Л.А., Лямцева Л.В. Российская модернизация (терминологические аспекты) // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5. С. 5-11; Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005; Федотова В.Г. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. – М.: ИФ РАН, 2010; Шабров О.Ф. Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии // Модернизация и политическое развитие России: Сборник научных статей. – М.: Проспект, 2012. С. 5-16.

¹⁵ Волков Л.Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1985; Гулин К.А. Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012; Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. – М.: РОССПЭН, 2001; Локозов В.В. Трансформация российского общества: социологические аспекты. – М.: РИЦ ИСПИРАН. – 252 с.; Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.; Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М.: Мос. филос. фонд, 1997; Ядов В.А. Россия: трансформирующееся общество. – М.: Ин-т социологии РАН, 2001. – 640 с.

¹⁶ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. – М.: МГУ, 1996 – 400 с.; Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. – М.: ИД «Русское слово», 2007; Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М.: Инфра-М, 2001; Побережников И.В. Гражданское общество в контексте модернизации (теоретико-методологический аспект). – М.: РОССПЭН, 2006.

общества могут обеспечить лишь имитацию реформ, «рецидивирующую модернизацию»¹⁷ либо «антимодернизацию»¹⁸.

Российские ученые М.М. Бабаев, С.А. Беляков, В.К. Левашов, И.Ю. Парфенова, В.А. Садовничий и О.Н. Смолин¹⁹ уделили внимание исследованию различных моделей модернизации и концептуальному обоснованию места и роли сферы образования в этих моделях, обозначив социальную направленность основным вектором реформ.

Концепт «социальное государство» был в значительной мере исследован зарубежными авторами с точки зрения философии, экономики и социологии (Дж. Гэлбрейт, Р. Дарендорф, Ю. Хабермас, Ф. фон Хайек, Л. Эрхард и др.).²⁰ Вместе с тем, социальная проблематика активно разрабатывается и российскими учеными. Так, осмысление концепции социального государства в России стало главной темой в трудах М.В. Каргаловой, Л.Н. Кочетковой, А.А. Нелюбина, Д.Д. Эйдукене и др.²¹ В

¹⁷ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М.: Едиториал УРСС, 1999.

¹⁸ Васильев Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). – М.: Либеральная миссия, 2011; Панкратов С.А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект). – Краснодар: КубГУ, 2006.

¹⁹ Беляков С.А. Модернизация образования в России: совершенствование управления. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 417 с.; Социополитическая динамика российского общества / РАН, Ин-т соц-полит. исслед., под ред.: Левашова В.К., Бабаева М.М., – М.: Academia, 2007. – 520 с.; Парфенова И.Ю., Богдан Н.Н. Взаимосвязь организационной культуры вуза и качества профессионального образования // Университетское управление. 2010. № 4. С. 18-27; Садовничий В.А. Гуманитарное образование в России: мысли вслух // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 20. 2007. № 2. С. 11-26; Смолин О.Н. Образование и национальная безопасность // Свободная мысль, 1996. № 11. С. 75-77.

²⁰ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. под ред. В.В. Зотова и В.А. Кирова под общей ред. Т.Л. Клячко. – М.: Директ Медиа, 2007. – 382 с.; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.; Зомбарт В. Избранные работы / Пер. с нем. – М.: Территория будущего, 2005; Хайек Ф.-А. фон Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовский, И. Пильщиков, посл. Р. Капелюшников. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.; Эрхард Л. Благосостояние для всех: репринт. воспр. / Пер. с нем. Б.Б. Багарацкого, В.Г. Гребенникова. – М.: Дело, 2001. – 352 с.; Habermas J. Communication and the Evolution of Society / Trans. by Th. McCarthy. – Boston, Mass.: Beacon Press, 1979. – 262 p.

²¹ Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции. – М.: Интердиалект+, 1999. – 317 с.; Кочеткова Л.Н. Социальное государство: европейская теория и российская практика // Журнал «Власть». 2008. № 4; Россия: путь к социальному государству / под общ. ред. С.С. Сулакишина. – М.: Научный эксперт, 2009; Нелюбин А.А. Проблема формирования социального государства в России: политико-социологический аспект // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Ин-т социологии РАН, 2008; Эйдукене Д.Д. Социальный реализм фон Штейна // Вестник ТГПУ. 2006. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-realizm-lorentsa-fon-shteyna>

названных работах затронуты основания данной проблематики: анализ противоречий зарубежных моделей «государства всеобщего благосостояния»; стратегия органов власти по созданию основ социального государства в России; ценностные ориентиры формирования российской концепции социального государства; региональные особенности социальных трансформаций; вопросы преодоления социокультурного и образовательного кризиса в нашей стране для разрешения этих вопросов. Следует также отметить ряд диссертационных работ, защищенных по политическим наукам и анализирующих перспективы политических реформ в направлении формирования российского варианта социального государства. Концептуальные взгляды на данную тему представлены в публикациях С.В. Водопетова, П.В. Петрушечкина и др.²²

Несмотря на интеграцию понятия «модернизация» в политический дискурс, в настоящее время отсутствует междисциплинарный подход к исследованию влияния политической модернизации на концепцию социального государства в России. Рассмотрение этого феномена только с экономической или правовой точки зрения отрывает политическую модернизацию от концепции социального государства. Необходимость преодоления технократического взгляда на концепцию российского социального государства и отсутствие фундаментальных, структурированных исследований возможностей влияния политических реформ на концепцию социального государства позволяет предметно взглянуть на тему настоящего исследования с позиции политической науки.

²² Водопетов С.В. Инновационное развитие управленческого инструментария политической элиты в процессе современной модернизации России: Дис. ... канд. полит. наук. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014; Макарова Т.Б. Бизнес-образование как вид государственной образовательной политики в условиях политической модернизации общественных процессов: дис. ... канд. полит. наук. – Чита: ЗабГУ, 2012; Максимкин Е.В. Роль интеллектуальных ресурсов в инновационной модернизации промышленных предприятий России: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – М.: РАНХГС при Президенте РФ, 2012. – 24 с.; Петрушечкин П. В. Социальное государство и гражданское общество в России: [...]: Дис. ... канд. полит. наук. – Якутск: Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова, 2011.

Объектом диссертационного исследования являются политическая модернизация и социальное государство в России. **Предметом** исследования выступают особенности влияния политической модернизации на концепцию российского социального государства.

В соответствии с объектом и предметом исследования **целью** работы является выявление особенностей влияния политической модернизации на концепцию социального государства в России. Для достижения цели в исследовании поставлены следующие **задачи**:

- 1) сформулировать авторское определение понятия «политическая модернизация» и выявить ее специфику и противоречия в истории России путем рассмотрения ретроспективы реформенного опыта России с XVII до конца XX века;
- 2) определить особенности концепций социального государства с точки зрения их функциональной связи с политической модернизацией;
- 3) выявить специфику влияния политической модернизации на концепцию социального государства с учетом зарубежного опыта;
- 4) рассмотреть особенности моделей политической модернизации и практику их реализации в Российской Федерации;
- 5) определить оптимальную концепцию социального государства в Российской Федерации с учетом инновационного потенциала агентов социально-политических трансформаций (государства, бизнеса и общества);
- 6) определить факторы влияния модели российской политической модернизации на процессы реформирования социальной сферы и сформулировать авторские предложения по решению проблем политической модернизации ключевых социальных сфер (образование, здравоохранение и т.д.) в современной России.

Теоретико-методологическую базу диссертационной работы составил перечень отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию политической модернизации и социального государства,

анализу их соотношения, а также изучению влияния фактора модернизации на различные социальные сферы и на политический процесс.

Основу диссертационной работы составили системный подход и структурно-функциональный анализ, компаративный, институциональный и социокультурный методы, которые используются для исследования политических институтов и систем, проблем взаимодействия органов власти и различных категорий гражданского общества, механизмов политического участия последних в формировании социального государства, что определяет междисциплинарный характер исследования.

В рамках системного подхода проблематика политической модернизации в России рассматривается как комплексный и перманентный по времени процесс, включающий трансформацию различных подсистем общественно-политической жизни, причем организационное или функциональное изменение одной из них необходимо влечет за собой корректировку либо реинституционализацию системы в целом.

Структурно-функциональный анализ акцентируется на соответствии структуры системы ее функциям и путем выявления несоответствий формируемой в России модели социального государства задачам политической трансформации страны дает возможность определить пути оптимизации отношений (оценку и характер отношений-связей) различных компонентов системы, повышая тем самым эффективность взаимодействия агентов политических трансформаций.

Компаративный подход использовался нами при изучении различных типов социального государства и позволил выявить особенности аутентичной модели реформ в России на различных исторических этапах.

Использование институционального подхода позволило нам объяснить существующий механизм взаимодействия государства с другими агентами реформ по поводу политической модернизации, а также наметить промежуточные звенья, способные наладить партнерское взаимодействие между названными субъектами социальной политики с учетом их интересов

и возможностей для обеспечения национальной политической модернизации в России.

Общенаучные методы – синтез и анализ, восхождение от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, обобщение и аналогия – также нашли применение как дополнительные методы решения поставленных в настоящем исследовании задач.

Эмпирической базой диссертационного исследования послужил обширный массив официальной правовой информации, касающейся вопросов повышения эффективности системы государственного управления в части внедрения инновационных социальных технологий: Конституция РФ, стратегии и программы долгосрочного развития нашей страны, Послания Президента РФ Федеральному Собранию, профильные нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, другие официальные документы²³.

Вторую группу источников составили прикладные исследования специализированных проектных организаций и научно-исследовательских институтов, посвященные проблемам политической модернизации в России и степени развития гражданского общества в нашей стране²⁴.

Наконец, эмпирическая база исследования включает материалы периодических и электронных российских СМИ, аналитические статьи,

²³ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – М.: Юридическая литература, 1999; Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года // Российская газета. 2005. № 86; Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 20 мая 2006 // Российская газета. 2006. № 97; Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 // Российская газета. 2008. № 229; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период от 2020 года / Утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Российская газета. 2012. № 5667; Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 1 декабря 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 06.11.2011); Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «Об изменениях в отдельных актах законодательства Российской Федерации, касающихся поддержки социально-ориентированным некоммерческим организациям» // Российская газета. 2010. 7 апреля. № 5151; Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // «Российская газета». 2007. 6 декабря. № 4536 и др.

²⁴ Статистические сборники Росстата «Инвестиции в России» за 2005–2014 годы. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/vsp/vkd/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11369_71099875 (дата обращения; 13.11.2013); Экспертный доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации // Общественная палата РФ [Электронный ресурс] URL: http://www.ecolife.ru/kultura/10586/#_ftnref37 (дата обращения: 22.05.2013).

социологические опросы, содержащиеся в специальных тематических исследованиях Всероссийского центра изучения общественного мнения, Портала российской прикладной социологии «Социологос», Фонда «Общественное мнение», Фонда развития гражданского общества, исследовательского холдинга «Ромир»²⁵ и др. с 2005 по 2015 гг.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем:

1) автором уточнено понятие «политическая модернизация», выявлена специфика и противоречия ее осуществления на протяжении истории России через рассмотрение ретроспективы реформенного опыта России до конца XX века;

2) выявлены особенности трех концепций социального государства, реализуемых за рубежом;

3) уточнены факторы, определяющие влияние политической модернизации на концепцию социального государства и пределы обращения к зарубежному опыту с учетом необходимости проведения модернизации в России;

4) выявлены особенности трех моделей политической модернизации в Российской Федерации (либеральной, социал-демократической и консервативной) и практики их реализации в условиях «догоняющего развития» и необходимости форсированного перехода к социальному государству;

5) определена оптимальная концепция социального государства в современной России с учетом инновационного потенциала агентов политической модернизации и на основе синтеза и взаимного дополнения находящихся в процессе становления концепций социального государства:

²⁵ См.: ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru>; Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru>; Фонд развития гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru>; Исследовательский холдинг «Ромир» [Электронный ресурс]. URL: <http://romir.ru>.

социальной защиты (в социальной сфере), социальных услуг (в экономике) и социальной безопасности (в области политики);

б) определены факторы влияния политической модернизации на реализацию современной концепции социального государства в России, а также предложены авторские рекомендации по модернизации в сферах российского образования и здравоохранения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическая модернизация – совокупность процессов обновления политической системы, выраженная в изменении алгоритма принятия управленческих решений, повышении политической культуры граждан, развитии социально-экономической рационализации и распространении в обществе научного и творческого индивидуализма, отвечающих общенациональной идее государства.

Особенностями отечественной политической модернизации является ее догоняющий характер и чрезвычайные мобилизационные предпосылки, вызванные политической, а не социальной необходимостью; дискретность развития (смена реформ контрреформами); социокультурный раскол; вторичность фактора модернизации политики перед политикой модернизации. Противоречиями российской модернизации выступают ее направленность на замещение национальных традиций, а также серьезные расхождения в понимании конечных целей преобразований между политической элитой страны и большей частью общества. В советский модернизационный проект были включены индустриально-технологические новации западного общества и намечен переход к собственной модели развития, однако вторичность коммуникации государства с обществом, обусловившая его отчужденность от реформ, вновь привела к замещению целей и ценностей политической модернизации.

2. Анализ зарубежного социально-политического опыта показывает, что в настоящее время в мире отсутствует универсальная концепция социального государства. Напротив, можно говорить о существовании трех

концепций социального государства: либеральной (минимальная роль государства при главенстве модернизаторской инициативы индивида и частных социальных институтов), социал-демократической (высокое влияние государства, обеспечивающее социальное развитие за счет перераспределения функций модернизации между ее агентами) и консервативной (равенство государства и других агентов реформ при поощрении социальной ответственности бизнеса и предоставлении индивиду социальных гарантий, основанных на его участии в реформах).

3. Влияние политической модернизации на национальную концепцию социального государства определяется: направленностью на удовлетворение повседневных нужд населения; анализом экспертами нерешенных проблем, возникших как в ходе политической модернизации, так и опосредованно (бюрократизация, коррупция, половинчатость реформ, отсутствие компромисса с гражданским обществом); необходимостью развития энергии предпринимательского сообщества; рациональным сочетанием интенсивных и экстенсивных способов труда (повышенная капиталоемкость и инфраструктурная оснащенность, совмещенные с качественной организацией управления процессами на производстве) и освоением высокотехнологичной наукоемкой базы на производстве.

4. Отсутствие политического контроля над бюрократией в 1990-е годы и социокультурная специфика не позволили либеральной модели политической модернизации стать определяющей в России. Однако неприятие реформ социумом было преодолено, и выкристаллизовалась социал-демократическая модель модернизации, дающая обществу больше инициативы, чем социализм, и при этом сдерживающая негативные последствия экономического либерализма.

Социокультурная специфика России начала 1990-х гг. продемонстрировала непоследовательность практики модернизации в направлении от модели социалистического государства к социальному государству, когда принятие политических решений элитой шло параллельно

выстраиванию социальных коммуникаций с обществом. В 2000-е гг. в условиях общественного спроса на стабильность была избрана консервативная модель модернизации, политический релятивизм которой способствует восприятию обществом достижений «вестернизации» и их органичной адаптации к российской социокультурной действительности.

5. Анализ возможностей агентов политической модернизации позволяет определить форматы, в которых возможно становление прообраза концепции социального государства в России: государство социальной защиты, государство социальных услуг и государство социальной безопасности. Государство социальной защиты соответствует социал-демократическому типу преобразования общества с динамичной системой управления, не инициирующей реформы, но способной развить запрос социума на модернизацию благодаря наличию финансовых возможностей у предпринимателей и устойчивому социальному консенсусу по поводу идеалов и инструментария модернизации. Государство социальных услуг характеризует либеральный тип социальных преобразований, при котором власть поддерживает реформы, однако принуждает общество и бизнес либо включиться в социальное партнерство (участием, налогами), либо отказаться от курса на модернизацию. Государство социальной безопасности является выражением консервативного типа социального реформирования, который частично реализуется в современной России, поскольку при нем власть имеет возможность регулировать модернизацию. Сила и направленность такого регулирования могут меняться в зависимости от промежуточных итогов модернизации.

В силу ограниченной полезности каждой концепции социального государства для России оптимален их синтез. В сфере политического целесообразна лидирующая роль политической элиты в реализации концепции государства социальной безопасности. Концепция государства социальных услуг приемлема для экономики, исходя из стремления бизнес-сообщества опираться на инновационный класс в качестве лидера

модернизации. Концепция государства социальной защиты оптимальна для социальной сферы, где гражданское общество во главе с интеллектуальным классом готово обменивать имеющиеся ресурсы (интеллектуальный, электоральный, правотворческий) на социальные преференции.

6. Влияние политической модернизации на реализацию концепции социального государства обусловлено развитием инновационного потенциала среднего класса в политической, экономической и социальной сферах. В России этот показатель позволяет говорить о наличии прото-среднего класса, слабо участвующего в модернизации и искаженно понимающего цели социального государства. Концепция социального государства в России обречена на неполную реализацию до тех пор, пока «аналитическая» (представленная политической элитой), «статистическая» (предприниматели и инновационный класс), «реальная» (интеллектуальный класс и пассивная часть среднего класса) группы интересов агентов политической модернизации не согласуют свои позиции относительно реформ как особого способа выражения правового государства в социокультурных условиях и не обеспечат включение инновационного и интеллектуального классов общества в принятие решений по политической модернизации.

Для решения такой задачи политической модернизации в РФ, как оптимизация процесса подготовки управленцев, целесообразна реализация мотивационной четырехступенчатой модели образования. Она синтезировала бы теорию производства и практику бизнеса в соответствии со ступенями карьерного роста управленцев, по заданным критериям оценки качества образовательного продукта для делового сообщества. Соответствие содержания и целей образования решению практических проблем в этой сфере способствовало бы вовлечению в процесс модернизации преподавателей, обладающих высоким уровнем квалификации.

В ходе модернизации российского здравоохранения целесообразна опора на мировой опыт (рост числа экстерриториальных сетевых

организаций здравоохранения) и новый подход к социальному партнерству (увеличение финансовых ресурсов и человеческого капитала при их целеориентированном использовании государством в здравоохранении), что стало бы показателем зрелости социального государства.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость настоящей диссертации состоит в том, что сформулированные в ней выводы могут быть использованы для дальнейшего исследования вопросов, связанных с проблематикой политической модернизации в России, а также с поиском оптимальной концепции социального государства в условиях российских социально-политических трансформаций. Настоящее исследование может способствовать выявлению ключевых критериев разграничения функций агентов социального государства, исходя из их роли в политической модернизации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть востребованы при разработке учебных и специальных курсов по политологии, посвященных анализу политических аспектов модернизации, выявлению преимуществ и недостатков государственной поддержки инновационной деятельности в России и конкретизации механизма взаимодействия между агентами социальных трансформаций.

Апробация диссертационного исследования. Основные идеи и выводы настоящего исследования отражены в девяти научных публикациях объемом более 3 п.л., включая три статьи в изданиях из рецензируемого списка ВАК.

Апробация положений диссертации прошла в рамках докладов и выступлений диссертанта на научных и научно-практических конференциях, круглых столах и научных семинарах²⁶.

²⁶ XII Международная конференция по проблемам общественных и гуманитарных наук (Москва, 2013); научная конференция МГУ «Модернизация России в контексте процессов глобализации» (Москва, 2012); международный научный семинар «Политическое развитие России и Китая в эпоху интернета» (Москва, 2013); XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»-2014 (Москва, 2014); XXXVII международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы социологии,

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

политологии, философии, истории» (Москва, 2015). Кроме того, тезисы работы были апробированы на региональных площадках, как то: I международная научно-практическая конференция по политологии «Россия и современный мир: вызовы и угрозы политического развития» (Санкт-Петербург, 2013) и международная научно-практическая конференция III Столыпинские чтения (Краснодар, 2014).

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политической модернизации и концепции социального государства

1.1 Особенности и противоречия политической модернизации в истории России

В настоящее время исследование специфики политического процесса в России представляется невозможным без обращения к влиянию на него модернизационной парадигмы. Фундаментальные экономические, общественные и политические изменения, которые происходят сегодня в мире, не позволяют России оставаться на периферии мирового политического процесса и требуют от научного сообщества, общественных и политических организаций разработки критериев модернизации и совместного определения их влияния на концепцию социального государства в нашей стране.

Теоретико-методологический материал для изучения проблем политической модернизации и концепции социального государства широко представлен в рамках политической науки. Ее исследователи смогли подробно проанализировать различные методологические подходы к изучению особенностей реформирования политических процессов в глобализирующемся мире и в России²⁷. Например, А.И. Соловьев связывает изучение теории модернизации с наличием четырех компонент:

- мегаконцептов, к которым ученый относит дефиниции «мир-системный подход», «глобализация», «теория коэволюции» и т.д.;
- идей («миссий», «проектов»), которые делают объектом исследования теорий модернизации государство или социум, следующие в своем развитии собственным, уникальным путем;

²⁷ Будон Р. Теория социальных изменений / Пер. с англ. под ред. М. Черныша. – М.: Аспект-Пресс, 1999; Политология: учебник / авт. кол.: А.Ю. Мельвиль [и др.]; науч. ред. Т.В. Шмачкова. – М.: Проспект, 2011 и др.

- стадийных подходов, в русле которых разрабатываются теории информационного общества, происходит смена общественно-экономических формаций и, собственно, сама модернизация;
- глокализации, позволяющей объяснить модернизацию пересечением региональных и локальных реформенных процессов²⁸.

Собственно начало теории модернизации, по мнению Дж. Александера, положила исследовательская работа Мариона Леви, в которой впервые было предложено использовать понятие «модернизация» в качестве обозначения процесса «распространения универсализма и функциональной специфичности в обществе»²⁹.

Впоследствии данное определение было дополнено и, благодаря работам Ш. Айзенштадта, укоренилось в политической науке. Модернизацию в общем виде можно трактовать как превращение в современное общество (modern society) любого традиционного путем доминирования инноваций над традицией за счет незамкнутого поступательного развития и ориентацией на инструментальный подход. Названный подход, в свою очередь, выражается индустриальным характером производства, массовым образованием, предпочтением мировоззренческой рефлексии прикладных знаний и технологий; преобладанием универсального над локальным³⁰.

Исходя из данной посылки, мы будем понимать **модернизацию** как совокупность процессов трансформации системы, выраженную в совершенствовании алгоритма принятия управленческих решений, развитии экономической рационализации и распространении в обществе научного и творческого индивидуализма. При этом нельзя говорить о том, что отправной

²⁸ Соловьев А.И. Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования // Россия в условиях трансформаций: историко-политологический семинар: Материалы. Вып. 17. М.: ФРИЦ, 2001. – С. 55-64.

²⁹ Alexander J.-F. Fin de Siecle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. – London, N.Y.: Verso, 1995.

³⁰ Федотова В.Г. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. – М.: ИФ РАН, 2010. – С. 37.

точкой структурных изменений являются преобразования на уровне политического. Исходя из принципов теории эволюционизма, подчеркнем, что модернизация считается успешной, если в политической системе наблюдается структурная дифференциация, которая предполагает наличие высокой интегративно-адаптивной способности³¹. Это, в свою очередь, соответствует императиву равенства возможностей агентов модернизации влиять друг на друга. Иными словами, политическая система должна подразумевать открытость для участия в ней гражданского общества и экономических субъектов реформ, а не являться самодовлеющей «вещью-в-себе», которая способна к рефлексии путем ротации инкорпорированных во власть элит и контрэлит. Любая система, сумевшая освоить этот базовый принцип реформ, способна заложить основу для формирования устойчивой *национальной модернизаторской коалиции*, в которой интерес к политической модернизации и мотивация к включению в реформенный процесс будут необходимо артикулированы не только у управленцев и правящей элиты, но и у квалифицированных рабочих кадров – потенциальных агентов инновационного развития.

В западной социально-политической мысли существуют и другие трактовки модернизации. Американский социолог У. Мур понимает под ней радикальный переход любого досовременного общества к технологиям и социальной структуре, характерной для западного мира³².

Крупнейший теоретик модернизации Толкотт Парсонс говорил о ее моноцентричности и о том, что известный нам тип современного общества сложился на Западе, ориентировочно в западной части Римской империи севернее Средиземного моря. Географический детерминизм вкупе с историко-культурным анализом позволил Парсонсу прийти к выводу о том, что именно «глобальный Запад» и христианство стали отправной точкой,

³¹ Coleman J. Modernization and Social structure of the society // International Encyclopedia of Social Sciences / Ed. by D.L. Sills & R.K. Merton. N.Y.: Crowell, Collier, and Macmillan, 1968. – Vol. 10. Pp. 394-401.

³² Moore W.-E. Social Change – New Jersey: Prentice Hall Inc., 1964. – P. 11.

которая впоследствии была признана эталоном для возникновения системы современных обществ³³.

Отметим, что воззрения Парсонса столкнулись с серьезной критикой в социологии и политической науке со стороны других теоретических направлений³⁴. Например, немецкий социолог В. Цапф связывает экономический аспект модернизации с возникновением в Англии «промышленной революции», а политический – с Великой Французской революцией. Таким образом, ученый согласен, что модернизация является неизбежным системным процессом, который ставит перед государствами глобальные проблемы, однако он вариативен и продуцирует различные решения одного и того же вопроса для разных стран³⁵.

На наш взгляд, особенность подхода политической науки к теории модернизации состоит в сосредоточении внимания на вопросе об эффективности функционирования политической системы и ее связи с социумом. В этой связи идейные корни теории модернизации следует искать в наследии К. Маркса, поскольку в его концепции технологическая готовность общества принять перемены тесно связана с экономическим базисом, который, в свою очередь, влияет на политические и культурные особенности реформируемой системы³⁶.

Политическую модернизацию можно рассматривать на примере стран, где появились отличительные черты эпохи Нового времени, на что указывает, например, появление у лейбористских правительств Великобритании идеи о «перманентном реформизме», опирающейся на

³³ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева, под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 17-19.

³⁴ Frank A.-G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology // Latin America: Underdevelopment and Revolution. – NY: Monthly Review Press, 1969. Pp. 20-73.

³⁵ Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 15.

³⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкин. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 254.

концепцию «рефлексирующей модернизации» Э. Гидденса и других приверженцев теории «третьего пути»³⁷.

При дальнейшем анализе мы будем придерживаться определения **политической модернизации**, предложенного заведующим кафедрой политических наук РАНХиГС (Тамбовский филиал) профессором И.И. Санжаревским. Он характеризует ее как процесс обновления институтов политической системы, который связан с изменением типа политических отношений в обществе в целях повышения результативности управления деятельностью по принятию политических решений³⁸.

Говоря об авторском понимании политической модернизации, можем дополнить приведенное выше определение значимостью факта деятельности государства по формированию общенациональной идеи страны, выраженной повышением политической культуры участия и содействием вертикальной политической мобильности граждан через открытые каналы рекрутирования.

Согласно М.В. Ильину, собственно политическая модернизация в мире начинается только на рубеже XIX–XX вв., когда западные страны распространили на весь мир свое экономическое и социокультурное влияние, удерживая глобальные процессы под своим совокупным контролем³⁹.

По сути, взгляд российского политолога на трансформации является продолжением либерального направления в изучении теории политической модернизации, представители которого (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай) связывали успешность преобразований с готовностью политических групп и институтов усилить кооперацию с гражданским обществом с помощью

³⁷ Giddens A. A Social Model for Europe? // Global Europe. Social Europe. Polity / Giddens A., Diamond R., Lidde R. eds. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 15-24; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Д. Седельника и Н.Н. Федотовой. – М.: Прогресс Традиция, 2007. – 460 с.

³⁸ Политическая наука: Словарь-справочник / Авт. и сост. Санжаревский И.И. – Изд.6-е, испр. и доп. – Тамбов: РАНХиГС (Тамбовский филиал), 2014. – 434 с.

³⁹ Ильин М.В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации // Политическая наука. 2003. №2. С. 32.

мобилизации масс и повышения уровня конкуренции не связанных друг с другом элитарных групп⁴⁰.

Со своей стороны, мы критически воспринимаем данную трактовку политической модернизации, поскольку в середине прошлого века распространение в мире ее практики шло далеко не равномерно. В то время, как политическая модернизация рассматривалась странами «третьего мира» как явление поверхностное и выборочное, для западных государств (Германия, Франция, Великобритания, США и Австралия) функциональные проблемы раннего и среднего модерна⁴¹ (устойчивость суверенитета, институционализация властных и партийных структур, создание систем представительного правления и т.д.) преимущественно были уже решены. По нашему мнению, относительно процессов реформ политической системы правомерно говорить о «модернизации в обход модернити». В соответствии с названной теорией модернизация обществ возможна с опорой на национальные традиции и без применения западных социокультурных и политических лекал. Это положение подтверждалось эмпирически на примере стремительного промышленного и научно-технологического подъема стран Юго-Восточной Азии – «новых индустриальных тигров» (Южной Кореи, Тайваня, Малайзии и Сингапура), а также Японии⁴².

Таким образом, социально-политическая действительность трансформировала теоретические представления о реформах, и в последней четверти XX века наряду с идеей о «вестернизации» появилась концепция о «диктатуре развития» (С. Хантингтон, Х. Линц, Дж. Нельсон). Она выражала взгляд ученых консервативного направления и полагала базисом политической модернизации конфликт между степенью прочности и

⁴⁰ Молокова М.А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: Дис. ... д-ра полит. наук. – Курск: Курский гос. ун-т, 2011. – 384 с.

⁴¹ Фарман И.П. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. – М.: Ин-т философии РАН, 1999. – С. 22.

⁴² Tirykiyan E.-A. The Phenomenon of Sociology: A Reader in Sociology of Sociology. – N.Y.: Meredith Corp., 1971.

организованности политических институтов и наличием механизма для артикуляции и агрегирования интересов общества в политике.

Специфика процесса реформ позволила отечественному исследователю Б. Г. Капустину прийти к выводу о том, что самым часто используемым механизмом политической модернизации является заимствование (имитация или копирование) политических практик⁴³. В своих работах Капустин выделил два типа имитации:

1) **имитация алгоритма**, когда функционально воспроизводится механизм процесса политического реформирования, включая его содержание или функциональную нагрузку (например, при взаимодействии государства и оппозиционных партий);

2) **имитация итогов или формы**, симуляция модернизации (провозглашение правового государства, исключая принцип разделения властей).

Имитация реформ происходит в определенном историческом и социокультурном контексте рассматриваемого государства под влиянием национальных традиций. Заимствованные институты и практики под влиянием традиций изменяются и адаптируются к ним, в результате чего возможно появление новых трансформаций.

При этом в рамках классической теории политической модернизации можно выделить два ее основных типа:

1) **органическая, или «первичная» модернизация**, характерная для стран так называемого модернизационного ядра: Великобритании, США, Германии. Ее начало ассоциируют с эпохой промышленной революции в Европе, разрушением традиционной системы общественных отношений и провозглашением гражданского равенства. В приведенных выше странах модернизация происходила, как правило, через эволюцию развития,

⁴³ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 8.

преломляясь вследствие влияния аутентичных культурных традиций и образцов.

2) **догоняющая**, или **«вторичная» модернизация**, которую в разное время прошли Россия, Германия, Турция, Япония, Китай и ряд других стран. Ее основным фактором выступает социокультурное взаимодействие развивающихся стран с модернизационным ядром, а главным средством – технология имитации. В отличие от стран первого типа, в странах «догоняющей» модернизации политический фактор имеет более значимую роль, поскольку к моменту реформ в названных государствах не сложились предпосылки для спонтанной трансформации патриархальных социокультурных и политико-экономических отношений. В результате государство было вынуждено выступать как организатор процесса трансформации, что приводило к отклонениям от алгоритма традиционной эволюции политической модернизации.

При этом если ряд государств предпочли следовать неорганической мобилизационной модернизации, выраженной перенесением западных социокультурных образцов на национальную ментальность (развивающиеся страны Африки), то другие страны доказали, что поиск национальной тождественности не противоречит идеалам реформ и дает гораздо более эффективный результат (Китай, Бразилия, Турция). Американский политолог С. Блэк относил эти общества к пятому типу модернизации, в которых предпосылки к ней вызревали без чрезвычайной мобилизационной необходимости, вызванной внешней угрозой⁴⁴.

Среди отличительных признаков этого типа ученый называл: заблаговременное создание демографической основы для противодействия вызовам глобализации; наличие у политических элит антикризисных программ и защитных механизмов для противодействия прямому навязыванию внешнего управления под видом модернизации; а также

⁴⁴ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper & Row. 1966. – 327 p.

наличие согласованного с обществом механизма ротации элит и бюрократии. Описанная система, по мнению ученого, будет способна поддерживать программы ограниченной модернизации в динамично развивающихся странах и сохранять потенциал «интенсивных» трансформаций для следующих поколений.

Определяя, таким образом, феномен политической модернизации в качестве итога поступательного цивилизационного развития, мы согласимся с отечественным исследователем С.А. Панкратовым в том, что данное явление имеет свои корни в античности и тесно связано с христианской традицией, отчего в качестве **составляющих политической модернизации** можно назвать:

- примат рационализации общественных отношений при проведении реформ;
- опора на ценности индивидуализма и свободу творческой личности;
- усиление роли государства, ослабление легитимности традиционных элит, совершенствование механизма ротации власти;
- создание дифференцированной политической структуры: появление активистской политической культуры социума и рациональной бюрократии, ее превращение в систему управления и контроля реформ;
- расширение сферы применения права и социокультурной специфики (культуры, религии и т.д.), связывающих государство и социум;
- доминирование постулата о социальном прогрессе, основанном на технологическом развитии средств производства;
- экстраверсия, выраженная в перманентной устремленности преобразующего окружающий мир индивида в будущее, которое по умолчанию лучше настоящего⁴⁵.

⁴⁵ Панкратов С.А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 48 с.

Предваряя анализ практики политической модернизации в современной России, выделим общие методологические принципы, которые помогут нам сравнить теорию и практику преобразований с аналогичными процессами в других странах, выработать актуальную концепцию реформирования. На наш взгляд, к принципиальным моментам относятся:

1) понимание модернизации как процесса, напрямую связанного с социально-экономическими, духовными и политическими особенностями функционирования системы (в условиях России – усвоение и переосмысление зарубежного опыта реформ);

2) наличие опыта компаративного анализа различных политических систем, позволяющего находить оптимальный вариант сохранения устойчивости системы и демократического участия общества в реформах (стабильность переходного периода);

3) апробированные варианты концептуальных решений, объясняющих генезис, особенности и обращенность вектора политических изменений к «открытому обществу» (синтез национальных условий с зарубежной практикой при принятии решений по модернизации);

4) анализ взаимной обусловленности (синхронности) между экономической, культурной и политической модернизацией (понимание структурного единства реформ);

5) способность государства к продуцированию адаптационных механизмов, обеспечивающих легитимность власти и стабилизацию общественной жизни модернизируемых стран;

6) популяризация идеологии модернизации, учитывающая ментальные особенности рассматриваемого общества в переходный период.

Дискуссии о месте и роли России в мировой цивилизации, специфике ее исторического развития остаются объектом пристального внимания научного сообщества и общественных деятелей. Общеизвестно, что на сегодняшний момент существует консенсус относительно факта глубоких

различий между модернизацией западных стран и российского государства. Анализ представлений различных отечественных авторов (А.С. Ахиезер, Л.Б. Волков, М.В. Ильин и др.)⁴⁶ относительно понимания особенностей прообразов политической модернизации в России позволяет выделить характеристики, остающиеся в российской истории практически неизменными:

1) инициатором и субъектом модернизации выступало государство в лице правящей элиты, а противодействие ей оказывала инкорпорированная во власть контрэлита;

2) необходимость реформ объяснялась чрезвычайными мобилизационными предпосылками, вызванными внешней угрозой, сокращением экономического отставания, но не социально-политической необходимостью;

3) основой для российских преобразований, как правило, выступал зарубежный опыт, вследствие чего их технологическая модель характеризуется как интенсивно экзогенная, “запаздывающая, догоняющая”;

4) форсированность модернизационных процессов во многом обуславливала их симуляционный характер, сведение к формализованной имитации внешнего образца и функциональную невозможность воспроизводить западные алгоритмы принятия управленческих решений;

5) модернизации вследствие ее цикличности присущ дискретный характер развития⁴⁷ (законодательные новеллы М.М. Сперанского – реакция времен Николая I – крестьянская реформа и промышленный переворот – эпоха «контрреформ» – незавершенный капитализм времен С.Ю. Витте –

⁴⁶ Подробнее: *Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г.* История России: конец или новое начало? – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005; *Волков Л.Б.* Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1985; *Гриценко Н.Ф.* Консервативная стабилизация в России в 1881–1884 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. – М.: Русский путь, 2000; *Ильин М.В.* Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. – М.: РОССПЭН, 2001.

⁴⁷ Приведена только часть модернизационного цикла в XIX–XX вв., *цит. по: Соловьева А.М.* Промышленная революция в России XIX века. – М.: Наука, 1990.

революция 1905 г. – аграрная реформа П.А. Столыпина – Первая мировая война – НЭП – «великий перелом» индустриализации – Великая Отечественная война – социальное государство в СССР – «шоковая терапия» в новой России);

6) следствием неоднозначности политики модернизации являлся социокультурный раскол, сопряженный с принудительными попытками интегрировать инациональную компоненту в российское общество;

7) противоречия процесса реформирования государства и общества, выраженные его несинхронностью и даже полярностью, подчеркивали вторичность фактора модернизации политики перед политикой модернизации.

Действительно, с нашей точки зрения, стойкая направленность процесса реформ на искоренение или замещение национальных традиций не могла не вызывать реакцию отчуждения у основной массы российского социума на проводимые элитой преобразования. В России модернизация никогда не являлась социальной целью, поскольку общественные массы не имели мотивации интерпретировать ценности реформ таким образом, чтобы они, во-первых, сохраняли предметную сущность содержания модернизации, а во-вторых – способствовали сохранению самобытной национальной культуры. Таким образом, в прошлом столетии Россия использовала оба варианта модернизации⁴⁸: классический и ложный.

Ретроспективный анализ практики модернизации в истории России привел Сирила Блэка к похожим выводам. Ученый полагает, что наша страна в процессе трансформаций использовала аутентичный путь развития, заняв, таким образом, срединное положение между странами первого и второго типов модернизации и полукOLONIALными государствами Востока.

Отправными точками реформ в России политолог считает две даты – 1696 и 1861 годы. Первый год, по мнению С. Блэка, знаменует начало

⁴⁸ Панкратов С.А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 48 с.

самостоятельного царствования Петра Великого, а вторая дата считается временем зарождения экономического базиса модернизации – «Великих реформ» Александра II, когда страна переживала промышленный подъем, апогей которого пришелся на 1914 год. С существованием неорганической имперской модели модернизации российского общества согласны и многие отечественные специалисты (В.А. Красильщиков, В.Г. Хорос и другие).

Примечательно, что, например, Н.А. Проскурякова не склонна видеть в этом факте сугубо негативный смысл⁴⁹. Исследователь обращает внимание на неевропейский характер модернизации России, антагонизм которого, с одной стороны, способствовал усилению потребительской (но минималистской по сути и оттого традиционной) трудовой этики российского крестьянства, сохранению патриархального начала в ходе реформ. С другой стороны, зарождение в стране «локомотива» модернизации – класса буржуа (производителей), прогрессивность которого признавал даже В.И. Ленин⁵⁰, связано с событиями времен правления императора Николая I. Среди внешних обстоятельств, подвигающих страну к модернизации, можно отметить изоляцию России после Крымской войны. К внутренним предпосылкам реформ относятся возникновение бюрократии, развитие банковской системы (как следствие – торговли в крупных городах), распространение инженерных знаний (как результат – расширение транспортной сети по всей стране).

Непоследовательность российской модернизации проявилась уже в период крестьянской реформы, которая формально освободила крепостных от зависимости, но не от общины. В дальнейшем, по задумке П.А. Столыпина, с ликвидацией общины в деревне должен был сформироваться многочисленный класс земельных собственников из бывших крестьян. С одной стороны, он смог бы вести хозяйство по правилам фермерства в

⁴⁹ *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

⁵⁰ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Т.3. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1960. – С. 597-602.

капитализме, а с другой – составил правящей элите широкую общественную поддержку и был бы невосприимчив к различным радикальным идеям. Однако эти планы остались нереализованными в связи с убийством Столыпина и грянувшей вскоре Первой мировой войны.

Первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 года в широком общеисторическом смысле стало продолжением прежней неэффективной модели модернизационного развития. Либеральная попытка «новой экономической политики» 1920-х годов воспроизвести научно-производственную базу западного общества с учетом особенностей его развития (доминирование моноотраслевых предприятий, сращивание производственного и банковского капиталов, опережающий рост средств производства по отношению к средствам потребления и т.д.) обуславливала дальнейшее отставание России от стран органической модернизации. Развитие поточно-конвейерного производства и первый опыт государства «всеобщего благоденствия» попали в поле зрения Советов лишь в условиях пресловутой мобилизационной предпосылки – в годы перед и во время Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

Рассмотрение ретроспективы реализации **советского проекта модернизации** иллюстрирует относительно успешную попытку доказать состоятельность и перспективность социально-экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций в рамках «государства-общества». Этот особый организационный тип появился в СССР после индустриального рывка 1930-х гг. и был основан на принципе регулируемой совокупности взаимных отношений социальных групп с государством по поводу технического обновления, обеспечения роста интеллектуального потенциала и согласования интересов и потребностей общества и индивида. Примечательно, что практически идентичная предложенной схеме формула социального партнерства появилась в западных странах лишь в 1960-е годы в период методологического обоснования фазового перехода к «обществу потребления». Стоит заметить, что критические замечания на ранние

попытки Советов сохранить гибридную форму модернизации (новейшие технологии с дорыночным хозяйствованием) высказывал И.В. Сталин. Однако его критика была умеренной, поскольку характеризовала реформенные изменения как попытку сбалансированного ответа на неупорядоченность времен революции⁵¹.

По мнению ряда исследователей (Б.В. Межуев, С.Ф. Черняховский), учет комбинации факторов институционального, национально-исторического, культурно-динамического и общемирового контекстов дает основания полагать, что индустриализация СССР имела наименьшую вероятность осуществиться демократическим путем.⁵² Не выходя за рамки настоящего исследования, отметим, что, несмотря на дискуссию об идеологических и управленческих издержках в Советском Союзе, итоги индустриализации (ликвидация неграмотности и безработицы, урбанизация, ежегодный прирост 4,6% ВВП, увеличение в 2,7 раза производственных фондов тяжелой промышленности) в конечном итоге, стали предпосылками устойчивого развития⁵³.

В бытность Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС страна получила важную компоненту классической модернизации – позитивный для реформ психологический настрой, который ненадолго позволил либеральной интеллигенции в годы «оттепели» вступить с государством в дискуссию относительно вариативности путей реформирования тогдашней России.

⁵¹ *Сталин И.В.* Лекции, читанные в Свердловском университете / Электронная версия собрания сочинений И.В. Сталина, тт.1-18. М., Тверь, 1946-2006 // сост. под общ. ред. *М.Н. Грачева*. [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t6/t6_04.htm#par7 (дата обращения: 07.09.2012).

⁵² Подробнее: *Межуев Б.В.* Перспективы политической модернизации России // Материалы конференции «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». Ярославль. 2010 г. 9-10 сентября. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8322-perspektivy-politicheskoy-modernizacii-rossii.html (дата обращения: 12.12.2010); *Черняховский С.Ф.* Модернизация: противоречивость идеологического концепта и политический процесс в современной России // *Власть*. 2012. № 5. С. 9-12; *Модернизация и политика в XXI веке* / Отв. ред. *Ю.С. Оганисян*, Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011.

⁵³ Подробнее: *Мельянцева В.А.* Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // *Общественные науки и современность*. 2003. № 5. С. 84-95; *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900-2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М.: Наука, 2006.

Наряду с этим, стратегическим промахом эпохи стало проведение реформ (денежной, сельскохозяйственно-производственной через ликвидацию МТС, колхозной и др.) в произвольном порядке и с помощью устоявшихся административных и бюрократических практик.

Период нахождения Л.И. Брежнева у власти (1964-1982) хотя и стартовал как декларируемый модернизационный прорыв восьмой «пятилетки», с течением времени оказался тождественен квазисталинской реставрации. Окончательно оформилась разветвленная система привилегий, контроля и имущественных прав для партийно-государственной номенклатуры, но без массового террора и навязываемых социальных перемен, которые инертное общество в целом не приветствовало⁵⁴. Выдвинутый руководством страны лозунг стабильности на практике означал отказ от попыток обновления советского общества. Как результат – к концу десятой пятилетки (1976-1980) возросло отставание Советского Союза от мировых показателей по новейшим технологиям, практически прекратился экономический рост. Видимость благополучия в указанный период поддерживалась за счет экспорта нефтегазовых ресурсов и торговли другими видами стратегического сырья. Внутренние потребности общества заключались в плюрализме мнений и появлении негосударственных структур в экономике, идеологии, социальной сфере. К середине 1980-х годов система Советов фактически лишилась поддержки «снизу», и ее крах стал вопросом времени.

Вместе с этим, стратегический успех в решении задач форсированной индустриализации страны закономерно ставит на повестку аксиологический вопрос. Сформулируем его следующим образом: почему патримониальное по укладу, преимущественно аграрное в развитии, прединдустриальное общество сумело воспринять и ретранслировать индустриально-

⁵⁴ *Панкратов С.А.* Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: Дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – С. 184-186.

технологические новации, которые до этого с успехом создавались лишь в условиях развитого рыночного хозяйства западных обществ? Среди ответов на поставленный вопрос можем выделить указание на отличительную особенность работы советской агитации периода индустриализации – всеохватную мобилизационную пропаганду идеи глобальности социалистических начинаний и их футурологическую устремленность. Однако в этой связи, по нашему мнению, можно мотивированно говорить о многолетней несменяемости риторики марксизма-ленинизма как о недостатке ввиду утраты ею способности к «поглощающей» адаптации иных идейных течений. Наглядным образом кризис проявился в середине 1980-х годов, в период «гласности», в виде попыток критически переосмыслить опыт советской истории. Затем кризис продолжился в дискуссиях о путях развития социализма (признание множественности идеологических платформ) и завершился идейным оформлением отказа от позитивного опыта строительства социализма в СССР в целом и последующим развалом страны. В этих условиях общество в целях самосохранения было вынуждено затормозить проведение комплексной модернизации, сосредоточившись на политической и экономической компонентах, произведя частичную консервацию социальной части модернизации и в этой связи – условный «откат» системы на два десятилетия назад.

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Под политической модернизацией мы понимаем совокупность процессов обновления политической системы, выраженную в изменении механизма принятия управленческих решений, повышении политической культуры граждан, развитии социально-экономической рационализации и распространении в обществе научного и творческого индивидуализма, отвечающих общенациональной идее государства. Термин «политическая модернизация» показывает вариативность контекста проводимых в странах преобразований и с течением времени требует перманентного

переосмысления, исключая западоцентризм и телеологизм, присущие модернизационной теории ранее. Эволюция социально-политического развития государств мира обусловила возникновение двух типов политической модернизации – органической (США, Германия, Швеция и др.) и «догоняющей» (Япония, Китай, Турция и др.). Наиболее распространенным инструментом политической модернизации является имитация политических практик. Названный инструмент может выступать функционально, как имитация алгоритма реформ, и символически, как имитация итогов и формы модернизации. В отличие от стран органической модернизации, в странах «догоняющей» модернизации политический фактор играет более значимую роль, поскольку к моменту реформ в названных странах государство вынуждено выступать как организатор процесса трансформации.

Противоречиями российской политической модернизации выступают ее направленность на искоренение или замещение национальных традиций. Кроме того, другим характерным противоречием является разность в понимании конечных целей преобразований политической элитой страны и большей частью общества. Если мотивацией правящего класса к проведению политической модернизации служила необходимость сохранения имеющихся политических институтов при их несущественной коррекции, то общество ожидало от модернизации распространения новых социально-политических стандартов и появления механизмов ротации элит. В России модернизация никогда не являлась социальной целью, поскольку общественные массы не имели мотивации интерпретировать ценности реформ таким образом, чтобы они, во-первых, сохраняли предметную сущность содержания модернизации, а во-вторых – способствовали сохранению самобытной национальной культуры.

Ретроспектива реформенного опыта России до конца XX века позволяет характеризовать его как пример догоняющей политической модернизации. Помимо значительной роли государства, особенностями российской модернизации являются: чрезвычайные мобилизационные

предпосылки, вызванные политической, а не социальной необходимостью; дискретный характер развития (смена реформ контрреформами); социокультурный раскол, сопряженный с принудительными попытками интегрировать инациональную компоненту в общество; вторичность фактора модернизации политики перед политикой модернизации, а также излишняя форсированность, что придавало политической модернизации симуляционный характер.

Позитивный российский опыт догоняющей модернизации был продемонстрирован только в XX веке практикой советского модернизационного проекта. До этого фактически весь период истории России мероприятия модернизационного цикла в нашей стране проводились либо разрозненно, не складываясь в систему, либо с комплементарной ролью российского социума в реформах, несмотря на то, что модернизация нашей страны начиная с XVII века осуществлялась в имперских формах, помогающая «имперскому народу» выполнять свою цивилизующую миссию между Востоком и Западом. В то же время сложившаяся в XX веке в СССР комбинация институционального, национально-исторического, культурно-динамического факторов и общемирового контекстов дает основания полагать, что индустриализация имела малую вероятность осуществиться демократическим путем, но итоги реформ, в конечном счете, стали предпосылками устойчивого развития. В последующие годы благоприятный для реформ социально-психологический климат мог наметить переход к собственной модели политических трансформаций, однако ставка государства на стабильность системы и отсутствие социальной коммуникации с обществом, обусловившее его отчужденность от реформ, привели к замещению целей и ценностей модернизации. В этих условиях в советском обществе возникло серьезное социальное расслоение, были вынужденно приостановлены реформы и проведен условный «откат» системы на два десятилетия назад.

1.2 Концепции социального государства в контексте политической модернизации

Дискуссии относительно перспектив развития социального государства в научном сообществе ведутся относительно давно, и за истекшее время они стали неотъемлемой частью современного научного (социально-философского и политологического) дискурса. Некоторое время назад широкое распространение имела идеализированная точка зрения о том, что ориентиром наилучшего социального устройства должна выступать сформировавшаяся в странах Западной Европы концепция социального государства. На наш взгляд, в российском обществе до сих пор находит сторонников ложное представление, что для достижения оптимального уровня всеобщего благоденствия достаточно экстраполировать модель западной социальности на российские социально-политические и экономические реалии.

Предлагаемое ниже авторское представление о социальном государстве исходит из посылки, что данная экстраполяция в целом несостоятельна. Концепция социального государства имеет множество вариантов реализации, которые определяются цивилизационным контекстом⁵⁵. Одно это обстоятельство делает универсальную модель социального развития невозможной.

Анализ философской литературы показывает, что первая и самая большая группа исследователей концепции социального государства видит ключевым понятием концепции тождество социального и общественного. В этой связи социальную политику понимают как общественные действия по

⁵⁵ *Евстифеев Р.В.* Россия на пути к эффективному государству: траектория политического развития в контексте генерации глобальных вызовов. – Владимир: Владимирский фил-л РАГС «Собор», 2008; *Поляков Л.В.* PRO суверенную демократию. – М.: Европа, 2007; *Постников В.Г.* Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // Журнал российского права. 2005. № 1; *Примаков Е.М.* Мысли вслух. – М.: Рос. газета, 2011.

решению проблем, относящихся ко всему социуму⁵⁶. Назначение концепции социальной политики, согласно этому подходу – способствовать возникновению инструментария, релевантного для достижения реформенных целей социума.

Вторая группа концепций рассматривает социальное государство, прежде всего, как инструмент, благодаря значимой роли органов власти призванный нивелировать негативные последствия частного и социального неравенства через систему перераспределительных мер⁵⁷.

Третья группа подходов рассматривает принципы социальной справедливости и социального партнерства как ключевые параметры отношений между современным гражданским обществом, бизнесом и социальным государством⁵⁸. Разделение названных концепций носит условный характер, так как действительная социальная политика, осуществляемая большинством современных государств, в разной степени акцентирует элементы каждой из концепций.

С одной стороны, нам представляется очевидным, что любая технологическая модернизация, проведенная без преобразования общественных отношений, эффективна лишь в краткосрочной перспективе, так как только социальная сфера гарантирует общественную адаптацию и реализацию достижений технологической модернизации, то есть социальных реформ. С другой стороны, в настоящем исследовании мы не ставим задачи отождествления концепции социального государства исключительно с функциональной ролью государственных институтов в модернизации, будь то универсальная политика по социальной защите населения или сервисный подход в отдельных социальных сферах (образование, здравоохранение, жилищная политика и т.д.). Вопросы разработки концепции социального

⁵⁶ Жильская Л.В. Сущность социального государства // История государства и права. 2005. № 3. С. 9; Смирнов С.Н. Социальные аспекты модернизации России // Мир России. 2010. № 4. С. 118.

⁵⁷ Капицын В.М. Социальное государство и право: сущность и взаимозависимость // Российский журнал социальной работы. 1998. № 7. 82 с.

⁵⁸ Великая Н.М. Политическая консолидация российского общества в контексте его социальной трансформации / Под ред. С.И. Барзилова. – СПб.: Человек, 2003. – 100 с.

государства, по нашему мнению, могут также затрагивать условия формирования национального благосостояния за счет вовлечения гражданского общества и бизнеса в инновационные процессы.

Первыми подобную идею систематизированно изложили Г. Мюрдаль и Дж. Гэлбрейт в конце 1950-х гг. Согласно их воззрениям, неотъемлемой частью благоденствия в обществе являются не только субсидируемые государством услуги, но и комплексные программы реформирования, подразумевающие участие других агентов модернизации. Представители концепции «государства всеобщего благоденствия» выступали за распределительный механизм, который позволил бы гарантировать исполнение социальных услуг при одновременном обеспечении роста общественного и индивидуального благосостояния за счет использования государством конкретных механизмов повышения мотивационных установок действующего субъекта модернизации (наемного работника) к инновациям. По мысли Гэлбрейта, применяемый государством инструментарий (правовое принуждение, экономическое поощрение и социальная конвергенция) способствует поэтапному приспособлению собственных потребностей и целей индивида к потребностям и целям реформируемого общества в целом.

Разделяя данный подход к социальному государству, отметим, что национальная модель концепции такого государства должна включать социальное обслуживание и социальную поддержку, однако чтобы избежать социального иждивенчества страна нуждается в такой модернизационной парадигме, при которой целью концепции социального государства является инвестирование в развитие человеческого капитала.

Мы определяем понятие **«концепция социального государства»** как официальную систему взглядов государства, представителей бизнес-сообщества и гражданского общества, выражающую достигнутый между ними компромисс по поводу целей, направлений и методов оптимизации социального развития страны, и определяющую параметры стратегии реформ. В общем виде концепция действительно отражает социальное

предназначение властных институтов, механизмы участия других названных агентов реформ (гражданское общество и бизнес) в их проведении, прописывает критерии оценки заданных показателей по социальным реформам, а также способы реализации последних. Кроме того, концепция социального государства – это не столько политико-правовой комплекс мер социальной политики, сколько функциональная система кооперации между агентами социальных трансформаций, предназначением которой является стимулирование проактивной реформенной позиции индивида, повышение его благосостояния как составного элемента общества в целом.

С нашей точки зрения, примечательной является дефиниция концепции социального государства, представленная В.М. Капицыным. Он определил концепцию достаточно широко, рассмотрев ее с позиции управляющего воздействия государства, основанного на системе нормативных правил, на трансформацию социокультурной деятельности, которая формирует интерес к политическим процессам у других агентов социальной политики (общества и предпринимателей)⁵⁹.

Любопытно, что другой отечественный исследователь Ю.М. Вассерман определяет неминуемую социокультурную дифференциацию общества в процессе изменения социальной политики как модернизационный социокультурный континуальный синдром, содержащий два полюса упомянутого континуума⁶⁰.

Первый из полюсов (контрмодернизационный синдром, в концепции Вассермана) ассоциируется с негативным отношением агентов трансформаций к появлению новшеств, приносимых процессом модернизации, и служит базисом теорий, находящихся в разной степени антагонизма к модернизации – консерватизм или социализм; а второй (промодернизационный синдром), напротив, в реформистской либеральной

⁵⁹ Капицын В.М. Социальное государство и право: сущность и взаимозависимость // Российский журнал социальной работы. 1998. № 7. С. 35-36.

⁶⁰ Вассерман Ю.М. Модернизационный социокультурный континуальный синдром // Социология. 2007. № 1. С.37.

традиции приветствует инновации. Иными словами, методологическая приверженность любой концепции социальности на практике не означает ни устранения государства из экономики и доминирования «стихии рынка» в хозяйственной сфере, ни чрезмерной государственной опеки гражданских институтов при формировании у них видения основ социальной политики. Названное обстоятельство дает основания полагать о наличии нескольких разновидностей взглядов государства на социальную сферу.

Концептуальный подход к социальной политике предполагает также институциональный и функциональный анализ субъекта и объекта социальной политики в проблемном пространстве для определения оптимальной тактики, а также ресурсов и средств для решения конкретных задач. Так, комплекс ресурсов, связанный с регулированием отношений взаимного признания, т.е. с членством агентов модернизации в определенных группах интересов (речь о них пойдет в параграфе 2.2 настоящего исследования), принято называть **социальным капиталом**. Социальный капитал является приоритетом для антропогенного развития, поскольку в настоящее время многие государства мира, вне зависимости от наличия в их основном законе пункта о приверженности идеям социального государства, де-факто проводят свою социально-экономическую политику в обозначенном ключе, руководствуясь несколькими основополагающими **принципами социального государства**:

- регулирующая роль рынка, проявленная через механизм спроса и предложения, а также внутреннюю конкуренцию товаров и услуг с учетом специфики местного производства;
- ответственность государства за реализацию основных направлений социальной политики, обеспечивающей индивиду достойную жизнь и свободное развитие;
- прозрачность законодательства, социальная ответственность субъектов управления и соблюдение признанных правил рынка, в том числе при перераспределении национального дохода;

- признание за средними и малыми предприятиями и работодателями или их объединениями и самозанятыми в бизнесе лицами права тарифной автономии на основе социального партнерства;
- экономическая демократия, выраженная посредством участия гражданского общества в управлении организациями, в общественной и государственной жизни страны.

Анализ мирового социально-политического опыта показывает, что иллюзорность концепции общества потребления и роли предлагаемых ею социальных технологий породили, среди прочего, массовое социальное иждивенчество не только в глобализированном «открытом обществе», но и в ожидающем реформ позднесоветском социуме (вторая половина 1980-х гг.). В конечном счете подобная мировоззренческая установка возвела в абсолют нерелевантные концепты о достижении «государства всеобщего благоденствия» согласно принципам «меньше работать – больше получать», апеллируя к гарантированному государственному социальному страхованию и им подобным ложным социальным практикам.

Альтернативой сложившимся представлениям о существующей в мире системе отношений между агентами модернизации является концепция о **социальном государстве активного постреформенного общества**, которое характеризуется политической устойчивостью, социально-экономическим благополучием, культурно-цивилизационной самобытностью и иными стратегическими возможностями для обеспечения задач модернизации.

По мнению автора, для реализации **национальной концепции социальной политики** государству необходимо:

1) учитывать, что модернизация в экономической и социальной сферах должны проходить максимально синхронно. Появление новых производств, реформирование систем здравоохранения, науки и образования, экономическая поддержка развития среднего класса с необходимостью повлекут большие изменения на уровне сознания россиян, что будет перманентно требовать изменения всей системы социальных отношений;

2) создавать социокультурные и производственные предпосылки в обществе для самозанятости его наиболее активных членов в предпринимательской деятельности. Процесс модернизации связан с вопросом повышения гражданской активности, раскрытием творческого потенциала членом социума, поэтому государству надлежит быть готовым к повышению степени самоорганизации общества, к расширению стремления индивидов активнее защищать свои права и свободы;

3) активизировать каналы социальной коммуникации с другими агентами модернизации для того, чтобы распространить среди «реальной» группы интересов (пассивная к модернизации часть среднего класса общества) постулат, что государство – не донор, а партнер, создающий комфортные условия для широкого участия граждан в преобразованиях.

Каждое государство выбирает из указанных выше составляющих социальной политики приоритетный элемент и реализует его в рамках конкретных мероприятий определенной концепции социального государства, в соответствии с собственными представлениями о реформах. Подобный выбор обусловлен наличием различных моделей социальной политики, использовавшихся отдельными государствами в разных исторических условиях. Исходя из этой цели, *задачей концепции социального государства* является выработка стратегии реформ, следуя по вектору *от социальной защиты к социальному прогрессу*.

По нашему мнению, рассмотрение для этого классификации концепций социальных государств, предложенной Г. Эспринг-Андерсеном, может считаться приемлемым, поскольку использует три вариации концепции – *либеральную, социал-демократическую и консервативную*⁶¹.

Основанием для *либеральной концепции* социального государства (образцами которой считаются США, Канада и Австралия) служит принцип индивидуализма, по которому свободный в творческом и профессиональном

⁶¹ Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. – L.: Cambridge University Press, 1990. – Pp. 9-54.

развитии гражданин самостоятельно определяет свое место и функционал в обществе. Согласно этой концепции, роль государства минимальна и носит адресный характер по отношению к нуждающимся, а ключевыми агентами становятся личность и частные социальные организации (страховые фонды и юридические фирмы и т.д.), работа которых строится на принципе частного страхования самими гражданами. В либеральной концепции государством поощряется развитие в обществе форм корпоративной социальной поддержки. Данная политика приносит, по ряду оценок, благоприятные результаты. Например, в США социальные расходы крупного бизнеса возрастают куда быстрее государственных: если в 1975 году социальные затраты корпораций не составляли и половины от государственных, то в 1991 году они достигли показателей в две трети их суммы, получив в структуре ВВП более 13%⁶².

Отличительной чертой **социал-демократической концепции** (которая доминирует в странах Восточной Европы) является соблюдение принципа социальной защиты всего населения. Социал-демократический тип социальности предполагает высокую степень социальной ответственности государства, занимающегося обеспечением всеобщей занятости, доступностью социальных услуг, обобществлением доходов и разработкой универсальных механизмов их перераспределения.

В середине 1950-х гг. концепция социального государства была отчасти заимствована у Советского Союза и переосмыслена в русле традиции левого политического мышления⁶³. Но, по нашему мнению, говорить о преемственных параллелях между опытом социального государства в Польше или Чехии и отечественной практикой реформ не вполне приемлемо

⁶² Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1. С. 29-30.

⁶³ Комф Е.В. Органичная модернизация в странах Восточной Европы: предпосылки и перспективы // Психология, социология и педагогика. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/04/2105> (дата обращения: 21.06.2015); Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы: сб. статей / Отв. ред. Гуськова Е.К., Шанишева Л.Н. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – 166 с.; Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России. – М.: Республика, 1994. – 172 с.

по нескольким причинам. Так, на уровне методологии социальные преобразования конца 1980-х годов в странах Центральной и Восточной Европы не выработали теории посткоммунистической модернизации, которая могла бы в полной мере воспроизвести региональную специфику концепции социального государства бывших коммунистических стран и на этой основе выработать эффективную систему по управлению трансформациями.

В начале 1990-х годов Россия, находившаяся в поисках аутентичной концепции социальности, обращалась к социально-экономическому опыту бывших партнеров по Организации Варшавского договора («шоковая терапия», ускоренная приватизация и т.д.), полагая, что могла бы успешно и безболезненно заимствовать данную практику в качестве универсального прообраза социального государства. Однако в отличие от России, в ряде стран Восточной Европы важную роль в разработке концепции социального государства играла гражданская инициатива. Например, во время «бархатной революции» Чехословакия демонстрировала наследие локальных протестов интеллигенции в городах и средних фермеров на селе, напоминая властям о предкоммунистическом периоде государства, чего не было в 1988-1991 годах в социальной истории новой России.⁶⁴ В Польше концепция социального государства и сам процесс модернизации были инициированы за счет активизации неформальных практик профсоюзных активистов (движение «Солидарность» и др.), что выражалось в использовании ими сетевого принципа как стратегии для включения в управление на начальном этапе реформ.⁶⁵ В нашей стране переход от социалистического строительства к демократии был ознаменован тем, что «пионеры» политической модернизации изначально были инкорпорированы в правящую элиту, и их

⁶⁴ *Mudde C. Civil society in post-communist Europe: lessons from the «dark side» // Uncivil society? Contentious politics in post-communist Europe. – London: Routledge, 2003. – Pp. 65-71.*

⁶⁵ *Peoples Cl.-D. Consistency in the Midst of Change: Class and Value Stability in Poland: 1988–2003 // Comparative Sociology. 2011. Vol. 10. Pp. 126-144*

выделение из нее было обусловлено не общественным запросом на трансформации, а внутриэлитным конфликтом.

Главным постулатом **консервативной концепции социального государства** (сложившейся в Германии, Франции, странах Бенилюкса и Италии) является идея компромисса и партнерства между государством, предпринимательскими кругами и гражданским обществом. В отличие от социал-демократического аналога, данная концепция социального государства не ставит задачей всеобщее благосостояние, но нацелена на решение проблем общества. По логике этой концепции, на определенном этапе реформ государство становится «первым среди равных в известном треугольнике социальных отношений – власть, предприниматели и гражданское общество»⁶⁶. Государство склонно поощрять социальную ответственность бизнеса и само обеспечивает весьма высокий уровень целевых социальных гарантий. Вместе с тем, предоставляемые гарантии прямо пропорциональны социальному положению индивида в обществе (поддержка материнства и детства почти всегда обязательна, однако программы государственного финансирования домов престарелых или стоящих на бирже труда формируются по остаточному принципу). Примечательно, что большая часть обязательств государства перед гражданами реализуется через частные профильные организации. В консервативной концепции достаточно развит правовой арбитраж при разбирательствах между государством, бизнесом и гражданами по трудовым и иным спорам путем законодательного внесения изменений в структуру социального партнерства.

По нашему мнению, консервативная концепция социального государства сочетает лучшие практики двух других аналогов, поскольку справедливо предполагает, что излишняя социальная опека граждан понижает у них стимулы к труду. Стоит сказать, что существующая

⁶⁶ Кара-Мурза С.Г., Осипов В.Г. Общество знания: история модернизации на Западе и в СССР. – М.: Либроком, 2013. – С. 86-87.

проблема растущей миграции в Евросоюз лишь укрепляет официальные общеевропейские власти в правильности выводов о социальном паразитизме и необходимости законодательного изменения основ социальности в ЕС.

Примечательно, что задолго до этого И.А. Ильин также видел право в качестве базового признака и одновременно духовной скрепы в концепции любого социального государства. По мысли философа, власть, руководствуясь принципами права, обеспечивает достойное существование членам общества, которые связаны духовностью, солидарностью и патриотизмом⁶⁷.

Иными словами, концепция социального государства не может считаться состоятельной, если индивид как часть гражданского общества не имеет возможности участвовать в разработке критериев эффективности государственной социальной политики и реализации собственно социально-политических реформ. Это представляется нам особенно важным, если говорить о *цели концепции социального государства в контексте политической модернизации*.

На наш взгляд, она должна подготовить общество к активному участию в новой индустриально-инновационной экономике, найти оптимальный баланс между политической целесообразностью в условиях кризиса и гарантированным обеспечением общественных благ, утвердить социальные отношения, базирующиеся на постулатах справедливости и права. При этом мы можем определить перечень главных задач, которые надлежит решить государству в русле модернизационного процесса на пути к реальной социальной инициативе от всех агентов трансформаций:

- 1) принять и реализовать на практике справедливые законы и четко сформулированные правовые нормы для профилактики, регулирования и нивелирования возможных конфликтов, а также функционирования всей структуры общественных отношений;

⁶⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.

2) исключить из трансформирующейся реальности модернизации социальный инфантилизм, привить агентам преобразований новую мотивацию к труду, основанную на принципах ответственности индивида и бизнеса, комплексном взаимодействии государства со всеми субъектами трудовых отношений;

3) реализовать систему качественных социальных стандартов и профессиональных квалификаций, особенно экономически активного населения;

4) создать работоспособный алгоритм социально-трудовых отношений, базисом которого будут являться механизмы партнерства государства, частного бизнеса и профессиональных объединений;

5) развивать саморегулирующиеся структуры в жизни общества, обращая особое внимание на местное самоуправление, обновить институты гражданского общества в качестве эффективных инструментов осуществления социальных инициатив;

6) повысить значение информационной составляющей жизни социума, расширить возможности сетевых технологий применительно к вопросам информирования граждан и укрепления устойчивой обратной связи общества и государства;

7) создать эффективную государственную систему управления социальными процессами, выстроенную по вертикали и по горизонтали, включающих профессиональных экспертов, управляющих и наемных работников на всех уровнях реформенной структуры общества и государства.

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Концепция социального государства – официальная система взглядов государства, представителей предпринимательского сообщества и гражданского общества, выражающая согласованный между ними компромисс по поводу целей, направлений и методов оптимизации социального развития государства и определяющий параметры стратегии

реформ. Тем не менее, анализ зарубежного социально-политического опыта показывает, что в настоящее время в мире отсутствует универсальная концепция социального государства. К числу общих признаков разнообразных моделей можно отнести:

1) синтез принципов социального страхования, распространяющегося на гражданское общество, и социальной солидарности, гарантированной государством;

2) трехуровневая схема системы социального обеспечения (базовый, дополнительный и специальный) – по числу агентов социальных трансформаций;

3) трипартизм – трехсторонние консультации для выработки компромиссных соглашений между предпринимателями, гражданским обществом и представителями государства.

Каждое государство выбирает из указанных выше составляющих социальной политики приоритетный элемент и реализует его как главный в рамках определенной концепции социального государства, в соответствии с идеологическим мировоззрением на цели реформ – либеральным, социал-демократическим или консервативным.

Основанием для **либеральной концепции** социального государства (США, Канада и Австралия) служит принцип индивидуализма, по которому свободный в творческом и профессиональном развитии гражданин самостоятельно определяет свое место и функционал в обществе. Согласно этой концепции, роль государства минимальна и носит адресный характер в отношении нуждающихся, а ключевыми агентами становятся личность и частные социальные организации (страховые фонды и юридические фирмы и т.д.), работа которых строится на принципе частного страхования самими гражданами. Отличительной чертой **социал-демократической концепции** (страны Восточной Европы) является соблюдение принципа социальной защиты всего населения, закрепленное в качестве гарантированного права. Социал-демократический тип социальности предполагает высокую степень

социальной ответственности государства, занимающегося обеспечением всеобщей занятости, доступностью социальных услуг, обобществлением доходов и разработкой универсальных механизмов их перераспределения.

Главным постулатом **консервативной концепции** социального государства (Германия, Франция, страны Бенилюкса) является идея компромисса и партнерства между государством, предпринимательскими кругами и гражданским обществом. В отличие от социал-демократического аналога, данная концепция социального государства не ставит задачей всеобщее благосостояние, но нацелена на решение проблем общества. Государство склонно поощрять социальную ответственность бизнеса и само обеспечивает весьма высокий уровень целевых социальных гарантий. Вместе с тем, предоставляемые гарантии прямо пропорциональны социальному положению индивида в обществе (поддержка материнства и детства почти всегда обязательна, однако программы госфинансирования домов престарелых или стоящих на бирже труда формируются по остаточному принципу).

По мнению автора, консервативная концепция социального государства сочетает лучшие практики двух других аналогов, поскольку справедливо предполагает, что излишняя социальная опека граждан понижает у них стимулы к труду. Стоит сказать, что существующая проблема растущей миграции в Евросоюз лишь укрепляет официальные общеевропейские власти в правильности выводов о социальном паразитизме и необходимости законодательного изменения основ социальности в ЕС.

Успех реализации концепции социального государства в контексте модернизационного процесса во многом зависит от принципов его осуществления. По нашему мнению, поступательное проведение социально-политических реформ, после преобразований на уровне политического должно совпадать с целями производства в концепции социального государства – роста общественного благосостояния на основе самообеспечения граждан и распределительного принципа.

Индивидуальное благосостояние находится в прямой зависимости от общественного. С другой стороны, человек с растущими потребностями и функциональными возможностями их удовлетворения рассматривается в современных концепциях социального государства как высшая цель функционирования экономической системы. В этой связи государству следует уделять повышенное внимание разработке моделей прогнозирования и планирования социального благосостояния, поскольку использование подобных моделей в модернизации может способствовать повышению эффективности проводимой социальной политики.

Для проведения политической модернизации в концепции социального государства важно учесть механизмы политической устойчивости властных институтов, которые по-разному проявляют себя в конкретных исторических условиях, но по определению сводятся к такому распределению реального участия агентов социальных трансформаций в принятии политических решений, которое удерживало бы доминирование во власти правящей элиты.

Кроме этого, концепция социального государства не должна содержать экономических конфликтов, то есть признавать справедливым имеющееся между агентами социальных трансформаций собственности распределение функций управления в хозяйстве. Другими связанными с этим аспектом элементами концепции являются: функционирование системы распределения экономических ресурсов и благ (от нее зависит активность участия среднего класса в устранении социальных проблем) и обеспечение государством достаточного уровня социальной защищенности каждого из агентов трансформаций.

Вопрос о максимально адаптированной к российским социально-экономическим реалиям концепции социального государства невозможно откладывать на неопределенную перспективу, внося в нее дополнения по ходу асинхронного развития процессов модернизации. В свою очередь, этот затронутый нами аспект требует ответа на вопрос: какой должна быть социальная модернизация в государстве в условиях глобальной социально-

политической нестабильности и в чем ее нереализованные резервы и возможности?

На наш взгляд, процесс модернизации, позволяющий утвердить такую систему социальных отношений в государстве, чтобы концепция его социальности заработала, предусматривает соблюдение нескольких **принципов**:

1) **эволюционности** – в процессе появления национальной концепции социального государства не должно быть форсированного «забегания вперед», а общественные преобразования должны соответствовать уровню трансформаций политической системы и возможностям экономики;

2) **солидарной ответственности** агентов модернизации, подразумевающей, что не только государству, но и частным предпринимателям, а также всем слоям реформенного общества следует нести ответственность за реализацию и результаты социальной модернизации. Для успеха концепции социального государства принципиально, чтобы каждый индивид вносил свой вклад в модернизацию. Благодаря подобному пониманию может быть достигнут широкий общественный консенсус относительно курса реформ;

3) **партнерского участия** – закономерно происходящего из выше описанных предположений о взаимосвязи между модернизацией и концепцией социального государства. Работа во имя «всеобщего благоденствия» должна строиться на базе взаимодействия государства, бизнеса и граждан. Задача власти на этом этапе заключается в том, чтобы поддерживать целерациональный баланс интересов агентов социальных трансформаций через механизмы социального и частно-государственного партнерства, создавая условия для расширения участия негосударственного сектора в модернизации общественных отношений;

4) **создания системы социальной мотивации** агентов модернизации, что представляется задачей государственной власти, которой

следует разработать способы повышения мотивации (творческой, финансовой, трудовой) индивидов (правовое принуждение, экономическое поощрение и социальная конвергенция), способствующие сближению собственных потребностей и целей индивидов с потребностями и целями всего социального государства;

5) **профессионализма** агентов трансформаций, связанного со сформулированным нами понятием социального капитала модернизации, который производится обществом определенного реформенного типа (в зависимости от избранного идеологического мировоззрения) и доступен всем группам интересов. В качестве общепризнанного социального капитала модернизации можно назвать реформированную сферу образования, здравоохранения и т.д. Все решения должны приниматься с учетом научно обоснованной полезности, поскольку концепция социального государства несет в себе не только функции защиты и услуги для общества, но и его вовлечение в инновационные процессы, сглаживания полярности подходов агентов модернизации к приоритетам и назначению социальной политики в государстве.

Проведенный в параграфе анализ показал, что если предназначением социального государства считать достижение социальной эффективности, то в широком смысле его концепция может рассматриваться как трактовка способов удовлетворения государством социальных потребностей и развития системы мотивации других агентов социально-политической модернизации.

1.3 Влияние политической модернизации на национальную концепцию социального государства: зарубежный опыт

Обращаясь к перечисленным нами ранее в исследовании вариантам концепции социального государства, которые в зависимости от идеологии агентов реформ могут принимать различные воплощения благодаря вариативности политической модернизации, еще раз отметим, что основанием для выделения последних может быть тип модернизации – органическая и догоняющая.

Ключевой особенностью, обуславливающей разграничение вариантов влияния модернизации на концепцию социального государства, является, на наш взгляд, цикличность предлагаемой схемы. Модернизация прошла ряд исторических перемен – от целостного процесса трансформации всего общества на Западе с начала Нового времени и построения первой либеральной современности XIX века; через кризис к догоняющей модели модернизации незападных стран и вторую организованную (социальной гибридизацией, техникой, технократией и бюрократией) модерность Запада в 1920-70-е годы. Далее – этап постмодернизма с его критикой модернизма за его идеологическую ригидность и структурную системность. В 1990-х гг. глобализация интенсифицировала внезапный проект либерального модерна в одних посткоммунистических странах (Восточная и Центральная Европа) и модернизацию на собственной социокультурной основе – в других, к которым можно отнести и Россию. В глобальном мегатренде такая цикличность может рассматриваться нами как провал модернизации со своими негативными (навязывание странами-лидерами модернизации остальному миру определенного формата преобразований, в котором следует существование заданного Западом содержания) и позитивными следами (усиление социальной конвергенции в мире, стимулировавшей участие общества, по меньшей мере, в дискуссии о социальном государстве).

Несостоятельность технологии имитации при проведении политических реформ позволяет нам говорить о наличии шести подвариантов влияния политической модернизации на концепцию социального государства в современном глобализирующемся мире:

1) *влияние органической политической модернизации на либеральную концепцию социального государства* может быть рассмотрено на примере США, где основанием такого влияния стал экономический базис. Эволюция структурных реформ в обществе еще в Новое время способствовала возникновению социального компромисса по поводу целей политической модернизации и ценностей социального государства (созданием ценностей занимается бизнес-сообщество, потреблением и переосмыслением – государство, а функции распределения берет на себя гражданское общество). Торжество принципа индивидуализма помогло свободному в творческом и профессиональном развитии гражданину самостоятельно определить свое место и функционал в обществе. Роль государства в этой модели минимальна и носит адресный характер по отношению к нуждающимся, а ключевыми агентами становятся личность и частные социальные организации (страховые фонды и юридические фирмы и т.д.), работа которых строится на принципе частного страхования самими гражданами. Данная политика приносит, по ряду оценок, благоприятные результаты. Например, в США социальные расходы крупного бизнеса возрастают куда быстрее государственных: если в 1975 году социальные затраты корпораций не составляли и половины от государственных, то в 1991 году они достигли показателей в две трети их суммы, получив в структуре ВВП более 13%⁶⁸.

2) *влияние органической политической модернизации на социал-демократическую концепцию социального государства* (Норвегия, Швеция, Дания) обусловлено согласованностью типа политического режима

⁶⁸ Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1. С. 29-30.

в стране с проводимой в ней социальной политикой, в основании которой лежит соблюдение принципа социальной защиты всего населения, закрепленное в основных законах. Существенной особенностью влияния данного типа политической модернизации на социальное государство является транспарентность реформенной системы. Так, в середине 1960-х гг. модель социальной политики подверглась частичному пересмотру с учетом позитивного опыта Советского Союза и переосмыслена в русле западной традиции умеренно-левого политического мышления. Социал-демократический подвариант влияния предполагает высокую степень социальной ответственности государства, занимающегося обеспечением всеобщей занятости, доступностью социальных услуг, обобществлением доходов и разработкой универсальных механизмов их перераспределения.

3) *влияние органической политической модернизации на консервативную концепцию социального государства* имеет место в ФРГ. Вопросы модернизации в этой стране всегда являлись предметом оживленной дискуссии. Влияние модернизации на консервативную концепцию социального государства явило себя в Германии как переход от правового государства, особенности которого закреплялись в конституции, к государству-производителю товаров и услуг. В центре интересов сторонников модернизации оказалась государственная служба как производитель товаров и услуг, конкурирующая с другими производителями и руководствующаяся идеями создания ценностей, которые должны прийти на смену общему благу в политике. При этом главными моментами критики стали методы управления и неоправданно высокое расходование ресурсов под воздействием деятельности бюрократического аппарата. Оценка эффективности подобной модернизации и тем более ее отношение к социальному государству является проблемой, поэтому германское правительство пытается применять экономические критерии. Влияние политических реформ на социальность в государстве предлагается оценивать по нескольким критериям: 1) новое перераспределение задач и

ответственности между государством, бизнесом и обществом: большая направленность на индивида, возложение на инновационных предпринимателей бремени по формированию социального капитала в государстве и одновременный уход государства от решения публичных задач; 2) отход государства от сверхрегулирования социальных процессов в сторону стимулирования инвестиционной активности среднего предпринимательства в социальных проектах, а также снижение бюрократических барьеров; 3) использование информационных технологий и коммуникационной техники; 4) придание системе государственного управления следующих квалификационных характеристик: результативность – экономичность – сервисная направленность.

Таким образом, поддержку человеческого капитала в модернизации предлагается осуществлять через социальные отношения в профессиональной, политической и социальной сферах. В этом смысле государство как агент модернизации выступает связующим звеном взаимоотношений между работником и работодателем, индивидом и обществом, является гарантом принципа социальной солидарности – основы любой концепции социального государства.

4) *влияние догоняющей политической модернизации на либеральную концепцию социального государства* (Япония) обусловлено сочетанием традиции и модерна в социальной политике. Так, на японскую либеральную модель модернизации наложили отпечаток особенности японской культуры и воспитания, воспроизводящие следующие качества: стремление к достижению общих целей группы индивидов (сюдан-сюги), преданность начальству, трудолюбие, которые на уровне этнического самосознания происходят из феодальных времен, хотя и преобразуются вследствие распространения предпринимательского рационализма. Кроме того, «национализация» универсальных принципов модернизации в Японии происходит на основе осознания потенциальной угрозы зависимости от зарубежного капитала ввиду ограниченности природных ресурсов. Это

обстоятельство побуждает власти развивать предпринимательскую энергию для сбалансирования импорта товаров и экспортной выручки, а также сочетать экстенсивные (высокую капиталоемкость) и интенсивные (повышенную фондоотдачу и организацию управления производством) механизмы труда, сопряженные с правовой и социальной поддержкой государством человеческого капитала рабочих и служащих.

5) *влияние догоняющей политической модернизации на социал-демократическую концепцию социального государства* было наиболее выражено в Турции. Эта страна имеет ряд схожих с Россией позиций, обуславливающих обращение к модернизационной парадигме. Во-первых, обе евразийские страны ориентированы на максимально эффективное использование своей цивилизационной рубежности и развитие многопартнерской модели мировой кооперации.

Во-вторых, в начале прошлого века обе страны претерпели радикальную смену модели социально-политического развития вследствие распада империй (Российской и Османской соответственно). Для России и Турции также был характерен выбор в пользу модели «догоняющей» модернизации с усилением роли политического фактора в трансформации традиционных социокультурных и социально-экономических структур, с которым в дальнейшем была связана активизация в ходе модернизации бюрократического аппарата (в России) и активного гражданского общества (активиста-предпринимателя в Турции).

В-третьих, в турецком обществе, как и в российском социуме, внешние факторы модернизации продолжают превалировать над внутренней потребностью в ней. Турция, как и реформенная Россия, на разных этапах социально-политических трансформаций обращалась к различным инструментам ускорения своего развития: от форсированной вестернизации обратно к этатизму и рывком до рыночных реформ с привлечением к ним широких слоев общества. В результате многообразных сочетаний и комбинаций моделей социального государства Турция получила

возможность определить путь цивилизационного развития в направлении к статусу региональной державы.

Политическая модернизация в Турции примечательна также тем, что здесь, в отличие от нашей страны, реформы поступательно затрагивают большую часть экономических укладов и социальных страт общества. С целью обеспечить всеохватность перемен и вовлеченность в политическую модернизацию всего социума, турецкие власти сделали ставку на совмещение традиции и инновационной компоненты в этом процессе. Иными словами, государству удалось привлечь к модернизации в том числе наиболее ортодоксальных ультраконсерваторов, развивая исламский бизнес и внедряя предложения традиционных религиозных структур в модернизированном виде. С позиции эффективности развития турецкую модель преобразований можно считать более оптимальной в сравнении с иранской, где из-за санкций модернизация происходит нелинейно, благодаря прорывам на отдельных направлениях. Будучи заинтересованной в сохранении национальной идентичности при одновременном использовании передового мирового опыта модернизации, Турция накопила опыт решения связанных с концепцией социального государства проблем, который представляет большой интерес и для нашего государства. Так, по мере развития современного турецкого общества в нем сложилось четкое осознание того, что инновации и способы их практического применения являются главными детерминантами реформенного развития ради дееспособности социального государства в современном мире. В этой связи нацеленность российского и турецкого социумов на формирование инновационного общества ставит новые и весьма актуальные вопросы модернизации социальной структуры. По нашему мнению, эти вопросы сосредотачивают внимание агентов реформ на соблюдении принципов частно-государственного партнерства, совместном формировании стратегий развития образования и других приоритетных социальных сфер с акцентом на повышении в них возможностей научной, экономической и

управленческой подготовки агентов модернизации – предпринимателей-инноваторов, наемных работников-интеллектуалов, ученых и менеджеров производителей. Успехи подобного подхода к вопросу становления национальной концепции социального государства наиболее заметно проявились в отраслевых особенностях социально-экономической модернизации и специфике «догоняющей» социальной гибридизации. Со стартом в Турции политической модернизации (1920-е гг.) изначально слабый незападный общественный организм в ходе смены технологических циклов и мировоззренческих эпох смог изменить свое состояние таким образом, что в эпоху научно-технической революции социальная гибридизация стала необратимой и привела к появлению смешанного типа национальной модернизаторской коалиции – патриархально-городской.⁶⁹ В XXI веке, в эпоху техноэкономической парадигмы, характеризующейся ростом значения информации, знаний, коммуникаций, сетевой логики, технологической конвергенции и других факторов, производственные процессы в Турции становились все более инновационными и высокотехнологичными.⁷⁰ Как итог – экспортоориентированная модель развития Турции заметно повысила долю высокотехнологичных отраслей во внутреннем производстве. В страну перманентно идут иностранные инвестиции, которые вносят значительный вклад в модернизацию экономики. В 1960-70-е гг. новым фактором развития стала миграция местной трудоспособной рабочей силы на европейский континент. Денежные переводы мигрантов были одним из ключевых источников поступлений валютных резервов в страну, и полученные турками в Европе знания и квалификация нашли применение после возвращения их на родину.⁷¹

⁶⁹ Кононов В. Малый и средний бизнес в Турции // Азия и Африка сегодня. 2008. № 7 (612). С. 46.

⁷⁰ Кольчугина М. Международная интеграция в сфере высшего образования // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11. С. 55-64.

⁷¹ Масумова Н.Г. Особенности модернизации экономики Турции на современном этапе: Дис. ... канд. эк. наук. – М.: МГИМО, 2012. – С. 186.

Знание как фактор производства и инструмент мотивации агентов турецкой модернизации количественно, а в ряде случаев, качественно стало более значимым, чем иные ресурсы экономики. Учитывая значение государства для стимулирования экономического роста, значимое место в образовательной стратегии занимают квалифицированные управленческие кадры, отличительными особенностями которых являются ориентация на экономический результат, отсутствие идеологизированности, относительная материальная независимость от представителей делового сообщества и, в свою очередь, слабое участие бизнес-структур в лоббизме интересов бюрократического аппарата. Таким образом, турецкое правительство считает уровень и качество образования определяющим признаком успешной реализации модернизации и основу социал-демократического подварианта социального государства.

6) влияние догоняющей политической модернизации на консервативную концепцию социального государства (КНР) может быть интересным для России с точки зрения инструментария социально-политической модернизации государства, сумевшего в исключительно сложных социально-политических условиях и контексте нелинейности экономического развития середины XX века осуществить решительный переход из категории государств «третьего мира» в ведущие акторы мировой политики.

Теоретико-методологический интерес к реформам, проведенным в третьей четверти XX века в Поднебесной, определяется ситуативными аналогиями с российской практикой экономических и социально-политических преобразований. Определенная близость условий развития духовной сферы общества в Китае, обращение социума и политической элиты к историческим и культурным традициям своей страны заставляет нас обратить внимание на общие ментальные предпосылки, мотивировавшие оба государства вступить на путь трансформаций. Более того, модернизацию в России и Китае можно сравнивать по избранным формам преодоления

отсталости и методам перехода от экономического застоя к прорыву модернизации.

Официальная реформенная политика была провозглашена в КНР после III Пленума ЦК КПК (1978 г.), когда руководство страны подтвердило готовность взять курс на обновление. Инициированные «сверху» преобразования подтверждают правильность первых шагов модернизации в СССР и новой России. Первое существенное различие между китайской и российской модернизациями – вновь на уровне политического. Так, первая программа экономической модернизации, принятая в Поднебесной (1979 г.), впоследствии была практически полностью пересмотрена, поскольку руководство страны прислушалось к мнению экспертов созданных при Госсовете аналитических центров, что позволило сохранить политическую стабильность. В России «спущенный сверху» проект модернизации практически всегда проводился директивно и учитывал мнения экспертов – научного сообщества, предпринимателей, социума – в лучшем случае, лишь наполовину.

Отметим, что процесс согласования интересов агентов модернизации и их предложений по социальному государству в Китае на теоретико-подготовительном этапе проводился без использования политического лоббизма и занял 13 лет. На первом этапе (декабрь 1978 - сентябрь 1982) внимание было уделено согласованию духа реформ с буквой экономического закона: эксперты предлагали государству различные варианты социальных преобразований с применением «терапии», опасаясь бесконтрольного роста цен и инфляции на фоне сокращения рабочих мест. На втором этапе (сентябрь 1982 - октябрь 1984) был найден консенсус по механизму экономической модернизации: планирование оставалось базовым принципом, но в производственных отношениях стали допускаться элементы рынка, что сыграло положительную роль. Реализация третьего этапа (октябрь 1984 - октябрь 1987) привела к новой корректировке модернизации на очередном пленуме ЦК КПК 12 созыва: плановая экономика стала также

товарной (вклад средних и малых предпринимателей в модернизацию), госсобственность сохранялась. В октябре 1987 года руководство КНР, убедившись в удовлетворенности малого и среднего бизнеса реформами и сохранением политической стабильности, на XIII съезде КПК провозгласило: социалистическая плановая товарная экономика должна быть структурой, в которой элементы рынка и планирования объединены. Таким образом, к участию в реформах приглашалась заинтересованная часть общества. К сентябрю 1991 года с подачи Дэн Сяопина генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяньган официально подвел итог этапу экономической модернизации, отметив, что план и рынок – инструменты регулирования экономики, а не самоцель реформ. По мнению генсека, капитализм, как и социализм, имеет свой план развития, справедливо и обратное утверждение о том, что социализм обладает собственным рынком. Больше плана или больше рынка – неважно; план и рынок – средства развития экономики⁷².

Относительно безболезненно и без спешки в обсуждении пройдя подготовительную фазу реформ, Китай перешел к следующей цели модернизационного рывка – импортозамещению. Решить эту задачу удалось, в том числе, благодаря учету национальной специфики. В стране, где порядка 70% населения к концу 1980-х гг. все еще проживало в сельской местности, пилотной площадкой для реформ стало именно село. Внедрение семейного подряда в качестве метода повышения качества жизни в самых бедных крестьянских дворах, объединившихся в хозяйства, оказалось успешной мерой. Отметим, что вследствие политических обстоятельств этот этап зарождался в СССР еще в начале 1930-х гг., но был прерван политикой коллективизации. В Китае же спустя полвека после этого модель взаимоотношений между государством и фермером (он был вправе свободно распоряжаться всем результатом своего труда сверх фиксированной доли, сдаваемой государству, даже без налоговых обременений) оказалась

⁷² Феньлин Ли К проблеме реформ в Китае // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 13-14.

настолько привлекательной, что быстро распространилась по всему агрорынку. Доходы хозяйств напрямую связывались с результатами труда, и «передовики» могли без труда миновать фазу общения с посредниками (одну из трудностей отечественного импортозамещения) и, например, самостоятельно заниматься льготным лизингом средств сельскохозяйственного назначения отстающим фермерским дворам. В результате Китай добился самообеспеченности зерном, ежегодное производство которого возросло до 500 миллионов тонн. Учитывая, что КНР располагает всего 7% пахотных площадей при тогдашнем уровне заселенности в 1,2 миллиарда человек, успех импортозамещения в сельском хозяйстве для традиционно отсталой аграрной страны неоспорим.

Рост производительности труда в деревне, высвобождение рабочей силы обусловили переход к следующему этапу реформ в социальной и производственной сфере. Ключевой акцент делался на создании крупных государственных монополий на национальном уровне (что роднит китайскую модернизацию с российской) и транснациональных структур с привлечением частного капитала. В этой связи опыт Китая для России интересен тем, что здесь, в отличие от Японии, борьба с государственным монополизмом как с препятствием экономического развития не стала основной базой для формирования новой системы, а напротив, послужила одним из ее столпов.

Другим важным аспектом производственной политики КНР стала «малая индустриализация», призванная в кратчайшие сроки стимулировать общество, малый и средний бизнес, перейти на самообеспечение предметами первой необходимости и некоторыми предметами труда (например, садовыми тракторами и т.д.). Если в 1978 году индустриальных рабочих в стране было менее 1 млн. человек, то в настоящее время эта цифра превышает 300 млн., причем показательно, что из них 90 млн. трудятся в

городских кооперативах, еще 50 млн. – на частных предприятиях и порядка 40 млн. работают в госсекторе⁷³.

Российские аналитики призывают обратить внимание и на то, что мировой кризис стал мощным фактором для переориентации китайской экономики на внутренний спрос, для дальнейшей диверсификации процессов модернизации в пользу социально активных агентов реформ⁷⁴.

В части социальной политики следует обратить внимание, что в КНР роль государства в развитии социально-трудовых отношений довольно широка, но и способы государства влиять на экономику крайне ненавязчивы. В частности, китайское руководство полагает качество образования важнейшим фактором успешной реализации модернизационного процесса в части его привязки к вопросу национальной безопасности государства. Экономика требовала профессиональные кадры, и правительство предприняло меры по созданию государственных профессиональных и технико-ориентированных училищ. После «культурной революции» увеличилось число прикладных и национальных исследовательских университетов, заметно возрос процент выпускников средних школ, продолжающих обучение в вузах. Затрачивая на образование до четверти своего бюджета, Китай по числу обучающихся в ВУЗах граждан вплотную приблизился по этому показателю к мировым лидерам – Японии и США.

Только на четырнадцатый год модернизации летом 1992 года китайские власти приступили к реорганизации госсектора, где порядка 40% предприятий стали убыточными. В России программа приватизации госсобственности стартовала через полтора года после начала радикальных реформ. В это время руководство КНР учло негативный опыт Советского Союза, приведший к его развалу. По мнению экспертов, китайцы склонны связывать причину подобного исхода не столько с политикой «перестройки»

⁷³ Цзи Чжэнцзюй От социальной изоляции к социальной гармонии – социальная дифференциация в Китае и меры её сокращения // Социальная дифференциация и социальная политика в России и Китае: сравнительный анализ: Сб. ст. / под ред. Н. Скворцова, Ю. Кепина. СПб.: Астерион, 2008.

⁷⁴ Карлусов В.В. Китай: развитие вопреки мировому кризису// Вестник МГИМО, 2010. № 34. С. 191-192.

и действиями Запада, сколько с неспособностью советского руководства превратить Советский Союз в часть мировой экономики, привлекая население к разработке проектов социального государства. В КНР уход государства из экономики сопровождался поэтапной заменой местных «красных директоров» новыми управленцами современного менеджмента и введением «двойных цен» для частников. К 1995 году страна без потрясений довела долю госсобственности в экономике до 10%, осуществив децентрализацию одной тысячи стратегических предприятий в 52 городских агломерациях.

Таким образом, метод пилотных площадок и пробных проектов, поддержанных обществом, с последующим анализом результата и распространением позитивного опыта, является основой китайских преобразований. Сильными сторонами данного метода являются обеспечение высоких темпов экономического роста, повышение предпринимательской инициативы в модернизации и вовлеченность активной части населения в процесс появления полноценного социального государства. Недостатки метода при его экстраполяции на российскую действительность связаны с его дуализмом, не позволяющим двигаться вперед рывками и достигать планируемый результат в короткие сроки. Как результат – реформенное государство вынуждено заниматься комплексным обеспечением трансформаций системы, обращая внимание на все ее части – политику, экономику, социальную сферу, а также на национально-культурное и правовое соответствие духу реформ.

К началу 2000-х гг. стало очевидно, что программа модернизации в КНР оказалась беспрецедентно эффективной: заявленные экономические показатели достигались реально и зачастую досрочно. Высокие темпы роста экономики демонстрировали устойчивость: ВВП с начала реформ увеличился в 5,7 раз, т.е. в среднем прирастал на 10% в год, производство ВВП на душу

населения повысилось в 4,4 раза, производительность труда увеличилась в 3,6 раза⁷⁵.

Развивать постулаты теории Дэн Сяопина по жизни, чтобы как можно выше поднять знамя идей Мао Цзэдуна, – эта идея преемственности реформ отражала желание третьего и четвертого поколений китайских руководителей (1993-2013) поддерживать и укреплять внутренний баланс интересов государства и общества. Для сохранения положительной инерции от реформенного эффекта, в сентябре 2004 года IV Пленум ЦК КПК 16-го созыва было объявлено, что социальной базой модернизации должно быть общество, в котором каждый индивид имеет возможность самореализации, обладает компетенциями для того, чтобы заслуженно получить свою долю и существовать в гармонии с другими.

Руководствуясь этим принципом, китайское руководство обозначило **главные задачи модернизации для социальной сферы**: стимулирование внутреннего спроса путем борьбы с безработицей; проектное жилищное строительство; комплексное развитие социальных обязательств перед населением; сокращение разрыва между экономикой и социальной сферой. Компартия Китая и сегодня призывает средний класс сконцентрироваться на формировании политики сплоченности и взаимопомощи, поощрять «поветрие поддержки бедных». Эффективная концепция социального государства, по мнению китайцев, зиждется на теоретической предпосылке о том, что в функционале агентов модернизации должно присутствовать строгое разграничение тех ролей, которые должны играть в управлении социальной сферой государство, гражданское общество и сама система социального управления⁷⁶. В общем виде культурно-просветительское предназначение модернизации можно выразить «триадой гармонии»:

⁷⁵ Теория гармоничного мира глазами общества и политического руководства КНР // Бюллетень ЦК КПК в газете Женьминь жибао. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html> (дата обращения: 13.03.2013).

⁷⁶ Гэ Ли Особенности политических систем Китая и России: сравнительный анализ // Трансформация общества и политической системы в России и Китае в XXI веке: сравнительный анализ: Сб. ст. / под ред. Н. Скворцова, Ю. Кепина. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 92.

1) для общества – торжество концепции модернизации «с китайской спецификой», пришедшей на смену традиционным формам авторитаризма, которая обосновывает неизбежность градации степеней централизации политической системы при переходе от плановой экономики через развивающуюся товарную к динамической, характеризующейся глобальным охватом;

2) для страны – обеспечение преемственной ротации элит у власти без конфликта кланов и интересов;

3) для мира – стремление к статусу супердержавы, подкрепленное социально-экономической мощью государства.

В декабре 2014 года новый председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на сессии постоянного комитета политбюро ЦК КПК подтвердил свою приверженность реформенным задачам (обеспечивать безопасность и стимулировать развитие), однако выступил с инициативой «реформирования реформ» и их перехода на глобальный уровень. Суть модернизационной парадигмы Китая, на наш взгляд, выражена одним принципиальным моментом. Страна официально отходит от политического завещания Дэн Сяопина, согласно которому Китаю надлежит до определенного момента решать внутренние проблемы, не афишируя свои возможности.⁷⁷ По мнению пятого поколения руководителей, в 2010-х годах в мировое пространство должна транслироваться национальная модель модернизационного развития, которую можно характеризовать формулой «брать истоки в Китае, но принадлежать всему миру».⁷⁸ Китай приступил к формированию по всему миру сети государств-партнеров, опираясь на принципы «мягкой силы» и демонстрируя успехи своего варианта модернизации и социального государства.

⁷⁷ Дэн Сяопин 万ъсюань (1975-1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1975-1982]). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1983. – Т. 3. – С. 127.

⁷⁸ Ивэй Ван Три составляющих китайской мечты // Газета Хуаньцю шибао. 2013. 29 января. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20130129/205197269.html> (дата обращения: 06.02.2014).

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Зарубежный опыт влияния политической модернизации на национальную концепцию социального государства показывает, что положительные результаты реформ во многом зависят от цивилизационной целостности страны, допускающей мобилизацию с опорой на социокультурные традиции при решении политических задач модернизации. Опыт поступательных реформ в Китае (стимулирование внутреннего спроса; проектное жилищное строительство; комплексное развитие социальных обязательств перед населением; сокращение разрыва между экономикой и социальной сферой, формирование политики сплоченности агентов модернизации) в этой связи может быть примером и для России. Но недостатки азиатской догоняющей модернизации в экстраполяции на российскую действительность связаны с ее дуализмом, не позволяющим двигаться вперед рывками и достигать планируемый результат в короткие сроки. Вместе с тем, цивилизационная неготовность государств Центральной и Восточной Европы ответить на вызовы модернизации также не позволяет нам говорить о сходстве реформенных путей России и восточноевропейских стран, несмотря на общие предпосылки к модернизации (ее «догоняющий» тип, социально-экономические обстоятельства реформ и т.д.). Россия могла бы обратиться к турецкой практике реализации влияния политической модернизации на концепцию социального государства, при которой драйвером является инновационное развитие, основанное на знаниях и квалифицированном труде наемных рабочих в процессе модернизации, позволяющих определить ее задачи для социальной сферы (создание системы мотивации прихода бизнеса, развитие государственно-частного партнерства в социальных отраслях, стимулирование инновационных общественных инициатив, привлечение некоммерческих организаций к госсоциальному заказу на условиях конкурса и т.д.).

Среди положительных моментов, усиливающих степень **влияния политической модернизации** на национальную концепцию социального государства, мы можем отметить следующие:

1) отсутствие идеализации идеи модернизации, направленность на удовлетворение повседневных потребностей населения в продовольствии и потреблении; обеспечение широкой общественной поддержки начальных этапов преобразований; эволюционное, поэтапное реформирование экономики при распространении положительного опыта; создание коммерческих структур при сохранении и реорганизации государственных органов и т.д.;

2) анализ экспертами нерешенных противоречий и затруднений, возникающих как в процессе модернизации, так и опосредованно (бюрократизация управления, проблемы коррупции, половинчатость реформ, экономические просчеты, отсутствие компромисса с гражданским обществом на предмет реформ и т.д.);

3) осознание угрозы зависимости от иностранного капитала по причине изменчивой внешнеполитической конъюнктуры и отхода от сырьевого экспорта, следовательно, необходимость развития энергии предпринимательского сообщества с целью сбалансировать ввоз необходимых товаров и экспортные доходы;

4) сочетание интенсивных и экстенсивных инструментов труда (повышенная капиталоемкость и инфраструктурная оснащенность, с одной стороны; и высокая результативность, связанная с эффективностью управления производственными процессами, образованием и опытом персонала, привлечение интеллектуального и инновационного классов общества к модернизации – с другой стороны);

5) освоение отечественной наукоемкой базы на производстве – внедрение инновационного технического оборудования, информационных систем управления, использование достижений нано- и биотехнологии и т.д.

Практическое переосмысление реформенного пути, проделанного государствами в прошлом веке, приводит нас к выводу, что, в отличие от западных наций, влияние «догоняющей» политической модернизации являлось для других стран не идейным интересом, а необходимостью. Начиная с реформирования социально-экономической и политической систем в надежде реализовать либеральную концепцию социального государства, наиболее успешные государства (Германия, Япония) постепенно пришли к осознанию необходимости другой социальной концепции – переориентирования политической модернизации на национальную специфику.

По мере успешного продвижения политических реформ по этому пути необходимость в политической модернизации в Китае или Турции частично трансформировалась в интерес, выраженный как вектор цивилизационного развития страны, «открытие» миру и приобщение к ее социокультурному влиянию основных региональных партнеров. В перспективе подобное преобразование модернизационной парадигмы в цивилизационную в процессе реформ могло бы стать для России инструментом для превращения страны в евразийский центр регионального политического и геоэкономического развития в XXI столетии.

Глава 2. Формирование концепции социального государства в условиях политической модернизации в Российской Федерации

2.1 Политическая модернизация в современной России: модели и практика реализации

Вопросы о роли и месте явления политической модернизации в России, специфике ее реализации и текущего состояния на протяжении времени будоражили и продолжают будоражить сознание деятелей отечественной науки. Имеется существенное различие между политической модернизацией в западных странах и российском государстве. На Западе она являлась результатом внутренних противоречий и происходила на аутентичной культурной базе. В России, как мы отметили ранее, модернизация ощущала беспрецедентное давление зарубежного опыта, который служил эталоном эффективной деятельности во многих сферах жизни, демонстрируя решение перманентно возникающих в процессе реформ более сложных задач.

При дальнейшем анализе мы будем ориентироваться на данное нами ранее определение политической модернизации как процесса обновления институтов политической системы, связанного с изменением типа политических отношений в обществе ради повышения эффективности принятия управленческих решений.

В содержательном наполнении понятия политической модернизации мы согласны с мнением Ю.А. Красина, что в России модернизация есть итог переосмысления руководителями страны «необходимости перехода к постиндустриальному обществу, опирающемуся на «экономику знаний»⁷⁹.

Приведенное определение подтверждает наше допущение, что в политической модернизации должны участвовать не только бюрократия и традиционные правящие элиты, которые ограничивают доступ остальных

⁷⁹ Галкин А.А., Красин Ю.А., Перегудов С.П., Соловьев А.И., Федотова В.Г. [и др.] Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1) // Полис. 2012. № 2.

агентов к участию в политических реформах и выстраивают модернизацию государства как реформенную вертикаль. Предложенная Красиным дефиниция подчеркивает, что транспарентность реальной политической модернизации предполагает наличие в ней постоянного запроса на формирование таких политических институтов, которые способствуют модернизации через привлечение бизнеса и гражданского общества к формулированию конкретных решений реформенного толка.

Следовательно, рассматривая политическую модернизацию в качестве процесса системной трансформации государства, мы можем понимать ее как **составную часть социальной модернизации**, первоначальная роль которой по стимулированию экономического роста эволюционировала до следующего, инновационного уровня.

По мнению академика РАН Т.И. Заславской, на этом новом уровне политическая модернизация становится решающим условием для эффективной трансформации традиционного общества в современное.⁸⁰ Предпосылкой для формирования подобного типа модели модернизации выступает развитие отечественной инновационной системы, акторами которой являются представители малого и среднего предпринимательства (МСП).

При этом вопрос оценки инновационного потенциала российской модернизации «догоняющего» типа остается дискуссионным. Так, социолог Е.С. Луговая полагает, что российский малый и средний бизнес не может быть агентом модернизации, поскольку российский политический менталитет, отличающийся «запаздыванием» в принятии всего нового, не способствует формированию условий для предпринимательской инициативы в модернизации⁸¹. Упомянутый нами ранее Ю.А. Красин, напротив, пишет, что практика «вестернизации» не сможет быть полезной России, поскольку

⁸⁰ Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – С.27.

⁸¹ Луговая Е.С. Инновации как основа модернизации современного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2012. № 2 (17). С. 103-108.

даже на Западе инновационные разработки оказались декларативными и не были имплементированы в политику, науку и образование, а также в социальную сферу и культуру, что привело к краху идеалов «общества потребления»⁸².

Однако в условиях российской специфики, когда принудительные попытки реформ вызвали социокультурный раскол, одна из возможных трудностей в процессе трансформации системы может быть связана с **предупреждением конфликтного типа политической модернизации**. На практике инновационные преобразования зачастую сопряжены с возрастанием конфликтного потенциала общества, вызванного противоречиями между принятием политических решений, реализацией гражданских прав и тенденциями экономического роста. С другой стороны, принимая определение конфликта как источника прогресса, ведущего к цивилизации⁸³, мы можем утверждать, что модернизация необходимо требует включения социума (по крайней мере, его наиболее активной части) для того, чтобы избежать возникновения в обществе чувства вторичности модернизации политики перед политикой модернизации. В противном случае реформы, не найдя благоприятной основы, могут обернуться формализованной имитацией западных образцов либо приобрести характер разрозненных акций по реализации интересов политической элиты, не заинтересованной в привлечении общества и МСП к социально-политической модернизации.

В целях недопущения реализации приведенного сценария необходимо, чтобы новые цели развития социальной системы, прописанные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, не порождали мощный дисбаланс, который приводил бы к обострению интересов бизнеса, социума и государства. Поэтому чрезвычайно актуально

⁸² Инновационная модернизация России: Политологические очерки / Под редакцией Ю.А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 253 с.

⁸³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Пантиной Л.Ю., ред. Грецкий М.Н. – М.: РОССПЭН, 2002.

установить баланс интересов названных агентов модернизации, не отделяя политическую модернизацию от социокультурной. Данная установка, по мнению ряда исследователей, является главным условием успешности реформ⁸⁴.

При этом в научном сообществе распространено мнение, что особенности цивилизационных (социокультурных) оснований российского общества значительно усложняют реализацию политической модернизации. Среди специфических особенностей ученые называют относительно слабую организованность, малую ценность производительного труда, низкую культуру социального компромисса и другие характеристики. Отметим, что названные черты стали характеризовать состояние отечественной социально-политической структуры сразу после распада Советского Союза, то есть в период становления современной российской политической элиты и до формирования у нее таких качеств, как рациональность и социальная ответственность, когда политическая модернизация страны подменялась бюрократизацией, увеличением административных барьеров и ростом коррупции⁸⁵.

Процесс демократических преобразований в России, стартовавший в 1985 году и продолжающийся в настоящее время, стимулировал общество совершить настоящий прорыв в своем политическом, социокультурном и экономическом развитии. Однако на ментальном уровне отказ от демонтированной системы социально-политических ценностей проходил не так быстро, как ожидали инициаторы модернизации. Комплексная трансформация социально-политической системы в России обусловила необходимость сопряжения политической модернизации с процессом духовного обновления общества. Иными словами, история современной

⁸⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации: социально-филос. анализ взаимоотношений общества и государства. – М.: Культурная революция, 2008. – 607 с.; Меняющаяся социальность: контуры будущего: Круглый стол журнала «Полис» и Института философии РАН // Полис. 2011. № 11. С. 97–121.

⁸⁵ Рац М.В. Бюрократия в процессе перемен: политики, управленцы, чиновники // Полития. 2010. № 3-4 (58-59). С. 40-53.

России может быть интерпретирована посредством концептуального аппарата теории модернизации. Подчеркнем, что в России в нынешнем столетии политическая модернизация продолжает существовать в рамках трех основных идеологических подходов – **либерального, социал-демократического и консервативного**.

На наш взгляд, наиболее полемически заостренным является анализ современной **либеральной модели модернизации**, ставшей знаковой для реформенного общества России в начале 1990-х годов. Политические реформы в стране обосновывали торжество идей либерализма – о необходимости заимствования западноевропейской модели парламентской демократии с доминирующей двухпартийной системой, но наличием многопартийности, об архаичности системы Советов, мешающей реформам, безальтернативности рыночного пути развития и т.д.

Практика реализации реформ, однако, во многом отвергла перечисленные постулаты. Так, контролируемая только «сверху» бюрократия стала самой влиятельной группой во власти, функционирующей исключительно через выстроенную вертикаль. Государственный аппарат, представленный предпринимательскими кругами непроизводственного сектора и выходцами советской номенклатуры «среднего» руководящего уровня, не мог проводить никакую другую модернизацию, кроме как ложно понимаемую «западно-ориентированную», служащую не столько делу, сколько лицам⁸⁶. Построенную в России в ходе непоследовательной либеральной модернизации социально-экономическую систему можно классифицировать как бюрократический (олигархический) капитализм. Эту фазу реформ, впрочем, проходили в своем развитии многие азиатские страны «догоняющей» модернизации, ставшие лидерами региона – Южная Корея, Сингапур и Малайзия – но только в России абсентеизм политической воли способствовал формированию паразитического варианта гегемонии

⁸⁶ Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт. // Полис. 2007. № 4. С. 35.

бюрократии. Подобная имитация реформ проводилась в Индонезии в период диктатуры Сухарто (1967-1998) и впоследствии своим падением привела страну к коллапсу. Как результат, причинами скорого сворачивания либеральной модели реформ в России явились: отсутствие гражданского контроля над действиями администраторов; слабость политических организаций, представляющих различные общественные интересы; абсолютизация независимости власти от общества привела к ее фрагментарности, что отличало российскую модернизацию от ее западных аналогов.

Характеризуя данный период, мы склонны находить в нем как антимодернизаторские «откаты», так и прогрессивно-реформенные черты. Первая тенденция проявилась в специфической форме осуществления модернизации, связанной с закрытостью принятия решений и менталитетом новой политической элиты, на практике признающей только вертикальные отношения с другими агентами реформ (принцип подчинения). С другой стороны, этап либеральной модернизации был полезен для России, поскольку программа либералов предоставила российскому социуму доступ к участию в политической и экономической жизни страны и привила базовые представления о проектах политической модернизации с их ориентацией на правовое государство, разделение властей, содействие формированию гражданского общества.

Вторая модель отечественной политической модернизации должна была соответствовать следующему этапу преобразований, на котором в преддверии электорального цикла 1995-96 гг. кристаллизовалась и укреплялась политическая система новой России. Ностальгия общества по временам высокого уровня организации и отсутствия крайностей де-факто означала вотум недоверия либеральной парадигме. Новая идеология модернизации была призвана реагировать на антимодернизаторские выпады (в основном, исходящих от сторонников левой идеологии), опровергая их социально-экономической практикой. Так, до конца 1996 года государство с

помощью медиа-ресурсов убеждало граждан, что строит не либерализм, а социал-демократию в интересах большинства, которую понимает как идеологическую стратегию улучшения рыночного способа организации производства, призванную «сгладить» последствия экономической «шоковой терапии». Акцент был сделан на то, что государственные расходы будут не просто увеличиваться, а использоваться для расширения занятости и роста эффективности экономики. Развернутая информационная кампания показывала, что социальная безопасность может уживаться с экономической гибкостью, а социальная справедливость не обязательно должна подавлять конкурентоспособность.

Отметим, что кампания при всей своей неоднозначности достигла результата. Социальный антагонизм по поводу неизбежности реформ был преодолен, и впоследствии в российском обществе выкристаллизовалось понимание **социал-демократической модели модернизации** как синтетической, но в то же время прагматической идеологии, дающей гражданскому обществу больше инициативы, чем социализм, при этом сдерживающей негативные последствия экономических преобразований⁸⁷.

Практика реализации преобразований в новейшей истории России заставляет внимательным образом отнестись к **консервативной модели модернизации**. В этой модели необходимость реформ рассматривается без отрыва от линейной логики исторического развития, что одновременно можно понимать как положительный и отрицательный фактор. Понимание обусловленности событий, происходящих при смене исторических циклов, позволяет консервативной стратегии модернизации оставаться анти-утопичной и сохранять в фокусе реформ ориентацию на эмпирическую социальную реальность. В логике консерватизма модернизация не противостоит традиции, а считается ее органическим продолжением. При этом смысл, придаваемый понятию «традиция», не тождественен

⁸⁷ Зубов В., Макаркин А., Петров С., Чена А. Социал-демократическая альтернатива. – М.: Перо, 2014. – С. 69.

сохранению рудиментарных социально-политических образцов, а безусловное решение актуальных задач современной реальности. Иными словами, ключевой посыл консервативной модели политической модернизации в России обусловлен не призывом к восстановлению прежней социально-политической системы, но использованием к истории синергетического подхода, призванного взять из прошлого наилучшие социально-политические практики, которые, несомненно, наблюдались в советском периоде российской истории.

С другой стороны, линейное понимание хода исторического процесса зачастую игнорирует западный концепт о «квадратном колесе» догоняющей модернизации, которой следует Россия. Нелинейность экономических процессов и социально-политической действительности побуждает отечественную политическую элиту избирать преимущественно экстенсивный инструментальный модернизации, при котором происходит обновление определенных единичных факторов общественной жизни и не затрагивает основ функционирования системы в целом. Приоритет здесь отдан назревшим, но частным изменениям, не системным реорганизациям, относящимся к фундаментальным сферам общественной и политической жизни. Инновации в этом случае выступают элементом в механизме саморазвития и служат для повышения работоспособности уже существующих структур, то есть, в логике исторической линейности являются вспомогательным инструментом модернизации, а не ее результатом.

Говоря о значении консервативной политической модернизации для современной России, мы, однако, полагаем невозможной реализацию классического консерватизма в современных условиях из-за отсутствия упоминаний о механизме гражданского контроля над деятельностью органов власти. Неограниченность политических институтов неизбежно приводит к социальной маргинализации и перемещает модернизацию на политическую периферию. В целях недопущения подобного развития событий мы склонны

согласиться с А.В. Матюхиным, который дополняет консервативную модель модернизации принципом политического релятивизма⁸⁸. Являясь элементом синергетики, релятивизм способствует скорейшему восприятию российским социумом инноваций, пришедших с Запада, поэтому считается необходимым переходным звеном между достижениями «вестернизации» и их органичной адаптацией к российской социокультурной действительности.

Отметим, что релятивизм обуславливает отношение государства к модернизации. Как справедливо отмечал А.С. Панарин, апогеем любой политической эпохи, как правило, оказывался этатизм⁸⁹, который реализовывался политической элитой. Этот тезис нашел воплощение в политической практике в 2000-х годах, после прихода к власти президента Владимира Путина. Практическая деятельность нового лидера страны состояла в попытке синтеза либеральных и патриотических ценностей и модернизации политической системы с учетом национальной специфики, без отвержения советского опыта. Обеспечивая согласование интересов государства и общества, элита рассматриваемого этапа попеременно выступала в политической системе и как «партия стабильности», и как «партия динамизма». На наш взгляд, этой логики на протяжении 2001-2012 гг. придерживались руководители партии «Единая Россия». Так, в период существования в России многопартийной парламентской системы с доминирующей партией (2001-2007 гг.) «Единая Россия» позиционировала себя в общественном сознании как политическая сила устойчивого и динамического развития, собирающая ресурсы и человеческий капитал для будущих реформ. На втором этапе, совпавшем с завершением формирования в стране режима плебисцитарной демократии с сильной исполнительной властью (2007-2012 гг.), партия власти с подачи президента предложила обществу пакет преобразований на пути к социальному государству

⁸⁸ Матюхин А.В. Теории и особенности политической модернизации в России XIX – XXI вв.: Дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 395 с.

⁸⁹ Панарин А.С. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии 1993. № 7. С. 37.

(приоритетные национальные проекты) который затем взялась поступательно реализовывать в связке с исполнительными органами власти в субъектах федерации.

Ретроспектива историко-политических особенностей отечественных модернизаций вкупе с идеологическим разнообразием теорий политической модернизации позволяет выделить ряд существенных аспектов, актуальных для политического процесса России в условиях модернизации в XXI веке.

Либеральная модель модернизации сочетает две противоположные тенденции: в ходе радикальных реформ она смещается влево, к радикальному либерализму, а при общественном противодействии – вправо, к либеральному консерватизму. Модель социал-демократической модернизации с ее экстраполяцией экономических закономерностей на общественную сферу приводит к убеждению о наличии зависимости между поступательным развитием общества и отрицанием возможностей различных вариантов общественной эволюции. Консервативная модернизация, основанная на приверженности к демократическим формам общественного устройства, нередко игнорирует важность механизма социального партнерства при проведении реформ и оперирует понятием «устойчивое развитие», вкладывая в него не принципы социальной справедливости, а необходимость в политической тактике.

Таким образом, выделим значимые *особенности модернизации в России*:

- 1) этатизм и ведущую роль государства в реформировании общественной системы;
- 2) раскол отечественной культуры на менталитет правящих элит и патриархальную культуру низов;
- 3) цикличность реформ и контрреформ (деидеологизация предприятий и исчезновение партийных структур с производства – развал СССР – свободные выборы в новой России – дуализм власти и борьба с Советами – партийное строительство середины 1990-х, становление новой

оппозиции – сращивание власти и бизнеса («семибанкирщина») – феномен партии власти – «равноудаление» олигархов и сокращение роли СМИ в политике – формирование полупартийной системы – оппозиция и «Белая лента» – развитие местного самоуправления и либерализация партийного законодательства – консервация общественной жизни).

Для современной российской модернизации неприемлемы крайности в виде жесткого детерминизма или чрезмерного централизма. России сегодня необходима идеология национального развития, поскольку понимание идеи, определяющей реформы, и следование ее постулатам всегда играли важную роль для российского общества. Несомненно, что идеология политической модернизации должна основываться на национальной культуре, принципах устойчивости и прагматических основаниях, предусматривающих механизмы активного политического участия среднего класса в модернизации путем ротации элит и содействия в реализации релевантной социально-экономической стратегии организации производства. При этом показательно, что несмотря на формальное наличие признаков общества модерна, российский социум демонстрирует устойчивость традиционного сознания, несмотря на радикальные перемены⁹⁰.

Приведенный нами обзор практики политической модернизации в России позволяет сделать вывод о том, что одномерный взгляд на модернизацию как на процесс первостепенного реформирования государственно-управленческого аппарата, после которого должны следовать преобразования экономической и социальной структуры, представляется неоправданным. В этой связи согласимся с мнением М.В. Каргаловой, которая полагает, что проблема модернизации государств является системной проблемой и связана не только с промышленностью или НИОКР,

⁹⁰ Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепции политической модернизации // Политические исследования. 2001. № 3. С. 101-102.

но и с изменениями социальной архитектуры общества, его экономико-политической структуры⁹¹.

Политическая модернизация предполагает одновременное формирование открытой динамичной социальной системы. Основой для развития и становления подобного социума может являться новая социокультурная среда, которая содействует модернизации выработкой адекватных нормативов социальных практик и культурных порядков. Рассуждая на эту тему, И.Е. Дискин замечает, что современная политическая элита в России пришла к консенсусу относительно ключевых проблем социального функционирования, и теперь необходимо соотнести их с идеей общенационального осмысления значимости роли страны в историческом процессе⁹². Необходимо, чтобы ***модернизация была осознана как публичный интерес.***

Последние изменения в законодательной сфере и развернувшаяся полемика вокруг пенсионной реформы свидетельствуют о намерении государства следовать по пути модернизации социальной сферы: в системе здравоохранения, социальной защиты, а также в жилищной, демографической, научной и культурной сферах, и т.д. Вместе с тем, согласимся с точкой зрения С.В. Водопетова, что для дальнейших реформ «необходим переход на новый, инновационный путь развития, который связан, прежде всего, с значительными инвестициями в социум и развитие человека»⁹³.

Комплексная модернизация, изменяя условия жизни граждан, стимулирует их потребность в индивидуальном многообразии. Исследователи Р. Инглхарт и К. Вельцель определяют данное многообразие

⁹¹ Каргалова М.В. Европейская социальная модель: опыт для России // Современная Европа. 2008. № 1. С. 62.

⁹² Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 229.

⁹³ Водопетов С.В. Инновационное развитие управленческого инструментария политической элиты в процессе модернизации современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – Н.Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. – С. 44-45.

как ценность самовыражения⁹⁴. В данном контексте исследователи рассматривают необходимую для модернизационных преобразований **инновационную культуру**, которая характеризует восприимчивость общества к нововведениям и зависит от уровня развития институтов власти, экономических отношений и социальных практик. Подобная инновационная культура способствует удовлетворению потребности индивида в самореализации, что необходимо для политической модернизации в России.

Оценивая сказанное, мы добавим, что эффективное предупреждение конфликтов в процессе модернизации станет возможным при совпадении интересов российского государства и других агентов модернизации, в основе которых будет лежать совместное стремление иметь государство активного постреформенного общества, которое характеризуется политической устойчивостью, социально-экономическим благополучием, культурно-цивилизационной самобытностью и иными стратегическими возможностями для обеспечения безопасности.

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Значимость модернизации для России объясняется необходимостью подготовить страну к ответу не только на внешние вызовы, но и применению инновационных подходов к решению внутренних социальных задач. При этом изменения в политике должны подразумевать участие гражданского общества и бизнеса, а не только политическую рефлексию путем ротации инкорпорированных во власть элит и контрэлит. Мы будем понимать политическую модернизацию в России как составную часть социальной модернизации и совокупность процессов трансформации системы, связанную с изменением типа политических отношений в обществе ради повышения эффективности принятия политических решений, развития «экономики знаний» и распространения научно-творческого индивидуализма. Важной

⁹⁴ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкин; ред. Ю. Кузнецов. – М.: Новое издательство, 2011.

особенностью политической модернизации является возможность ее агентов влиять друг на друга для формирования национальной модернизаторской коалиции.

При этом вопрос об оценке инновационного потенциала агентов политической модернизации связан с *предупреждением конфликтного типа модернизации*. Чтобы избежать в обществе ощущения вторичности модернизации политики перед политикой модернизации, необходимо установить баланс интересов всех ее агентов, не отделяя политическую модернизацию от социокультурной.

Социокультурные особенности российского общества (недостаточность прагматизма, невысокая ценность производительного труда, низкая культура социального компромисса) усложняют политическую модернизацию, подменяют рациональность и социальную ответственность бюрократизацией, непрозрачностью принятия решений и коррупцией.

Ретроспектива историко-политических особенностей отечественных модернизаций вкупе с идеологическим разнообразием теорий политической модернизации позволяет выделить ряд существенных аспектов, актуальных для политического процесса России в условиях модернизации в XXI веке.

Либеральная модель модернизации сочетает две противоположные тенденции: в ходе радикальных реформ она смещается влево, к радикальному либерализму, а при общественном противодействии – вправо, к либеральному консерватизму. Модель социал-демократической модернизации с ее экстраполяцией экономических закономерностей на общественную сферу приводит к убеждению о наличии зависимости между поступательным развитием общества и отрицанием возможностей различных вариантов общественной эволюции. Консервативная модернизация, основанная на приверженности демократическим формам общественного устройства, нередко игнорирует важность механизма социального партнерства при проведении реформ и оперирует понятием «устойчивое

развитие», вкладывая в него не принципы социальной справедливости, а необходимость в политической тактике.

Особенностями либеральной модели политической модернизации в России являются: абсолютизация независимости власти от общества; наличие сугубо вертикального контроля над бюрократией; сращивание бывшего партийно-номенклатурного аппарата с «новым предпринимательством»; абсентеизм политической воли элит к классической политической модернизации, предоставивший, однако, постсоветскому российскому обществу возможности для участия в политической модернизации через процедуры выборов и партийного строительства; распространение первичных представлений о правовом государстве, разделении властей; содействие государства формированию гражданского общества.

Особенностями социал-демократической модели политической модернизации в России выступают: наличие синтезирующей идеологии, дающей гражданскому обществу больше политической инициативы, чем социализм, при этом сдерживающей негативные последствия экономических преобразований эффективнее, чем либерализм; усиление антимодернизаторских устремлений общества, возрастание роли политических медиа, несоответствие между избранным российским государством инструментарием политической модернизации (сознательное правовое и административное педалирование создания полноценных институтов гражданского общества) и классической моделью социал-демократической модернизации (содействие формированию активного в сфере политики индивида), вместе с тем – преодоление социального антагонизма относительно неизбежности реформ за счет многопартийности и либерализации общественно-политической жизни (митинги, демонстрации, лояльное законодательство).

Особенностями консервативной модели политической модернизации в России стали: политическая модернизация, не противостоящая традиции, а

считающаяся ее органическим продолжением; синергетический взгляд на историю, призванный взять из прошлого наилучшие социально-политические практики; экстенсивный инструментарий политической модернизации, при котором происходит точечное обновление определенных сфер общественной жизни и не затрагиваются основы функционирования системы в целом – назревшие, но частные изменения, а не системные реорганизаций. Инновации выступают вспомогательным инструментом политической модернизации, а не ее результатом.

Практика модернизации в начале 1990-х гг. продемонстрировала непоследовательность перехода реформ от модели социалистического государства к классическому социальному типу. Инерционные попытки государства сохранить регулятивно-распределительные функции социальной жизни в условиях политической либерализации и общественной неготовности принять «шоковую терапию» в экономике спровоцировали появление масштабных социальных диспропорций.

Отсутствие политического контроля за бюрократией и принципы вертикального подчинения не позволили либеральной модели модернизации стать определяющей в России. К середине 1990-х гг. неприятие реформ было преодолено, и выкристаллизовалась социал-демократическая модель модернизации, дающая обществу больше инициативы, чем социализм, при этом сдерживающая негативные последствия экономического либерализма. Технологизация принятия решений шла параллельно выстраиванию социальных коммуникаций вплоть до начала 2000-х годов, когда модернизацию стали понимать как комплексное преобразование всей структуры, последовательной цепочки действий. В условиях общественного спроса на стабильность в 2000-е гг. была избрана консервативная модель модернизации, политический релятивизм которой способствует восприятию обществом достижений «вестернизации» и их органичной адаптации к российской социокультурной действительности.

Применительно к нынешней России приоритет для государства и общества имеет осознание модернизации как публичного интереса, так как подобная общенациональная идея может в полной мере отразить экономические, социальные, политические и духовно-культурные интересы гражданского общества и бизнеса независимо от социальных обстоятельств и экономических возможностей, политико-культурных убеждений. Такой идеей способен стать тезис о возрождении при помощи модернизации могущества России в статусе великой державы.

Среди других значимых *особенностей политической модернизации в России* мы можем выделить: этатизм в реформировании общественной системы; раскол российской культуры на менталитет правящих элит и патриархальную культуру низов, а также цикличность реформ и контрреформ; наличие инновационной культуры, способствующей удовлетворению потребности агента модернизации в реализации своих функций в процессе политических реформ.

Обзор практики реализации политической модернизации в современной России позволяет нам сделать вывод о том, что одномерный взгляд на политическую модернизацию как на реформу государственно-управленческого аппарата, после которого должны следовать преобразования экономической и социальной структуры, представляется неоправданным. В этой связи неправомерно, на наш взгляд, утверждать о необходимости строгого выбора Россией одной из возможных альтернатив среди моделей политической модернизации. В доказательство мы можем обратиться к опыту западных социальных государств, которые в большинстве давно отказались от следования только одному варианту политического реформирования, предпочитая комбинированную систему социально-политических преобразований. Преимущества *теории вариативности*

находят свое подтверждение в трудах В.И. Якунина, В.Э. Багдасаряна, В.И. Куликова и других авторов⁹⁵.

При этом ученые справедливо, на наш взгляд, указывают на исторический парадокс, когда после Октябрьской революции именно Россия побудила западное общество использовать синтез различных моделей политической модернизации на пути к социальному государству в его современном понимании. В этой связи мы можем заключить о желательности возвращения России на путь использования синтеза преимуществ различных моделей политической модернизации.

⁹⁵ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества: Монография. – М.: Научный эксперт, 2009. – 464 с.

2.2 Формирование современной концепции социального государства в России: альтернативы и акторы

В процессе реализации социальной политики российское государство выбрало стратегией проведения модернизации **ситуативную концепцию социальной политики**⁹⁶, недостатками которой объясняются смещение финансовых и иных ресурсов государства в сторону интересов политической элиты при расстановке социальных приоритетов реформ. Следствием подобной политики государства стали упущенная экономическая выгода предпринимателей и нереализованные социальные ожидания гражданского общества.

Как было показано в 1 главе, новая социальная политика в России стала вырабатываться сразу после краха социалистического варианта социального государства. На первом этапе (1992-1994 гг.) государство даже в крайне негативных экономических условиях инерционно пыталось поддерживать высокий уровень социальных обязательств и построить в России социал-демократическую модель социального государства, которая наиболее соответствовала ожиданиям постсоветского общества. За указанный период доля расходов на социальные нужды из федерального бюджета и внегосударственных фондов возросли примерно на 5% ВВП. Говоря о росте социальных показателей в структуре ВВП в 1992 и 1994 годах, отметим, что ассигнования на культуру повысились с 0,61% до 0,73%, на образование – с 3,48% до 4,20%, на здравоохранение – с 1,79% до 2,84%, на пенсионное обеспечение – с 4,24% до 5,17%⁹⁷.

Однако ухудшающиеся экономические условия примерно в конце 1994 года повлияли на решение правительства отказаться от многих социальных расходов и взять курс на воплощение либеральной модели социального

⁹⁶ Моисеенко Т.В. Основные тенденции становления и перспективы формирования социального государства в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2008.

⁹⁷ Система социальной защиты в России и зарубежных странах // Отечественные записки. 2003. № 3 (12). С. 79-83.

государства (правительство, в свою очередь, определяло подобный подход в социальной сфере как отказ от изжившей себя модели социальной защиты в пользу «адресной» социальной поддержки). В этой связи зимой 1995 года была одобрена Программа второго этапа социальных реформ в РФ на период 1996-2000 гг. Однако реализация программы привела к обострению многих негативных тенденций в реформенной сфере (демографический спад, дальнейшее социальное расслоение, возрастание уровня бедности и т.д.). Признаки системного кризиса появились в сфере медицинского обеспечения и образования. В таких отраслях, как сельское хозяйство, здравоохранение и культура более 60% работников получали фиксированную зарплату на уровне, меньшем значений текущего прожиточного минимума⁹⁸.

Принятый в 1998 году Налоговый кодекс РФ предусматривал пропорциональную шкалу налогообложения, при которой сборы с состоятельных граждан снизились с 20% до 13%, а налоги на условный средний класс, напротив, поднялись до указанного параметра. На протяжении второго этапа реформ минимальная пенсия в России устанавливалась на уровне ниже прожиточного минимума. Весной 1999 года разница между данными показателями составила 45%⁹⁹. Экономический рост все больше зависел от природной ренты, усиливалась экспортная зависимость государства от стоимости сырья и энергоносителей на мировом рынке. Темпы промышленного производства к 1999 году упали с 45,3 до 20,5%¹⁰⁰, что для индустриально развитого общества фиксировало невозможность проведения даже догоняющей модернизации. В это время наиболее неблагоприятными в России стали 1999-2000 гг., когда количество бедных доходило до 30% от общего количества населения и выше.

Парадоксально, что в этот период наблюдается радикальное расхождение между целями социального государства и инструментарием

⁹⁸ Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213). С. 34

⁹⁹ Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Ibid. С. 38.

¹⁰⁰ Гейц И.В. Гарантии, социальная защита и поддержка населения в Российской Федерации. – М.: Дело и Сервис, 2005. – 640 с.

модернизации: в 1992-1994 годах государство пыталось придерживаться «шведской» модели социального государства и провести параллели между ее успехами, советским наследием социальности и политикой либеральной модернизации. Однако в 1994-99 годах государство использовало зеркальную схему и официально заявляло, что путем модернизации строит не либерализм, а социал-демократию в интересах большинства, о чем мы упоминали в предыдущем параграфе, и использует для этого либеральную модель социального государства.

По нашему мнению, эти условия первых лет реформ существенно затруднили артикуляцию интереса российского общества в модернизации, поэтому на сегодняшний день ему присущи лишь условные атрибуты активного гражданского общества. Нивелировать трудности и способствовать выработке оптимальной модели социального государства в России может системный подход к социальной политике, реализация которого включает в себя:

- понимание процессов социальной политики всеми ее агентами как единой системы;
- тренд на согласованное обеспечение координации в ходе социальной модернизации;
- переход государства с реактивной модели планирования социальной политики на превентивную;
- максимизация участия в социальной модернизации активистов гражданского общества.

Имплементация описанных положений подразумевает анализ проблем и перспектив российского опыта социальной политики в проекции трех возможных концепций социального государства в России – **государства социальной защиты, государства социальных услуг и государства социальной безопасности.**

Отметим, что необходимость в рассмотрении трех перечисленных концепций социального государства в России связана с невозможностью на

данном этапе приступить к их реализации. Поэтому три названные концепции можно рассматривать как становящиеся прообразы рассмотренных в 1 главе известных моделей социального государства. Так, на наш взгляд, концепция государства социальной защиты в России соответствует социал-демократической концепции социального государства в других странах мира, концепция государства социальных услуг – либеральной модели социального государства. Наконец, концепция государства социальной безопасности можно считать формирующимся прообразом консервативной концепции социального государства.

Рассмотрение названных концепций мы начнем с концепции **государства социальной защиты** как наиболее утилитарного типа организации общества на начальной стадии реформ. Реализация данного типа социального государства в России подразумевает наличие ценностной сплоченности в обществе вокруг фундаментальных принципов социальной модернизации. Иными словами, реформирование общественно-политической системы до уровня государства социальной защиты возможно, когда активность гражданского общества по целям модернизации подкрепляется финансовыми ресурсами малого и среднего бизнеса. Социально-экономический фактор, в свою очередь, мотивирует политическую элиту объявить о своей приверженности курсу на социальные преобразования и взять на себя функцию защиты тех социальных идеалов, которые были согласованы между гражданским обществом и бизнесом в качестве необходимых условий для преобразований. По мнению специалиста по социальной политике Иркутского научного центра РАН С.В. Белоусовой, описанная схема взаимодействия позволяет органам власти повысить мобильность при взаимодействии с общественными институтами, поэтапно снижая издержки традиционного бюрократического стиля управления по мере развития гражданской инициативы¹⁰¹.

¹⁰¹ Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2012. – 204 с.

На наш взгляд, подобная концепция наиболее благоприятствует реформированию социальной системы стран с высокотехнологичной постиндустриальной экономикой, уже прошедшей этап первичного накопления общественного капитала для публичного выражения своих интересов при наличии политической воли государства идти на социальные изменения. Широкое распространение по всему миру описанной формы общественного устройства и ее жизнеспособность позволяют нам выделить ее в качестве концепции для России, подчеркивая ее ограниченную полезность при отсутствии динамичной системы управления, способной уловить и развить изначальный запрос социума на модернизацию.

Государство социальных услуг в условиях российской социальной специфики потребует крайне либеральной политической системы, при которой государство как агент модернизации будет использовать сервисный подход в отношениях со средним бизнесом и гражданскими активистами в расчете на устойчивую обратную связь в виде налоговых поступлений и т.д.

Иными словами, предоставление социальных услуг органами государственной власти направлено на удовлетворение потребности граждан и предпринимателей в самореализации. Сервисный подход, провозглашающий установление принципов государства социальных услуг, получил широкое распространение в США и странах Западной Европы в середине 1980-90-х гг., после неоконсервативной переоценки ценностей «государства всеобщего благоденствия» и вывода о нецелесообразности для государства неизменно поддерживать всеобщее социальное страхование. В логике сервисного подхода деятельность государства в социальной сфере приобретает характер государственной услуги в интересах индивида, поскольку в кооперации с крупным частным (национальным) и транснациональным капиталом исходит из принципа своевременного предоставления услуг населению, следовательно, не исключает возложения значительной доли функций по оказанию государственных услуг на частный сектор по системе субподрядного договора.

Сказанное выше приводит нас к умозаключению о том, что идея осуществить социальную модернизацию в России по концепции государства социальных услуг является очередной попыткой оптимизировать зарубежный опыт социально-правового взаимодействия государства, бизнеса и общества. Мы полагаем, что сервисный подход к социальной политике является неоконсервативным переосмыслением классической рыночной схемы «производитель услуг – потребитель», где успех государственных институтов как инициатора модернизации связан с эффективностью выявления “частного” запроса на реформы, моделирования групповых интересов крупного бизнеса под влиянием негативных внешних обстоятельств (кризиса). Формализованный подход к обеспечению «удовлетворенности конечных потребителей услуг», граждан, в реальности представляется нам результатом корпоративного договора между государством и капиталозатратным бизнесом (пусть и средним по объему доходности) по разграничению задач управленческой деятельности. Иными словами, бизнес занимается оформлением запроса – приоритетности исполнения социально-политических реформ. Государство, со своей стороны, ведет распределение обязанностей и последующих результатов политической модернизации между всеми агентами трансформаций. Функция по формированию предложения находится в совместном ведении крупного и среднего бизнеса и государства. Таким образом, представленность интересов гражданского общества, их функциональная роль в национальной модернизаторской коалиции стремится к нулю.

С одной стороны, подобная схема не лишена смысла, так как позволяет нивелировать влияние несвоевременных инициатив «снизу» на сложный процесс социальной модернизации и сосредоточиться на разработке тактики реформ. С другой стороны, корпоративно-сервисный подход к социальному государству ставит вопрос о справедливом распределении функционала между агентами модернизации и порождает дискуссию о степени реального участия гражданского общества в социально-политической жизни.

Реализация модели государства социальных услуг тесно связана со следующими направлениями управленческой деятельности:

- развитие горизонтальной (сетевой) формы взаимодействия;
- совершенствование коммуникации с бизнес-сообществом при осуществлении планирования и распределения социальных обязанностей;
- развитие сервиса электронных госуслуг и удаленного доступа к правительственным социальным сервисам (услуги здравоохранения, гарантированного начального и дошкольного образования и т.д.).

Третьим форматом концепции социального государства можно считать **государство социальной безопасности**. Идеино-исторические основания данной концепции восходят к консервативному пониманию социальной политики «сильного государства». Как и рассмотренные концепции социального государства, эта форма стремится обеспечить максимальную занятость путем выстраивания социально-трудовых отношений с индивидами через крупные производственные структуры, по сути, предоставляющие гражданам равные социальные шансы и относящие их инициативу не к категории прав, а возможностей. Ключевое отличие данного социального государства от сервисного – функция государства по распределению обязанностей между агентами модернизации. Обладая прерогативой контроля над проведением реформ (модернизация «сверху»), государство в процессе усложнения общественных отношений вправе перераспределить роли (а в ряде случаев – результаты деятельности) агентов модернизации между ними либо принять часть их функций на себя. В отличие от государства социальных услуг, которое использует свой ресурсный потенциал с позиции «переговорной силы» и делегирует инициативу реформ другим акторам, государство социальной безопасности склонно само обеспечивать соблюдение их прав в ходе преобразований.

Государство социальной безопасности – это форма организации общества, при которой достижение социального прогресса и устойчивости основано на гарантированных государством принципах социального

равенства при одновременном частичном лишении других агентов модернизации права на собственную социальную инициативу. Возможности подобного государства регулируют модернизацию в пределах «нормы управляемости» с помощью динамической силы, величина и объекты которой могут меняться в зависимости от промежуточных итогов модернизации и необходимости ее коррекции. Динамическая сила – основной инструмент государства в концепции социальной безопасности, способный задать реформам стратегический контур, но не имеющий возможности решить актуальные тактические задачи, связанные с разработкой ценностных нормативов модернизации.

По нашему мнению, в каждой из представленных концепций государство выполняет специфические функции, но, вместе с тем, можно выделить и общую характеристику. Три концепции социального государства обеспечивают непрерывный социально-коммуникативный обмен между гражданским обществом, бизнес-структурами и самим государством. В концепции государства социальной безопасности оно выступает гарантом устойчивости системы, принося в жертву реализацию полных прав других акторов в реформенном обществе.

В концепции государства социальных услуг распределение ролей акторов не является раз и навсегда заданным и определяется принципом синергии, которая обеспечивает эмерджентность системы в модернизации.

Концепция государства социальной защиты в известной степени является антиподом концепции государства социальной безопасности. При социальной защите институты власти берут на себя функцию проведения в жизнь правил модернизации, разработанных другими ее агентами. Выступая на втором уровне, государство в данной модели предоставляет малым и средним предпринимателям, а также гражданским активистам максимальную свободу правотворчества. Однако представляется, что наряду с этим модель государства социальной защиты имеет существенный минус, выраженный символизмом восприятия власти другими агентами социального государства.

Гражданское общество и бизнес воспринимают предназначение социальной защиты государства как принятие им обязанности по обеспечению должного уровня благосостояния и перманентному стимулированию социальной ориентации экономики, что лишь способствует возникновению социального иждивенчества.

Как мы оговорились выше, чтобы нивелировать негативные стороны реализации концепции государства социальных услуг в России, считаем важным определить инновационный потенциал у активной части среднего класса как агента политической модернизации, а не только у государства и бизнес-сообщества. Оговоримся, что под собирательным понятием «средний класс» мы понимаем совокупность социальных групп, непосредственно не связанных с доминирующим способом производства, но объединенных стремлением к участию в социальной модернизации на позиции субъекта, принимающего решения наравне с остальными агентами социального государства. Нам кажется преждевременным говорить о существовании в современной России полноценно сформировавшегося среднего класса. Появление в России к концу 2000-х годов среднедоходных слоев населения при устойчивом сохранении дифференциации на сверхбогатых (высшее звено управленческого менеджмента крупных частно-государственных сырьевых и сервисных корпораций) и бедных («бюджетники», социально незащищенные категории граждан), по нашему убеждению, позволяет говорить о наличии в России *прото-среднего класса*¹⁰².

Если с точки зрения экономической теории формальная статистика позволяет нам это сделать, то положение «середняков» в механизме социального партнерства свидетельствует о том, что его ценностная база еще не сформирована. Из-за экономической дисперсности внутри среднего класса в России мы не наблюдаем в нем устойчивого консенсуса по будущим итогам модернизации. Кроме того, отсутствие ценностного единства и

¹⁰² Дынкин А.А. Субъективный средний класс: социологический анализ: Материалы конф. «Средний класс, проблемы формирования и перспективы роста» / Под ред. Е.Ш.Гонтмахера. – М.: ИНСОР, 2008.

отсутствие целерационального баланса интересов различных групп «середняков» препятствует выработке общего видения тактики социальной модернизации. Как следствие, российский средний класс до настоящего времени не в состоянии самостоятельно задать степень своей вовлеченности в создание социального государства.

С другой стороны, кризисные явления мирового рынка заставили государство взяться за пересмотр связей концепции долгосрочного развития России с крупными инвестиционно-добывающими программами, что позволяет надеяться на смену социальной ориентации среднего класса с пассивного принятия природной ренты на создание добавленной стоимости или накопление инновационного потенциала.

В этой связи мы разделяем позицию П.В. Петрушечкина¹⁰³, который считает, что максимальное расширение границ российского среднего класса (значит, и степени его готовности к участию в социальной модернизации) станет возможным после повышения ресурсоемкости затрат на социальную обеспеченность граждан. Иными словами, чтобы средний класс стал таковым по определению, без ассоциации со «средним слоем» в социальной стратификации, государству и крупному бизнесу необходимо простимулировать возникновение мобильного и потенциально проактивного (профессионально и творчески) малого предпринимателя. Для этого представляется полезным использовать «концепцию трех И» – инвестиции в инновационного индивида¹⁰⁴.

Политическая модернизация, выраженная новациями в управлении системой здравоохранения и внедрением принципиально новой системы образования, при начальной технологической и финансовой поддержке гражданской инициативы крупным бизнесом, на наш взгляд, способна

¹⁰³ *Петрушечкин П.В.* Социальное государство и гражданское общество в России: практика социально-политического взаимодействия: Дис. ... канд. полит. наук. – Якутск: Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 2011. – 181 с.

¹⁰⁴ *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econornv.gov.ru/rninec/activity/sections/macro/prognoz>. (дата обращения: 24.11.2014).

привести к выделению из среднего класса отдельного подмножества – **интеллектуального и инновационного класса**. Новая страта будет способная стать локомотивом национальной модернизаторской коалиции, которая сможет найти целерациональное сочетание трех концепций социального государства с учетом самобытного цивилизационного развития России.

Выделить из наличествующего разнообразия среднего класса подмножество интеллектуального и инновационного класса мы сможем с помощью теории групп¹⁰⁵.

Кроме того, данная теория полезна для соотнесения российской социальной политики с разными видами концепции социального государства – в зависимости от доминирования интересов (экономических, социальных, властных и т.д.) той или иной группы интересов среди агентов политической модернизации.

Оговоримся, что под **группой интересов** в настоящем исследовании мы будем понимать совокупность агентов социальной модернизации, которая характеризуется общностью постоянных или ситуативных социально-экономических интересов – ожидаемых результатов от проведения модернизации, которые варьируются в зависимости от наличия консенсуса агентов модернизации по тактике реформ.

В настоящем исследовании мы будем оперировать тремя большими¹⁰⁶ группами российского общества, рассматривая их в зависимости от уровня агрегирования интересов: **«аналитическая» группа** (высокий уровень), **«статистическая» группа** (средний уровень) и **«реальная» группа** (низкий уровень).

¹⁰⁵ *Truman D.-B.* The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1951. – 545 p.; *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public goods and the theory of groups. – Cambridge: Harvard University Press. – 2nd ed., 1971. – 186 p.; *Дегтярев А.А.* Принятие политических решений: Учебное пособие. М.: КДУ, 2004. – 464 с.

¹⁰⁶ Дефиницию «*большая группа*» следует понимать не только с позиции численного состава группы как таковой, но с точки зрения ее социальной значимости: (1) соответствия отстаиваемых ею интересов для социального государства и (2) успехов реализации данной группой шагов к социальному государству.

«Аналитическая» группа выделяется на основе занимаемого ею формального и публично признанного положения. Представители этой группы разделяют представления об эффективности паритетного начала субъектов социального партнерства, рассматривают модернизацию в качестве тренда, способного, среди прочего, помочь сохранить политическую стабильность системы. Действия участников «аналитической» группы могут отражать интересы членов других групп, но не обязательно сводятся к ним, что характерно для модели государства социальной защиты. С учетом российской специфики в составе данной группы можно выделить акторов принятия политических решений (управленцев и бюрократию), представителей крупного предпринимательства (вплоть до регионального бизнеса среднего уровня) и высокодоходные слои населения (около 10% верхнего пласта среднего класса). Опора на административный ресурс позволяет «аналитической» группе осуществлять прогностическую функцию и не прибегать к необходимости поддерживать инициативу других агентов модернизации в определении стратегии социально-экономической политики. Сила воздействия данных групп на процессы реформ определяется также их потенциальной готовностью оказывать давление с целью защитить свои интересы. Взаимодействие с группами интересов других агентов происходит по линейной схеме: отношения этой группы с представителями гражданского общества определяются их профессиональными компетенциями, а мнение экономического сообщества на стратегию реформ учитывается, исходя из финансовых возможностей среднего и малого бизнеса.

В числе участников **«статистической» группы** в России мы можем выделить представителей научно-технической и производственной части среднего класса, для которых реформа социальной сферы представляет не только групповой интерес, но сферу профессиональной самореализации. Анализ «статистической» группы важен, прежде всего, потому, что

позволяет оценить возможность ее переговорной силы¹⁰⁷ в процессе учета групп интересов. Фактор лоббистских возможностей, лежащий в основе переговорной силы, позволяет обеспечивать устойчивость будущей национальной модернизаторской коалиции. В дискурсе модернизации ключевым параметром переговорной силы «статистической» группы является наличие у нее специфического ресурса (прикладного знания об инновациях), основанного на производственном навыке и необходимом образовательном уровне. Среди прочих параметров отметим высокую централизацию и плотность профессиональных связей, которые позволяют группе продвигать свои интересы среди «реальной» группы, а также наличие сформулированных ценностных стимулов для участия в общественной жизни. Желание «статистической» группы выступать в качестве лидера социальной модернизации, получающего от нее наибольшую ренту, подчеркивает связь группы с технократической моделью государства социальных услуг, в котором механизм социального партнерства дает заметный крен в сторону социальной группы - локомотива модернизации.

Наиболее низкой степенью агрегирования своих интересов среди прочих отличается **«реальная» группа**, которую мы ассоциируем с многочисленным, но структурно рыхлым и идейно разнонаправленным средним классом. Исходя из примата о лидирующей роли государства в процессе модернизации как гаранта соблюдения относительного равенства социальных прав, «реальная» группа обладает, на наш взгляд, масштабной внутренней конфигурацией недостатков, что существенно ограничивает ее возможности по формированию своей группы интересов.

Исследования «реальной» группы интересов в западноевропейских странах позволили оценить перемещение материальных и нематериальных ресурсов для поддержки или противодействия той или иной стратегии реформенного развития. Известно, что на «реальном» уровне происходит

¹⁰⁷ *Переговорная сила* – способность представителей социальной группы оказывать влияние на агентов социальной модернизации, находящихся вне пределов их группы интересов, принимая, таким образом, участие в формировании повестки дня социального государства.

первоначальное вложение частных ресурсов (инвестиций) для формирования основного вектора развития социальной модернизации.

С точки зрения влияния на процесс политической модернизации, который может продуцировать «реальная» группа, наиболее значимым нам представляется фактор ее ресурсообеспеченности, включая использование группой специфических ресурсов наподобие электорального. По нашему мнению, слабая агрегация интересов «реальной» группы по поводу приоритетности социальных реформ способствует тому, что группа использует технологию обмена своей лояльностью другим агентам социального государства на различные компенсаторные выплаты в ее пользу. «Реальная» группа, будучи в состоянии обеспечить достаточную компенсацию своих интересов в рамках избранной стратегии, могла бы максимально снизить негативный эффект от принятия невыгодных для себя социально-экономических или политических решений благодаря механизму социального партнерства.

Таким образом, в России в механизме социального партнерства «аналитическая» группа (политические элиты) обладает наибольшим инновационным потенциалом, поскольку сосредотачивает в себе наибольший ресурсный, административный, финансовый и иной объем полномочий. К «статистической» группе, обладающей несколько меньшим потенциалом ввиду недостаточной функциональной роли в политической модернизации, мы можем отнести инновационное подмножество среднего класса, а также средний бизнес. Минимальным инновационным потенциалом обладает пестрая по своему социальному составу «реальная» группа интересов. В нее входит интеллектуальный класс – идейный каркас национальной модернизаторской коалиции, от которого зависит роль в политических реформах инновационного класса, находящегося на более высокой ступени агрегирования своего интереса в реформах. Эталонный вариант концепции социального государства в России, на наш взгляд, предусматривает в составе «аналитической» группы, помимо части управленцев, представителей

инновационного подмножества среднего класса, обладающего необходимым ресурсом (профессиональным знанием о применении инноваций). Отлаженный механизм социального партнерства поможет инновационному классу находиться в постоянном взаимодействии с интеллектуальным подмножеством, которое, обладая направляющей силой и получая финансовую и технологическую поддержку от инновационного подмножества, должно находиться в «статистической» группе интересов. В «реальной» группе остается другой, рыхлый по своему составу средний класс гражданского общества. Однако одно из предназначений современной концепции социального государства в России – провести к этой группе социальный лифт таким образом, чтобы любой ее представитель, осознавший свой интерес в политической модернизации, смог вступить в кооперацию сначала со «статистической» группой, став малым предпринимателем, а затем и с «аналитической», приобретя необходимый инновационный потенциал и подготовив свои предложения по курсу реформ.

Оговоримся, что под **социальным партнерством** мы понимаем систему взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления со структурами малого и среднего предпринимательства (МСП), направленную на обеспечение реализации МСП уставных целей и задач при их участии в решении социально значимых проблем. Исходя из данного нами выше понимания социального государства, отметим, что социальное партнерство устанавливается при безусловном соблюдении прав индивида на свободу инициативы, принципа равенства сторон перед законом и введения льгот для экономически активного малого бизнеса, чья деятельность направлена на решение социально значимых задач в интересах группы трудовых коллективов, общества и государства.

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Ситуативная концепция социальной политики, ставшая в России стратегией проведения модернизации, не позволяет адаптировать

управленческую или бизнес-модель к отечественной социальной действительности, чтобы выявить и нивелировать все затруднения, связанные с артикуляцией интересов гражданского общества в модернизации России. Более того, после 1991 года в стране наблюдается радикальное расхождение между целями социального государства и инструментарием модернизации: прообраз социал-демократической модели социальности в России связывался с либеральным типом модернизации (1992-1994 гг.), а либеральная модель социального государства якобы объясняла возможности социал-демократической модернизации в интересах большинства (1994-1999 гг.). Системный подход позволяет избежать противопоставления в вопросе о приоритетности социального государства для политической модернизации или модернизации ради социального государства в России. Иными словами, прежде, чем определить оптимальную для реализации концепцию социального государства в России, агентам социально-политических трансформаций следует найти компромисс между собой по вопросу о стратегии реформ: появился ли в стране за десятилетия социальных экспериментов прообраз социального государства, который поможет подобрать релевантный для политической модернизации инструментарий реализации, или же агентам реформ необходимо сначала провести политическую модернизацию, сформировать в России признаки прообраза социального государства и затем уже перейти к выбору полноценной концепции социальности для последующей реализации.

Принципы универсальности, функциональности и единства системы позволили автору исследования определить форматы, в которых возможно становление прообраза концепции социального государства в России в виде **государства социальной защиты, государства социальных услуг и государства социальной безопасности.**

В каждом из этих типов государство выполняет специфические функции, но все они обеспечивают непрерывный социально-коммуникативный обмен между гражданским обществом, бизнес-

структурами и самим государством. В случае России любой тип характеризуется разной степенью идейной и ресурсной готовности акторов к социально-политической модернизации. Так, государство социальной защиты соответствует социал-демократическому типу организации общества, который подразумевает наличие ценностной сплоченности вокруг принципов модернизации. Приверженность общества к модернизации подкрепляется развитыми финансовыми возможностями малого и среднего бизнеса. Государство берет на себя функцию защиты тех социальных идеалов, которые были согласованы между обществом и бизнесом в качестве необходимых условий для преобразований. Модель благоприятствует социальной системе стран с высокотехнологичной постиндустриальной экономикой, прошедшей этап первичного накопления общественного капитала. Для России модель ограничено полезна ввиду отсутствия динамичной системы управления, способной уловить и развить изначальный запрос социума на модернизацию. Государство социальных услуг – наиболее либеральный тип социального устройства, при котором государство как агент модернизации может использовать сервисный подход в отношениях со средним бизнесом и гражданскими активистами в расчете на устойчивую обратную связь в виде налоговых поступлений и т.д. Для России модель интересна своей возможностью правовых изменений в ходе модернизации: государство, демонстрируя социальную направленность политики, принуждает гражданское общество и МСП либо включиться в социальное партнерство (участием, налогами), либо отказаться от курса на модернизацию. Государство социальной безопасности является концентрированным выражением консервативного типа социального устройства, в котором достижение социального прогресса основано на гарантированных государством принципах социального равенства при одновременном частичном лишении других агентов модернизации права на инициативу. Этот тип частично реализуется в современной России, поскольку возможности государства регулируют модернизацию в пределах

«нормы управляемости» с помощью динамической силы, величина и объекты которой могут меняться в зависимости от промежуточных итогов модернизации.

При этом для того, чтобы определить роль гражданского общества в политической модернизации, его функции в национальной модернизаторской коалиции, следует определить инновационный потенциал среднего класса – совокупности социальных групп, не связанной с доминирующим способом производства, но стремящейся к участию в модернизации на позиции субъекта, принимающего решения наравне с остальными агентами. Сохранение высокой доходной дифференциации в обществе позволяет говорить о наличии в России *прото-среднего класса*, слабо участвующего в модернизации и искаженно представляющего цели социального государства. Для появления среднего класса государству и бизнесу необходимо простимулировать возникновение в обществе мобильного и проактивного (профессионально и творчески) малого предпринимателя с помощью концепции «трех И» – инвестиций в инновационного индивида, уделив внимание модернизации в сфере здравоохранения и образования. Это может привести к выделению из среднего класса **интеллектуального и инновационного классов**, которые будут локомотивом национальной модернизаторской коалиции. *Интеллектуальный класс* – «интеллектуальный каркас общества», представляющий интересы среднего бизнеса, интеллигенции и производственного класса, занимается проработкой теоретических положений модернизации в интересах «общества реформ». *Инновационный класс* – совокупность научно-технического подмножества среднего класса, зависит от административных барьеров и от ценностно-функциональной противоречивости интеллектуального класса.

С помощью теории групп можно выделить интеллектуальное и инновационное подмножества по уровню агрегирования интересов: «аналитическая» (высокий уровень), «статистическая» (средний) и «реальная» (низкий) группы. В России интеллектуальный класс является

частью «реальной» группы, артикуляция интересов которой в модернизации выражена слабо, так как эта группа инерционно поддерживает стратегию ресурсобеспеченности, обменивая свою лояльность другим агентам модернизации на компенсаторные выплаты в ее пользу (социальную поддержку за счет природной ренты). «Реальная» группа выступает за появление в России патерналистского государства социальной защиты. Инновационный класс принадлежит к «статистической» группе, для которой модернизация – не только групповой интерес, но сфера профессиональной самореализации. В дискурсе модернизации ресурсом группы становится переговорная сила (прикладное знание об инновациях), основанная на производственном навыке и необходимом образовательном уровне. Желание «статистической» группы выступать лидером модернизации подчеркивает ее связь с технократическим государством социальных услуг. «Аналитическая» группа выделяется на основе занимаемого ею формального положения в обществе и рассматривает модернизацию в качестве тренда, способного сохранить политическую стабильность системы. Действия «аналитической» группы могут отражать интересы других групп, но не обязательно сводятся к ним, а воздействие группы на политическую модернизацию определяется готовностью оказывать давление для защиты своих интересов, что характерно для государства социальной безопасности.

По допущению автора исследования, повышение функциональной роли интеллектуального и инновационного подмножеств среднего класса будет способствовать их становлению в качестве локомотива национальной модернизаторской коалиции, который сможет найти целерациональное сочетание трех концепций социального государства с учетом самобытного цивилизационного развития России.

Подчеркивая ограниченную полезность каждой становящейся концепции социального государства в России, автор считает оптимальным синтез трех концепций: государства социальной защиты, государства социальных услуг и государства социальной безопасности. В сфере

политического можно согласиться с реализацией концепции государства социальной безопасности. Правящая элита, желая сохранить политическую устойчивость в процессе реформ и свое положение, готова следовать курсом реформ, но одновременно настаивает на лишении других агентов политической модернизации права претендовать на осуществление функции распределения результатов от модернизации в свою пользу. Концепцию государства социальных услуг можно реализовать в экономической и научной сферах. Этому способствует желание российского бизнес-сообщества опираться на инновационное подмножество и выступать в качестве лидера политической модернизации. Гражданское общество во главе с интеллектуальным классом, в целом согласное с курсом на консервативное социально-ориентированное государство, разделяет идеалы прообраза социал-демократической концепции (государства социальной защиты) и готово обменивать имеющиеся ресурсы (интеллектуальный, электоральный, правотворческий и др.) на социальные предпочтения со стороны других агентов политической модернизации.

2.3 Влияние политической модернизации на процессы реформирования социальной сферы в Российской Федерации

Успех политической модернизации всегда коррелирует с вопросом готовности власти и социума к проведению реформ в социальной сфере (здравоохранении, образовании, науке и т.д.). Их итогами должны стать высокий уровень интеллектуализации труда, инвестиции в человеческий капитал, которые характеризуют успешность модернизации любого социального государства в условиях глобальной конкуренции. В предисловии к Докладу по конкурентоспособности стран мира, озвученному в рамках Всемирного экономического форума «Мировые информационные технологии» в 2011 году признано, что пять из девяти критериев конкурентоспособности в разной мере связаны именно с «социальным измерением»¹⁰⁸.

Проблема состоит в том, что в ходе преобразований системы изменяется место всей социокультурной сферы в структуре общества. Отсюда мы заключаем: чем масштабнее область соприкосновения системы с модернизацией, тем серьезнее результат. Как следствие, именно в социальной сфере возможны наибольшие издержки от политики реформ.

В то время как необходимость инновационного прорыва и обеспечения конкурентоспособности требует от государства целерациональной реформенной политики в области здравоохранения, образования, фундаментальной науки, *Россия отходит от социальных принципов в процессе модернизации*. Согласно упомянутому докладу, современная Россия по этому показателю далека от первой десятки лидеров списка в этих категориях. Так, Индекс глобальный конкурентоспособности сегодня

¹⁰⁸ Хануз М.-Д., Праздничный А. Доклад о глобальной конкурентоспособности России // Выступление делегатов от РФ в рамках Всемирного экономического форума в Вене. 2011. 6 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strategy.ru/the-russia-competitiveness-report-2011/> (дата обращения: 14.03.2013).

отводит России 70 место из 139, Индекс технологического развития – 68, Индекс человеческого развития – 57¹⁰⁹.

На основе проведенного анализа различных моделей развитого социального государства и типов политической модернизации мы делаем вывод о том, что отечественная социальная политика и сама парадигма политической модернизации получают определенность, когда в государственных программах основные индикаторы конкретной модели социального государства и перспективы курса реформ будут определяться не только качественно, но и количественно. В частности, это должны быть, прежде всего:

1) степень налоговой нагрузки (включая расходы на социальную сферу) на бюджет – государству следует точнее прогнозировать риски и конкретные цифры параметра;

2) расходы федерального бюджета на социальную сферу в структуре ВВП – к 2020 году должны возрасти с текущих 23,6% до минимум 28%;

3) ожидаемый уровень бедности населения – не должен превысить 8-9% трудоспособного населения, а для точного определения уровня бедности могут быть повышены стандарты жизни;

4) коэффициент Джини, показывающий неравенство в распределении совокупных доходов в обществе – вместо нынешних 0,40 пунктов должен составлять в среднем 0,28-0,30 и ниже, с одновременным увеличением фонда оплаты труда (после вычета налогов) с текущих 23% ВВП до 35-40%, что примерно равно показателям развитых стран.

После выполнения названных условий, по нашему мнению, результат влияния политической модернизации на концепцию социального государства в России может получить осязаемое воплощение.

¹⁰⁹ Сборник «Основные социально-экономические показатели России» // Официальный сайт Федеральной службы по статистике России, 2014 год. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1268735691578 (дата обращения: 16.01.2015)

Проведение **модернизации в сфере образования** – неотъемлемая часть общей социокультурной модернизации страны. На наш взгляд, ее значимость обусловлена тем, что степень образованности населения – не только важный качественный индикатор социального благополучия граждан, позволяющий оценить степень продвижения реформ, но и системообразующий институциональный фактор для устойчивости любой модернизирующейся системы.

Образование, согласно справедливому определению Дж. Гэлбрейта – «единственный ресурс управления будущим, находящийся в руках государства»¹¹⁰. В этом контексте, наряду с прикладной функцией (содействие развитию экономики, освоение и разработка собственных сетей электронной коммуникации и т.д.) подчеркнем нормативно-ценностную значимость образования. Ведь оно является одним из социально-ориентированных инструментов оказания государством влияния на индивида, находящихся вне рамок аппарата принуждения. Иными словами, основной задачей образования в рамках курса политической модернизации является формирование инициативного, граждански мыслящего индивида, который в целом будет лоялен по отношению к своему государству, но сможет критично относиться к недостаткам системы управления, поддерживая возможности для их открытого обсуждения и разрешения.

Вслед за Гэлбрейтом мы можем указать функции сферы образования, представляющие интерес в контексте их использования для социально-политической модернизации:

1) Функция накопления, формализации и передачи знаний – трансляция и закрепление в межпоколенческих связях устойчивых социокультурных и научных ценностей и умений общества.

2) Функция прироста знаний – насыщение социума интеллектуальными и нравственными ценностями. Образование в этой связи

¹¹⁰ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. под ред. В.В. Зотова и В.А. Кирова. – М.: Директ Медиа, 2007. – С. 28.

призвано стимулировать интеллектуальную деятельность общества, направляя ее на создание новых знаний, их дополнение, используя технологизацию как метод и инновации как средство.

3) Функция коррекции – относится к ценностным ориентирам, которые на уровне отдельного индивида определяют модель поведения общества в целом. Гуманизация образования совершенствует систему в соответствии с национальной культурой.

4) Функция предупреждения социальных рисков – осуществляется путем интегрированной адаптации региональных образовательных стандартов в единую систему.

Учитывая вышесказанное, мы можем определить **основные направления реформы системы образования**: повышение ее прозрачности, переход к разработке образовательных программ, максимально приближенных к производственной практике, основанных на квалификации будущих агентов реформ, жестких требованиях контроля качества образования¹¹¹.

Необходимо отметить, что в этой связи деловое и научное сообщество современной России признали недостаточность реформенных мер, предлагаемых правящей элитой страны в рамках консервативной модели политической модернизации. Очевидно, что одних только вузовских программ не хватает для качественной модернизации российского образования. На наш взгляд, в стремлении провести комплексную модернизацию образования государству важно уделить внимание практической подготовке специалистов, подразумевающей обучение в условиях практической постановки задач и решения проблем, а не жесткого освоения теоретических дисциплин. В настоящее время консервативная модель политической модернизации закладывает в основу российской системы образования противоречие между собственно образовательной и

¹¹¹ Лидэ Е.Н. Интернационализация бизнес-образования в условиях глобализации: проблемы и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 1(12). С. 3-8.

практической функциями, т.е. между функцией передачи знаний и деятельностью в реальных условиях рынка. В результате подобного подхода инновационный и интеллектуальный классы гражданского общества не могут получить необходимую профильную подготовку, которая помогла бы им артикулировать свой интерес в политической модернизации и выступить как ее агент с конкретными предложениями по трансформации системы.

Кризисные явления, затрудняющие модернизацию научно-образовательной сферы, связаны с началом 1990-х годов и общей дефундаментализацией образования¹¹² в нашей стране, несоответствием между его качеством и потребностями социума. Консервативная модель политической модернизации тогда не ставила на повестку дня вопрос подготовки среднего класса для участия в социально-политической жизни страны, сосредоточив его внимание на экономическом аспекте трансформаций. Между тем, вопрос качества образования (профессиональные навыки преподавателей, содержание учебно-методических материалов, успеваемость обучающихся, наличие в вузах практической базы для апробации знаний) остается определяющим фактором развития образовательной деятельности, а значит, и активности социума в рамках реформенной системы.

В этом ключе образование является областью, в которой процесс принятия решений хотя и обусловлен политическими обстоятельствами, но не может единолично осуществляться только одним субъектом реформ. По нашему мнению, деятельность государства по качественной реализации общенациональной системы социальных приоритетов в образовании должна выражаться через согласование различных позиций в ходе компромисса с другими агентами политической модернизации – обществом и

¹¹² Кузьменко Н.Е., Лунин В.В., Рыжова О.Н. О модернизации образования в России // Педагогика. 2007. № 3.

предпринимательской средой.¹¹³ В этой связи мы разделяем подход первого заместителя председателя комитета Государственной думы по образованию О.Н. Смолина, который рассматривает государственную образовательную политику, различая в ней похожие, но не совпадающие по содержанию концепты: «политика в области образования» и «образовательная политика». Первое из упомянутых понятий Смолин рассматривает как «комплекс мер, предпринимаемых государством, политическими партиями и иными участниками политического процесса по отношению к образованию как к социальному институту»¹¹⁴. Образовательная политика, «помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней политики государства (экономической, социальной, информационной)»¹¹⁵.

Для определения влияния политической модернизации на реформирование социальной сферы в России мы считаем необходимым подробнее рассмотреть понятие «образовательная политика» – как совокупность теоретических идей и практических действий государства, ответственную за подготовку общества к вызовам модернизации и нивелирующую негативное влияние, вызванное нелинейностью социально-экономических изменений.

Указывая на первостепенную роль институтов государственной власти в процессе модернизации образования в России, под **государственной образовательной политикой** мы будем понимать вид публичной управленческой активности государства, направленной на реализацию общезначимых целей развития сферы образования при помощи

¹¹³ *Суслова Д.В.* Направления развития интернационализации в российских вузах // Материалы Международной конференции «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. – Москва, 28 апреля 2010 года.

¹¹⁴ *Смолин О.Н.* Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1 . С. 6.

¹¹⁵ *Смолин О.Н.* Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1 . С. 6.

долговременных действий, фиксирующий степень компромисса между ключевыми агентами модернизации по ряду вопросов реформ¹¹⁶.

На основании вышесказанного нами было выведено определение модернизации образования. В общем виде под **модернизацией образовательной политики** мы понимаем меры совершенствования государственной образовательной политики, определяющие системные компоненты (тенденции, особенности, механизмы) практически ориентированного образования, в системе «наука – вуз – производство».

Для того чтобы в должной мере содействовать реализации задачи определить влияние политической модернизации на концепцию социального государства, мы будем апеллировать к «теории среднего уровня» Р. Мертон.¹¹⁷ Используя индукцию для внутренней организации настоящего исследования, мы можем вывести логику политической модернизации и определить условия реального управления социальными процессами с учетом парадигмы функционального анализа. По нашему мнению, **влияние политической модернизации на образовательную сферу в России** определяется:

- 1) функциональной принудительностью (наличие у государства инструментов по предотвращению аномии в процессе модернизации);
- 2) универсальностью (допущением, что вся реформируемая социальная система в государстве жизнеспособна);
- 3) согласованным единообразием (общественным компромиссом при функционировании его частей, например, в сфере образования).

Образовательная политика способствует появлению компромисса государства и научного сообщества в вопросе подготовки и выпуска квалифицированных кадров – будущих научных исследователей и управленцев. В среднесрочной перспективе (до 2020 года) формулировка

¹¹⁶ Сулова Д.В. Ibid.

¹¹⁷ Девятко И.Ф. Р. Мертон и его теория среднего уровня // История теоретической социологии в 4-х т. / Под ред. Ю.Н. Давыдова. – Т. 3. – М.: Канон, 1997. – С. 250-270.

государством и научным сообществом стратегических инициатив должна обеспечить качеству предоставляемых вузами услуг уровень «сердцевины» социально-политической модернизации. Следовательно, модернизация образования в российской концепции социального государства, на наш взгляд, должна не подменять структурные преобразования институциональными. Слияния крупных федеральных вузов должны способствовать развитию прикладной школы профессиональных навыков и обеспечивать их соответствие принятой методике образования. Иными словами, от модернизации социальной сферы в России требуется создание не холдинга-интегратора социального спроса, а генератора общественных предложений, межрегиональной образовательной корпорации, которая использует лучшие мировые практики и готовит универсальных специалистов высокого уровня, пригодных как для работы с национальными исследованиями, так и за рубежом.

Для того чтобы образовательная политика являлась ядром формирования национальной модернизаторской коалиции, необходимо наличие соответствующей инновационной структуры в самой системе образования. Этот аспект отмечается в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹¹⁸, где образовательная политика одновременно является субъектом и объектом модернизации и не может влиять на преобразования в смежных социально-экономических сферах без инновационной базы. По мнению замдекана Международной школы бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ Е.Н. Лидэ, инновационность сферы образования выступает одним из важнейших критериев формирования инновационной культуры общества, о которой мы упоминали в главе 1, говоря о готовности социума осуществлять преобразования. Мы можем согласиться с данной

¹¹⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econornv.gov.ru/rninc/activity/sections/macro/prognoz>. (дата обращения: 24.11.2014).

точкой зрения, поскольку, во-первых, конкурентоспособность экономики действительно базируется на качественной подготовке менеджеров, а во-вторых – получение образования является «главной инвестицией в человеческий капитал, которую может позволить себе человек в жизни»¹¹⁹.

Инновационность образовательной сферы, на наш взгляд, достигается с помощью выстраивания механизма социальной коммуникации государства с другими агентами политической модернизации, создает условия для расширения политической сферы путем включения в разработку политических решений экспертов, предпринимателей и активной части гражданского общества. Очевидно, что агентам реформ в России необходимо единое понимание приоритетов трансформаций социальной сферы. Общего понимания можно добиться, только если у правящей элиты, бизнес-сообщества и активной части среднего класса (интеллектуального и инновационного подмножеств) будет общая ценностная база, сформированная на основе одних и тех же алгоритмов инновационно-ориентированной институциональной среды, влияющей на экономический рост и конкурентоспособность страны, как и прописано в соответствующем Федеральном законе страны¹²⁰.

В настоящее время, согласно данным Всемирного экономического форума, консервативная политическая модернизация образования обеспечивает России только 66-е место в международном индексе конкурентоспособности, подготовленном на основании 12-ти самых существенных показателей (макроэкономическая стабильность, динамика рынка труда, качество образования, инновационный потенциал и т.д.). По критерию «Высшее образование и профессиональная подготовка» наша страна расположилась на 52-м месте, при этом по технологической оснащенности она занимает 68-ю строчку, по критерию «Инновации» – на

¹¹⁹ Лидэ Е.Н. Ibid.

¹²⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) «Об инновационном центре «Сколково» // Российская газета. 2010. 30 сентября. № 220 (5299).

71-й позиции в мире. Еще более удручающей ситуация с модернизацией выглядит в контексте качества образования в менеджменте (Россия расположилась на 107-й позиции) и по степени интегрированности малого и среднего бизнеса в образовательную модернизацию (114-место).

На наш взгляд, это происходит из-за того, что консервативная политическая модернизация образования пытается избавиться от наследия советской образовательной системы, но не имеет для этого подходящего технологического и человеческого потенциала, вызванного диспропорциями в экономике и «утечкой мозгов» за рубеж. При этом предпосылки для инновационного рывка в этой сфере, по нашему мнению, страна имеет, так как в мировом образовательном пространстве известно о высоком исследовательском потенциале отечественной науки, так и об универсальном межотраслевом характере российского образования¹²¹.

Учитывая это, мы заключаем, что сильные стороны образовательной модернизации России сосредоточены в высшем образовании, которое, среди прочего, характеризуется качеством преподавания естественнонаучных дисциплин и долей населения, ежегодно получающего высшее образование. В этой связи образовательная модернизация связана с развитием социально-экономического потенциала регионов страны.

С принятием в конце 2012 года нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» государством разработан соответствующий **инструментарий модернизации сферы образования**. Его имплементация предусматривает освоение регионами новой системы образовательных сервисов. Так, в соответствии с новыми требованиями законодательства региональные вузы должны будут использовать концепцию так называемого «блендерного образования» (совмещения традиционных лекционно-семинарских занятий с мастер-классами и дистанционным онлайн-обучением) в качестве основы процесса подготовки специалистов. В

¹²¹ Макарова Т.Б. Бизнес-образование как вид государственной образовательной политики в условиях политической модернизации общественных процессов: Дис. ... канд. полит. наук. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2012. – С. 160.

марте 2015 года правительство уже выделило на эти нужды 216,315 млн. руб. федеральных субсидий в помощь регионам. До 2020 года на программу актуализации учебных программ в рамках высшего профобразования, в том числе, по подготовке управленческих кадров, потратят еще 5 млрд. рублей. Планируется, что реформа коснется всех квалификационных этапов – от профориентации в школе до полноценного трудоустройства по специальности. В итоге студенты освоят дуальное обучение, где не менее половины учебного времени будет связано с реальным производством или учебно-тренировочными центрами подготовки (для обеспечения будущей самозанятости). Инициатива властей была поддержана бизнесом, поскольку больше половины региональных компаний испытывают дефицит грамотно подготовленных управленческих и технологических кадров, что является одним из ограничителей развития малого и среднего бизнеса¹²².

Для решения этой задачи Министерством образования и науки РФ в конце прошлого года был создан федеральный координационный совет (ФКС) по образованию, в который вошли 12 вузов страны, где проводится эксперимент по подготовке будущих управленческих и производственных кадров.

Отметим, что для экономики регионов эффективность избранного курса на модернизацию образования доказана эмпирическим путем. Так, в «пилотной» Смоленской области на основе изучения потребностей местной экономики были определены приоритетные направления набора и число бюджетных мест в областные ВУЗы. В начале апреля 2015 года на заседании Госсовета губернатор области Алексей Островский заявил, за время эксперимента с самозанятостью прием на технические специальности вырос с 40% до 71%, а количество трудоустроенных выпускников повысилось с 45% до 61%.

¹²² Крючкова Е. Правительство ищет стимулы для развития профобразования // Сайт ежедневной газеты «Коммерсантъ» от 12.02.2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2666049?isSearch=True> (дата обращения: 09.04.2015).

Впечатляющие цифры статистики, способные обеспечить самозанятость и мотивацию учащихся в регионах, стимулировали социальную активность «снизу». Органы власти все чаще стали получать предложения от среднего бизнеса задуматься над созданием малых молодежных предприятий на базе колледжей при университетах, чтобы через пять лет привлечь до 5% выпускников к предпринимательской деятельности. В этой связи практика модернизации впервые вошла в видимое противоречие с теорией, поскольку ФЗ «Об образовании» регулирует деятельность подобных предприятий лишь при ВУЗах и не предусматривает развитие партнерских отношений с коммерческими структурами, в связи с чем нормативно-правовая база модернизации нуждается в соответствующих изменениях и последующем контроле со стороны государства.

Таким образом, анализ критериев получения в России полного среднего или высшего образования позволяет нам выделить преимущества социально-ориентированной модели образования перед рыночно-ориентированной. Законодательно закреплённые государственные гарантии предоставления образовательных услуг, сочетающие при этом рыночную динамику и обеспечивающие конкурентоспособность национального образования¹²³, приводят нас к обоснованности данного вывода.

Известно, что степень влияния государства в мире пропорциональна росту количественных показателей в сфере образования (развитие технологической инфраструктуры) и зависит от международной конкурентоспособности вузов¹²⁴. В этой связи технологическими приоритетами модернизации российского образования, на наш взгляд, можно считать (1) освоение отечественной технологии производства компьютерного оборудования и (2) разработку собственных сетей электронной

¹²³ Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы / Утв. Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497 // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс] URL: http://base.garant.ru/71044750/#block_1000 (дата обращения: 18.04.2014).

¹²⁴ Зуева Д.С., Карпенко О.М., Крутий И.А. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры // Социологические исследования. Октябрь 2007. № 10.

коммуникации. Выполнение этой стратегии в России лежит, в первую очередь, на федеральных университетах. Программа развития подобных мегауниверситетов должна включать использование последних достижений информационных технологий в образовательном процессе, которые на начальной стадии реформ могут быть заимствованными. Информатизация образования способствовала росту числа практико-ориентированных специальностей, когда на основе дистанционных моделей накопления и формализации информации происходит передача, закрепление и контроль знаний. На наш взгляд, другим немаловажным фактором для успешной модернизации образовательной политики является способность государства сохранить в системе образования зарекомендовавшие себя методики профильной и профессиональной подготовки (технические прикладные и гуманитарные творческие), развивать их наиболее приемлемые модели посредством совершенствования структуры управления государственными учебными заведениями.

Проанализировав точки зрения некоторых экономистов, компетентных в вопросах проблем модернизации российского образования, в настоящем исследовании мы хотели бы выдвинуть ряд **предложений** по проведению образовательной модернизации в России:

- 1) Сокращение продолжительности учебных курсов за счет снижения часов преподавания теоретических знаний. Приобретение учащимися практического опыта решения проблем непосредственно на производствах через интеграцию бизнес-теории и практики.

- 2) Формирование новой, мотивационной четырехступенчатой модели образования в соответствии со ступенями карьерного роста управленцев (менеджер/производственник – начальник отдела – руководитель департамента – управляющий менеджер), при этом большая часть компетенций должна коррелировать с функциями, находящимися в зоне ответственности учащихся.

3) Оценка критериев образовательного продукта для бизнеса. Например, соотношение критерия компетентности, стоимости подготовки специалиста для производства и продолжительности обучения.

4) Соответствие содержания системы образования решению ориентированных на практику задач, обеспечение единства запроса учащихся, как потребителей услуги, их потенциальных работодателей, как основных заинтересованных сторон качества, авторитетных экспертов в этой области как авторов стратегии ее развития и, наконец, преподавателей ВУЗов.

5) Вовлечение в процесс обучения в высшей и средней школе преподавателей традиционных методик профильной подготовки, обладающих высоким уровнем квалификации в заданной области.

Думается, что настоящие предложения по модернизации российского образования могут считаться дискуссионными, но они появились в соответствии с актуальными потребностями рынка образования в его практической направленности. В дополнение к сказанному необходимо появление института независимой экспертной оценки качества образования, который следует формировать из представителей бизнеса и гражданского общества, чтобы повысить инвестирование создания качественно новых специализированных курсов.

Стабильность социального климата зависит и от состояния **сферы здравоохранения** как составляющей области жизненно важных интересов современного общества.

С 1993 года в рамках становления смешанной страховой системы частно-государственного софинансирования здравоохранения производилось общее введение программы обязательного медицинского страхования. Эволюционируя с появлением универсальных электронных медицинских карт, эта система функционирует в России до настоящего времени, дополняясь приоритетным национальным проектом «Здоровье»,

программами государственных гарантий¹²⁵ и дополнительного лекарственного обеспечения, возникновением противоречивого института врачей общей практики, а также попытками импортозамещения зарубежных фармакологических препаратов отечественными аналогами к 2018 году. Вследствие этого модернизацию здравоохранения можно рассматривать как целенаправленно создаваемый государством комплекс защитных устройств, определяющих устойчивость и стабильность реформенной системы, ее «способность относительно быстро приходить в первоначальное состояние после определенных деформаций», а в рабочем режиме – становиться на новый этап развития, подчеркивая непреходящую актуальность вопросов организации системы охраны здоровья граждан¹²⁶.

Однако к настоящему времени отсутствие системности при модернизации российского здравоохранения, на наш взгляд, привело эту сферу к сокращению койко-мест в больницах, массовым сокращениям узкопрофильных специалистов, ухудшением качества амбулаторно-поликлинических услуг.

Мы можем согласиться с мнением академика РАН С.И. Колесникова, который в этом контексте также негативно оценивает стартовавшие в начале 2004 года реформы социальной сферы, в частности, здравоохранения. Эксперт констатирует, что эту область пытаются сделать полностью коммерческой, одновременно увеличив нагрузку на федеральный бюджет¹²⁷. По его словам, с 2011 года доля госрасходов на здравоохранение в ВВП страны под видом оптимизации неуклонно снижается. Желание государства увеличить нагрузку на внебюджетную систему страхования к тому же

¹²⁵ *Стратегия развития медицинской науки в Российской Федерации* / Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2580-р. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/7257/> (дата обращения: 08.05.2015).

¹²⁶ *Баматгириев О.А.* Организационно-экономические инструменты модернизации управления здравоохранением: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Кисловодск: Кисловодский ин-т экономики и права. 2011. – С. 4.

¹²⁷ *Колесников С.И., Плешанов А.В., Смирнов В.Г.* Переход к новой модели макроэкономики: национальные стратегии макрорасходов на здравоохранение и высокие технологии // *Здравоохранение*. 2010. № 4. С. 37-55.

лишает поддержки профильные вузы. Одновременно потенциал отечественной школы здравоохранения был подорван в связи с упразднением в октябре 2013 года Российской академии медицинских наук (РАМН). Занимаясь законотворческой деятельностью, С.И. Колесников отмечал, что средняя сумма недофинансирования сферы ежегодно составляет почти 400 млрд. рублей, поэтому выделяемые на модернизацию в среднем 460 млрд. рублей ситуацию в реальном здравоохранении не меняют. Модернизация государственных и муниципальных медицинских учреждений неоднозначным образом затрагивает бюджетную оптимизацию. При системном усложнении проблемы доступности лекарств, например, для онкобольных граждан, сокращается количество исследовательских лабораторий, отсутствуют стандарты региональных отчислений в фонд ОМС, что затрудняет планирование местных бюджетов и осложняет расчет доли лекарственного обеспечения и заработной платы специалистам¹²⁸.

В аналогичном ключе модернизация осуществлялась в сфере **науки**, где государство продолжило сокращение госфинансирования фундаментальных исследовательских школ, де-факто поддерживая не модернизацию, а разрушение одного из столпов социальной системы. Добавим, что не менее удручающим положение представляется и в сфере культуры (когда, в частности, репертуарные театры сняты с бюджетного довольствия и вынуждены принимать сомнительные с точки зрения содержания, но финансируемые частниками постановки).

Таким образом, в сфере российского здравоохранения, как и везде в социальной политике, под влиянием консервативной модели политической модернизации сохраняется отстраненность граждан от принятия решений об использовании возможностей системы здравоохранения и ограничение выбора поставщика услуг для пациентов. Это обуславливает отсутствие

¹²⁸ Колесников С.И., депутат Госдумы: модернизация здравоохранения сопряжена с проблемами // Материалы «круглого стола» на тему «О ходе реализации программ модернизации здравоохранения», Москва. 2011. 3 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ukcb.ru/new.php?n=2623> (дата обращения: 16.03.2014).

реального развития медицинских услуг, способствует появлению подобия рыночных отношений и «серых схем» финансирования при отсутствии профессиональной заинтересованности работников медицинских учреждений в оказании качественных услуг нуждающимся гражданам. Данная специфика принятия управленческих решений на сегодняшний день характеризует вектор социально-рыночной модернизации здравоохранения.

Мы заключаем, что необходима адаптация системы здравоохранения в РФ к процессам постоянного увеличения числа экстерриториальных сетевых форм и структур организаций здравоохранения¹²⁹, формирования постиндустриальной экономики. По нашему мнению, этой цели можно достичь разработкой и использованием нового инструментария управления социальным партнерством по критериям увеличения финансовых ресурсов и их персонально-ориентированном использования.

На наш взгляд, **влияние политической модернизации на сферу российского здравоохранения** наряду с включением достижений мирового опыта в целесообразной степени должно проявляться оживлением механизма социального партнерства, функционирование которого является показателем нравственной зрелости социального государства. Одним из важных элементов функционирования социального государства является кадровая политика посредством активного включения инновационного и интеллектуального классов гражданского общества в принятие решений по модернизации. Для достижения этой задачи государству следует должным образом обеспечить механизм технологизации политических решений, который призван регулировать формирование и востребованность кадрового потенциала страны. Использование названных возможностей вполне реализуемо посредством механизма технологической и финансовой поддержки бизнес-сообществом инновационной инициативы упомянутых подмножеств среднего класса.

¹²⁹ Курдюкова О.Г. Формирование социально-ориентированных инструментов модернизации здравоохранения: Дис. ... канд. эконом. наук. – Кисловодск: Кисловодский ин-т экономики и права. 2010. – С. 189.

Задачей для государства также представляется обеспечение базовых приоритетов в сфере социально-экономического развития страны на основе использования качества человеческого потенциала – профессионального и активного в экономике и политике общества. В качестве первоочередной задачи для государственных органов власти представляется разработка принципов и механизмов экономического, технологического и законодательного поощрения агентов управления в целях повышения востребованности потенциала общества, выраженного большей социальной ориентированностью реформ в сфере образования, здравоохранения, фундаментальной науки и духовно-культурной сферы. Качественное и количественное выполнение этой задачи, по нашему мнению, позволит сформировать оптимальную организационно-правовую базу по защите общества от социального абсентизма и паразитизма. Кроме того, реформы станут хорошим основанием для развития регионального среднего и малого бизнеса, который сможет финансово поддерживать предложения активного инновационного и интеллектуального подмножества среднего класса, воспитанного на «блендерном образовании», по дальнейшей модернизации социального государства.

Проведенное в рамках параграфа исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Необходимость инновационного прорыва и обеспечения конкурентоспособности требует от государства целерациональной реформенной политики в области здравоохранения, образования, фундаментальной науки. Россия отходит от социальных принципов в процессе модернизации. Реализуемая в стране консервативная модель политических реформ, на наш взгляд, обрекает Россию следовать по пути не социального, но лишь социально-ориентированного государства, поскольку основные направления реформы системы образования – повышение ее транспарентности, разработка практико-ориентированных образовательных

программ, повышенные требования к контролю качества образования – в настоящее время реализуются достаточно непоследовательно.

Влияние политической модернизации на образовательную сферу в России, по нашему мнению, определяется функциональным принуждением общества к реформам (наличие у государства инструментов по предотвращению аномии в процессе модернизации); универсальностью (допущением, что вся реформируемая социальная система в государстве жизнеспособна); согласованным единообразием (общественным компромиссом при функционировании его частей, в сфере того же высшего образования). Однако консервативная модель политической модернизации в настоящее время подменяет структурные реформы сферы образования институциональными.

Агентам социально-политических реформ в России необходимо единое понимание приоритетов трансформаций социальной сферы. Общего понимания можно добиться, только если у правящей элиты, бизнес-сообщества и активной части среднего класса (интеллектуального и инновационного подмножеств) будет общая ценностная база, сформированная на основе одних и тех же алгоритмов инновационно-ориентированного образования, влияющего на экономический рост и конкурентоспособность страны. Однако вместо того, чтобы содействовать сближению ценностных позиций по модернизации между собой и гражданским обществом, государство пытается избавиться от наследия советской образовательной системы, но не имеет для этого подходящего технологического и человеческого потенциала, вызванного диспропорциями в экономике и «утечкой мозгов» за рубеж. Заметим при этом, что образовательная сфера в России имеет предпосылки для инновационного рывка: универсальный межотраслевой характер российской системы образования, качество преподавания естественнонаучных дисциплин; долей населения, ежегодно получающего высшее образование и другими показателями.

Анализ критериев получения в России высшего образования позволяет нам выделить преимущества социально-ориентированной модели образования перед рыночно-ориентированной. Законодательно закреплённые государственные гарантии предоставления образовательных услуг, сочетающие при этом рыночную динамику и обеспечивающие конкурентоспособность национального образования¹³⁰, приводят нас к обоснованности данного вывода.

Дополнив названные преимущества российской сферы образования концепцией так называемого «блендерного образования» (совмещения традиционных лекционно-семинарских занятий с мастер-классами и дистанционным онлайн-обучением) в качестве основы процесса подготовки специалистов, мы можем сформулировать свои предложения по проведению образовательной модернизации в России:

1) Сокращение продолжительности учебных курсов за счёт снижения объема преподавания теоретического материала. Приобретение учащимися практического опыта решения проблем непосредственно на производствах через интеграцию бизнес-теории и практики.

2) Формирование новой, мотивационной четырехступенчатой модели образования в соответствии со ступенями карьерного роста управленцев (менеджер/производственник – начальник отдела – руководитель департамента – управляющий менеджер), при этом большая часть компетенций должна коррелировать с функциями, находящимися в зоне ответственности учащихся.

3) Оценка критериев образовательного продукта для бизнеса. Например, соотношение критерия компетентности, стоимости подготовки специалиста для производства и продолжительности обучения.

¹³⁰ Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы / Утв. Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497 // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс] URL: http://base.garant.ru/71044750/#block_1000 (дата обращения: 18.04.2014).

4) Соответствие содержания системы образования решению ориентированных на практику задач, обеспечение единства запроса учащихся, как потребителей услуги, их потенциальных работодателей, как основных интересантов качества, авторитетных экспертов в этой области как авторов стратегии ее развития и, наконец, преподавателей ВУЗов.

5) Вовлечение в процесс обучения в высшей и средней школе преподавателей традиционных методик профильной подготовки, обладающих высоким уровнем квалификации в заданной области.

Думается, что настоящие предложения по модернизации российского образования могут считаться дискуссионными, но они появились в соответствии с актуальными потребностями рынка образования в его практической направленности. В дополнение к сказанному необходимо появление института независимой экспертной оценки качества образования, который следует формировать из представителей бизнеса и гражданского общества, чтобы повысить инвестирование создания качественно новых специализированных курсов¹³¹.

Под влиянием консервативной модели политической модернизации аналогичная ситуация с отстраненностью общества от процесса принятия решений о совместном и рациональном использовании ресурсов в сфере здравоохранения сохраняется в России и в этой области. Это обуславливает отсутствие реального развития медицинских услуг, способствует появлению подобия рыночных отношений и «серых схем» финансирования при отсутствии профессиональной заинтересованности работников медицинских учреждений в оказании качественных услуг нуждающимся гражданам. Данная специфика принятия управленческих решений на сегодняшний день характеризует вектор социально-рыночной модернизации здравоохранения.

Модернизация государственных и муниципальных медицинских учреждений неоднозначным образом затрагивает бюджетную оптимизацию.

¹³¹ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Российская газета. 2010. 16 апреля. № 81 (5160).

При системном усложнении проблемы доступности лекарств, например, для онкобольных граждан, сокращается количество исследовательских лабораторий, отсутствуют стандарты региональных отчислений в фонд ОМС, что затрудняет планирование местных бюджетов и осложняет расчет доли лекарственного обеспечения и заработной платы специалистам.

Мы заключаем, что необходима адаптация системы здравоохранения в РФ к процессам постоянного увеличения числа экстерриториальных сетевых форм и структур организаций здравоохранения, формирования постиндустриальной экономики. По нашему мнению, этой цели можно достичь разработкой и использованием нового инструментария управления социальным партнерством по критериям увеличения финансовых ресурсов и их персонально-ориентированном использовании.

На наш взгляд, влияние политической модернизации на сферу российского здравоохранения наряду с включением достижений мирового опыта в целесообразной степени должно проявляться оживлением механизма социального партнерства, функционирование которого является показателем нравственной зрелости социального государства. Одним из важных элементов функционирования социального государства является кадровая политика посредством активного включения инновационного и интеллектуального классов гражданского общества в принятие решений по политической модернизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение степени влияния политической модернизации на концепцию социального государства в Российской Федерации – актуальная задача политического управления и социального реформирования как в силу складывающихся внутривполитических трендов, так и вследствие международной конъюнктуры. Реализация концепции социального государства в контексте политической модернизации связывается автором с необходимостью не только инновационного социально-экономического и научно-технического развития страны, но и с усилиями государства по созданию устойчивой национальной модернизаторской коалиции. По мнению автора, одним из стимулов к созданию такой коалиции может быть система мотивирования государством других агентов реформ (предпринимателей и активной части среднего класса) на участие в проводимых в России трансформациях.

Непосредственно под политической модернизацией мы понимаем совокупность процессов обновления политической системы, выраженную в изменении механизма принятия управленческих решений, повышении политической культуры граждан, развитии социально-экономической рационализации и распространении в обществе научного и творческого индивидуализма, отвечающих общенациональной идее государства. Опыт отечественной модернизации обнаружил ее ключевую особенность: несмотря на «догоняющие» реформы, в России под влиянием национальных традиций движение к универсализму перешло в глокализацию, что позволило избрать в качестве инструментария политической модернизации имитацию не формы, а алгоритма реформ, в котором предусмотрена вариативность технологии политического реформирования с учетом его социокультурной специфики. Среди других особенностей российской модернизации – чрезвычайные мобилизационные предпосылки, обусловленные политической, а не социальной необходимостью; дискретный характер развития (смена реформ

контрреформами); социокультурный раскол, сопряженный с принудительными попытками интегрировать инонациональную компоненту в общество; вторичность фактора модернизации политики перед политикой модернизации.

В России модернизация никогда не являлась социальной целью, поскольку широкие общественные массы не имели мотивации интерпретировать ценности реформ таким образом, чтобы они, во-первых, сохраняли предметную сущность содержания модернизации, а во-вторых – способствовали сохранению самобытной национальной культуры. Исходя из этого, Россия прошла два варианта модернизации: «классический» и «ложный».

Ретроспектива отечественного опыта показала характерные противоречия реформ. Во-первых, это роль государства как их организатора, что затрудняло процесс легитимации человеческого капитала в модернизации. В результате ее социальная база в России стала сокращаться, тормозя формирование модернизаторской коалиции и привнося в социальную сферу абсентеизм и демотивирующие принципы организации труда в новых рыночных и социокультурных условиях. Во-вторых, это наличие возвратного модернизационным усилиям движения, заключенного в разности понимания конечных целей преобразований политической элитой страны и большей частью общества. Советская модель социально-политических трансформаций относительно успешно комбинировала институциональный, национально-исторический и общемировой факторы модернизации, однако отсутствие социальной коммуникации государства с обществом вновь привело к замещению целей и ценностей модернизации. Отсюда можно заключить, что во избежание появления социального иждивенчества целью национальной модели концепции социального государства, которая актуальна и для России, должно быть не только выполнение функций социального обслуживания и социальной защиты, но и приоритетное инвестирование в развитие человеческого капитала.

Применяемый государством в этой связи инструментарий (правовое принуждение, экономическое поощрение и социальная конвергенция) способствует поэтапному приспособлению потребностей и целей индивида к потребностям и целям реформируемого общества в целом. При этом социокультурная дифференциация, с одной стороны, положена в основу критических теорий модернизации (консерватизм или социализм), с другой – используется как оправдание инноваций вне зависимости от итога их внедрения (либерализм) на фоне накопления в государстве социального капитала. В зависимости от степени развития социальной коммуникации между агентами реформ и идеологических акцентов социальной политики каждое государство формирует свои социокультурные и производственные ожидания к модернизации и реализует их в определенной вариации концепции социального государства – либеральной (США, Канада и др.), социал-демократической (страны Восточной Европы) или консервативной (государства Западной Европы). Ввиду этого задачей концепции социального государства является выработка стратегии реформ в направлении от социальной защиты к социальному прогрессу.

Цель концепции социального государства в контексте политической модернизации состоит в том, чтобы подготовить общество к активному участию в новой индустриально-инновационной экономике, сбалансировать политическую целесообразность с гарантией обеспечения общественных благ и утвердить социальные отношения на принципах права и справедливости. Среди факторов, влияющих на достижение этой цели в каждой из вариаций концепции социального государства, выделяются: экономико-институциональный, мотивационный, аппаратно-структурный, геополитический, образовательный, научно-технологический.

Главными задачами государства по стимулированию социальной инициативы всех агентов социокультурных и политических трансформаций в рамках модернизационного процесса представляются: принятие и реализация справедливых законов и четко сформулированных правовых норм для

профилактики, регулирования и нивелирования возможных конфликтов; внедрение новой мотивации к трудовой деятельности; создание алгоритма социально-трудовых отношений, по механизму партнерства государства, частного бизнеса и профессиональных объединений; разработка системы качественных социальных стандартов и профессиональных квалификаций экономически активного населения; расширение возможностей сетевых технологий применительно к вопросам информирования граждан и укрепления устойчивой обратной связи общества и государства; создание государственной системы управления социальными процессами, выстроенную по вертикали и по горизонтали, включающей профессиональных экспертов, управляющих и наемных работников на всех уровнях реформенной структуры общества и государства.

Исследование показало, что в общемировом тренде цикличность политической модернизации может рассматриваться как провал ее неорганического типа (поскольку происходит навязывание странами-лидерами модернизации остальному миру определенного формата преобразований, в котором следует существование заданного Западом содержания). Совмещение традиции и инновационной компоненты в процессе трансформаций позволило наиболее успешным странам догоняющей модернизации (Японии, Турции и Китаю) переосмыслить свой реформенный путь, выделив на нем главные особенности влияния на концепцию социального государства (рассмотрение модернизации как инструмент мобилизации агентов социально-экономических трансформаций; постоянный анализ экспертами противоречий и проблем; высокая фондовооруженность, сопряженная с эффективной организацией управления производством, и привлечение интеллектуального и инновационного классов к модернизации; использование достижений нано- и биотехнологии; развитие энергии предпринимательского сообщества для поддержания сбалансированной экономики).

Опыт поступательных реформ в Китае (стимулирование внутреннего спроса; строительство доступного жилья; развитие комплексных социальных программ; сокращение диспропорции между развитием экономики и социальной сферы, формирование политики сплоченности агентов модернизации) в этой связи может быть примером и для России. Наша страна также могла бы использовать опыт политической модернизации Турции, где драйвером реформ является инновационное развитие, основанное на знаниях и квалифицированном труде наемных рабочих. Это позволяет определить задачи модернизации в социальной сфере (создание системы мотивации прихода бизнеса, развитие государственно-частного партнерства, стимулирование социально-ориентированных инициатив предпринимателей, привлечение некоммерческих организаций к выполнению государственного социального заказа на условиях конкурса и т.д.). Задействовать инновационный потенциал российской догоняющей модернизации, постоянно предупреждая социально-политическую конфликтность в обществе, возможно, если цели общественно-политических реформ, прописанные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, не будут порождать мощные дисфункции в отношениях между бизнесом, обществом и государством.

В современной России приоритетом для государства и общества может стать осознание модернизации как публичного интереса, поскольку подобная общенациональная идея способна отразить экономические, социальные, политические и духовно-культурные интересы агентов социального государства независимо от социальных обстоятельств, экономических возможностей и политико-культурных убеждений. Такой идеей может выступить тезис о возрождении России в статусе великой державы при помощи модернизации ресурсного потенциала страны и инновационной поддержки человеческого капитала. Системный анализ позволил автору определить несколько вариантов прообраза концепции социального государства в России – государство социальной защиты, государство

социальных услуг и государство социальной безопасности. Каждый из прообразов концепции социального государства в России отличается разной степенью идейной и ресурсной подготовленности агентов социально-политической модернизации. Автор предполагает, что государство социальной защиты соответствует социал-демократическому типу организации общества, государство социальных услуг – либеральному типу, а государство социальной безопасности – консервативному типу социального устройства. Подчеркивая ограниченную полезность каждой концепции социального государства для России, автор полагает оптимальным синтез трех названных концепций. Для осуществления политических трансформаций подходит концепция государства социальной безопасности. Ресурсный и технологический потенциал российского бизнес-сообщества стать лидером модернизации допускает реализацию в сфере экономики концепцию государства социальных услуг. Интеллектуальные, электоральные и правотворческие возможности общества, согласного с правительственным курсом на консервативную догоняющую модернизацию, позволяют говорить о поддержке социумом концепции государства социальной защиты. Представляется, что описанный порядок осуществления концепции социального государства по отдельным сферам позволит государству не только оказывать социальные услуги, но и мотивировать действующего субъекта модернизации (наемного работника) на инновационную активность за счет правового принуждения, экономических поощрений и социальной конвергенции.

Для выявления потенциала российского среднего класса следует выделить из него интеллектуальное и инновационное подмножества с помощью концепции «трех И» (инвестиции в инновационного индивида). По уровню агрегирования интересов интеллектуальное подмножество среднего класса в России является частью «реальной» группы, артикуляция интересов которой в модернизации выражена слабо, так как эта группа поддерживает стратегию ресурсообеспеченности. Инновационное подмножество среднего

класса принадлежит к «статистической» группе, для которой модернизация – не только групповой интерес, но и сфера профессиональной самореализации. «Аналитическая» группа представлена отечественной политической элитой, воздействие которой на политическую модернизацию определяется готовностью оказывать давление на других агентов реформ для защиты своих интересов. Одно из предположений автора заключается в том, что повышение мотивации интеллектуального и инновационного подмножеств среднего класса может способствовать их становлению в качестве локомотива национальной модернизаторской коалиции, который сможет совместить преимущества трех концепций социального государства с учетом цивилизационного развития России.

Необходимость инновационного прорыва и обеспечения конкурентоспособности требует от государства целерациональной реформенной политики в области здравоохранения, образования, фундаментальной науки. Россия отходит от социальных принципов в процессе модернизации. Реализуемая в стране консервативная модель политических реформ, на наш взгляд, обрекает Россию следовать по пути не социального, но лишь социально-ориентированного государства, поскольку основные направления реформы системы образования – повышение ее транспарентности, разработка практико-ориентированных образовательных программ, повышенные требования к контролю качества образования – в настоящее время реализуются достаточно непоследовательно.

Влияние политической модернизации на образовательную сферу в России определяется: функциональным принуждением общества к реформам (наличие у государства инструментов по предотвращению аномии в процессе модернизации); универсальностью (допущением, что вся реформируемая социальная система в государстве жизнеспособна); согласованным единообразием (общественным компромиссом при функционировании его частей, в сфере того же высшего образования). Однако консервативная

модель политической модернизации в настоящее время подменяет структурные реформы сферы образования институциональными.

Агентам социально-политических реформ в России необходимо единое понимание приоритетов трансформаций социальной сферы. Общего понимания можно добиться, только если у правящей элиты, бизнес-сообщества и активной части среднего класса (интеллектуального и инновационного подмножеств) будет общая ценностная база, сформированная на основе одних и тех же алгоритмов инновационно-ориентированного образования, влияющего на экономический рост и конкурентоспособность страны. Однако вместо содействия сближению ценностных позиций по модернизации между собой и гражданским обществом, государство пытается избавиться от наследия советской образовательной системы, но не имеет для этого подходящего технологического и человеческого потенциала, вызванного диспропорциями в экономике и «утечкой мозгов» за рубеж. Заметим при этом, что образовательная сфера в России имеет предпосылки для инновационного рывка: универсальный межотраслевой характер российской системы образования, качество преподавания естественнонаучных дисциплин; долей населения, ежегодно получающего высшее образование и другими показателями.

Анализ критериев получения в России высшего образования позволяет нам выделить преимущества социально-ориентированной модели образования перед рыночно-ориентированной. Законодательно закреплённые государственные гарантии предоставления образовательных услуг, учитывающие при этом рыночную динамику и обеспечивающие конкурентоспособность национального образования, приводят нас к обоснованности данного вывода.

Дополнив названные преимущества российской сферы образования концепцией так называемого «блендерного образования» (совмещения традиционных лекционно-семинарских занятий с мастер-классами и

дистанционным онлайн-обучением) в качестве основы процесса подготовки специалистов, автор формулирует свои предложения по проведению образовательной модернизации в России:

1) Сокращение продолжительности учебных курсов за счет снижения объема преподавания теоретического материала. Приобретение учащимися практического опыта решения проблем непосредственно на производствах через интеграцию бизнес-теории и практики.

2) Формирование новой, мотивационной четырехступенчатой модели образования в соответствии со ступенями карьерного роста управленцев (менеджер/производственник – начальник отдела – руководитель департамента – управляющий менеджер), при этом большая часть компетенций должна коррелировать с функциями, находящимися в зоне ответственности учащихся.

3) Оценка критериев образовательного продукта для бизнеса. Например, соотношение критерия компетентности, стоимости подготовки специалиста для производства и продолжительности обучения.

4) Соответствие содержания системы образования решению ориентированных на практику задач, обеспечение единства запроса учащихся, как потребителей услуги, их потенциальных работодателей, как основных интересантов качества, авторитетных экспертов в этой области как авторов стратегии ее развития и, наконец, преподавателей ВУЗов.

5) Вовлечение в процесс обучения в высшей и средней школе преподавателей традиционных методик профильной подготовки, обладающих высоким уровнем квалификации в заданной области.

Под влиянием консервативной модели политической модернизации в России сохраняется критическая ситуация с отстраненностью общества от процесса принятия решений о совместном и рациональном использовании ресурсов в сфере здравоохранения. Это обуславливает отсутствие реального развития медицинских услуг, способствует появлению подобия рыночных отношений и «серых схем» финансирования при отсутствии

профессиональной заинтересованности работников медицинских учреждений в оказании качественных услуг нуждающимся гражданам. Данная специфика принятия управленческих решений на сегодняшний день характеризует вектор социально-рыночной модернизации здравоохранения.

Модернизация государственных и муниципальных медицинских учреждений непосредственным образом затрагивает бюджетную оптимизацию, которая будет эффективной при должной адаптации российской системы здравоохранения к требованиям процессов постоянного увеличения числа экстерриториальных сетевых форм и структур организаций здравоохранения. По мнению автора, этой цели можно достичь разработкой и использованием нового инструментария управления социальным партнерством по критериям увеличения финансовых ресурсов и их персонально-ориентированного использования.

Влияние политической модернизации на сферу российского здравоохранения наряду с включением достижений мирового опыта в необходимой степени должно проявляться в оживлении механизма социального партнерства, функционирование которого является показателем нравственной зрелости социального государства. Одним из важных элементов функционирования социального государства является кадровая политика посредством активного включения инновационного и интеллектуального классов гражданского общества в принятие решений по политической модернизации. При этом в данной работе не рассмотрен аспект взаимодействия агентов трансформаций с политическими партиями как с возможными выразителями инновационных идей на государственном уровне.

Представляется, что тема настоящей диссертации имеет перспективы для дальнейших исследований. Среди возможных направлений исследований упомянем наиболее, с нашей точки зрения, важные – изменение роли социальных коммуникаций в процессе реализации социальной политики в реформирующемся государстве, а также детальная разработка параметров

приемлемой для России стратегии перехода к устойчивому развитию как составной части политической модернизации страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы и нормативно-правовые акты

1. *Конституция Российской Федерации*: офиц. текст. – М.: Юридическая литература, 2009. – 64 с.
2. *Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»* // Российская газета. 2012. 31 декабря. № 5976. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 14.01.2014)
3. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года* / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econormv.gov.ru/rnec/activitv/sections/macro/prognoz>. (дата обращения: 24.11.2014).
4. *Концепция развития здравоохранения до 2020 года (первая версия)* / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2012 года № 2511-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medprivat.ru/conception.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
5. *Основные направления реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2009 г. и до 2012 г.* // Менеджер здравоохранения. 2009. № 5. С. 66-69.
6. *Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года* // Российская газета. 2008. 6 ноября. № 229 (4786).
7. *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2010 г.* // Сайт периодического издания

«Российская Газета» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 06.11.2011).

8. Приоритетный национальный проект «Образование» // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://минобрнауки.рф/проекты/пнпо> (дата обращения: 15.03.2014).

9. *Распоряжение Правительства Российской Федерации* от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 8 августа 2009 г.) «Об утверждении концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // Российская газета-Бизнес. 2011. 4 октября. № 817.

10. *Сборник «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов»* // Официальный сайт Федеральной службы по статистике России, 2014 год. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1268735691578 (дата обращения: 16.01.2015).

11. *Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период от 2020 года* / Утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Российская газета. 2012 г. 3 января. № 5667.

12. *Стратегия развития медицинской науки в Российской Федерации* / Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2580-р. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/7257/> (дата обращения: 08.05.2015).

13. *Указ Президента Российской Федерации* от 21 октября 2005 г. № 1226 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов» // Российская газета. 2005. 23 октября. № 3906.

14. *Федеральный закон Российской Федерации* от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций» // Российская газета. 2010. 7 апреля. № 5151.

15. *Федеральный закон Российской Федерации* от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 25 июня 2012 г. № 93-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. 14 июня. № 23. (2871). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147320> (дата обращения: 26.09.2013).

Монографии и труды

16. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. С.А. Комарова под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
17. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Д. Седелника и Н.Н. Федотовой; посл. А.В. Филиппова. – М.: Прогресс Традиция, 2007. – 460 с.
18. *Белоусова С.В.* Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2012. – 204 с.
19. *Беляков С.А.* Модернизация образования в России: совершенствование управления. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 437 с.
20. *Бердяев Н.А.* О назначении человека / Бердяев Н.А. Сборник // Сост. [авт. вступ. ст. П.П. Гайденко] Л.И. Греков, А.П. Поляков; под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
21. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный левиафан: очерки политической социологии капитализма. – М.: Мысль, 1985. – 384 с.
22. *Васильева М.В.* Российское государство – социальное государство? – М.: Норма, 2005. – 575 с.
23. *Великая Н.М.* Политическая консолидация российского общества в контексте его социальной трансформации / Под ред. С.И. Барзилова. – СПб.: Человек, 2003. – 100 с.
24. *Вишневский А.Г.* Российская модернизация: Размышления о самобытности. – М.: Три квадрата, 2008. – 416 с.

25. *Волков Л.Б.* Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие. (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации: сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1985. – 239 с.
26. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 352 с.
27. *Гейц И.В.* Гарантии, социальная защита и поддержка населения в Российской Федерации. – М.: Дело и Сервис, 2005. – 640 с.
28. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. под ред. В.В. Зотова и В.А. Кирова под общ. ред. Т.Л. Клячко. – М.: Директ Медиа, 2007. – 382 с.
29. *Данилин А.В.* Электронные государственные услуги и административные регламенты. От политической задачи к архитектуре электронного правительства. – М.: Инфра, 2004. – 334 с.
30. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Пантиной Л.Ю., ред. Грецкий М.Н. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
31. *Дискин И.Е.* Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
32. *Дьюи Д.* Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
33. *Евстифеев Р.В.* Россия на пути к эффективному государству: траектория политического развития в контексте генерации глобальных вызовов. – Владимир: Владимирский фил-л РАГС «Собор», 2008. – 216 с.
34. *Зарубина Н.Н.* Вебер и современные теории модернизации. – СПб: РХГИ, 1998. – 288 с.
35. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.

36. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкин; ред. Ю. Кузнецов. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
37. *Инновационная модернизация России: Политологические очерки* / Под редакцией *Ю.А. Красина*. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 253 с.
38. *Истон Д.* Категории системного анализа политики: хрестоматия по политической науке / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – с. 318-335.
39. *Калашников С.В.* Становление социального государства в России. – М.: Экономика, 2003. – 259 с.
40. *Кара-Мурза С.Г., Осипов В.Г.* Общество знания: история модернизации на Западе и в СССР. – М.: Либроком, 2013. – 368 с.
41. *Каргалова М.В.* От социальной идеи к социальной интеграции. (Становление социальной политики Европейского Союза). – М.: Интердиалект +, 1999. – 318 с.
42. *Киселев С.Г., Яшкова Т.А.* Глобальные изменения и модернизация России. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 182 с.
43. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три Квадрата, 2010. – 688 с.
44. *Красильщиков В.А.* Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. - Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 240 с.
45. *Лисицын Ю.П., Полунина Н.В.* Общественное здоровье и здравоохранение. – М.: Медицина, 2002. – 416 с.
46. *Мертон Р.-К.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой [и др.]. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.

47. Модернизация и политика в XXI веке: таблицы, схемы, диаграммы / Отв. ред. *Ю.С. Оганисян*, Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – 336 с.
48. Модернизация: теории, модели, опыт: Сб. ст. / Отв. ред. *В.Г. Федотова*. – М.: ИФ РАН, 2013. – 221 с.
49. Модернизация в России и конфликт ценностей / *А.С. Ахиезер, Н.Н. Козлова* [и др.]; отв. ред. С.Я. Матвеева. – М.: ИФ РАН, 1994. – 248 с.
50. *Нелюбин А.А.* Проблема формирования социального государства в России: политико-социологический аспект // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Ин-т социологии РАН, 2008. – С. 444-462.
51. *Парсонс Т.* О структуре социального действия: Сборник / Пер. с англ. и ред. В.Ф. Чеснокова, С.А. Белановского, предисл. В.Ф. Чеснокова. – М.: Академический проект, 2002. – 879 с.
52. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева, под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
53. *Пономарев Н.Л., Смирнов Б.М.* Образовательные инновации. Государственная политика и управление. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
54. *Ремизов М.В.* Опыт консервативной критики. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2003. – 112 с.
55. *Сигов И.И., Слуцкий Е.Г.* Социальное государство: сущность, критерии и приоритеты. – СПб.: ИПРЭ РАН, 2006. – 297 с.
56. *Сиземская И.Н.* Проблемы модернизации в исторической ретроспективе // История модернизации как предмет социально-философского анализа: Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 69-88.
57. *Тлепцеришев Р.А., Трушкин А.Г., Демьянова Л.М. [и др.]* Экономика и управление здравоохранением. – Ростов н/Д: Феникс. – 6-е изд., перераб. и доп. – 623 с.

58. Трансформация социально-политических ценностей в реформируемом обществе: монография / *Блохина М.В., Григорьев Л.Г.* [и др.] – Тверь: ТГТУ, 2005. – 120 с.
59. *Федотова В.Г.* Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. – М.: ИФ РАН, 2010. – 274 с.
60. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации: социально-филос. анализ взаимоотношений общества и государства. – М.: Культурная революция, 2008. – 607 с.
61. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.
62. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р. Рокитянского. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 415 с.
63. *Храмцов А.Ф.* Социальное государство: Россия и европейский опыт. – М.: ИСП РАН, 2005. – 419 с.
64. *Чичканов А.В.* Социальная функция государства и механизм ее реализации: теоретико-социологический аспект. – М.: Экономика, 2007. – 398 с.
65. *Чубарова Т.В.* Экономика здравоохранения: теоретические аспекты: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2008. – 68 с.
66. *Шабанов Я.В.* 1990-е годы: старые проблемы в новой программе модернизации социальной сферы // Общество и политика в исторической ретроспективе / Под ред. М.Э. Елютиной. – Саратов; Саратовский гос. техн. ун-т, 2009. – 279 с.
67. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
68. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех: репринт. воспр. / Пер. с нем., вступ. ст. Б.Б. Багаряцкого, В.Г. Гребенникова. – М.: Дело, 2001. – 352 с.
69. *Яжборовская И.С.* Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Academia, 2008. – 378 с.

70. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества: Монография. – М.: Научный эксперт, 2009. – 464 с.
71. Apter D.E. The Politics of Modernization. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – 481 p.
72. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper & Row. 1966. – 327 p.
73. Boix C. Democracy and Redistribution. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 264 p.
74. Diamond L.J., Linz J.J., Lipset S.M. Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy. – Boulder, Col.: Lynne Rienner Publishers, 1990. – 476 p.
75. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. – N.Y.: Prentice-Hall. 1966. – 469 p.
76. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. – L.: Cambridge University Press, 1990. – 264 p.
77. Habermas J. Communication and the Evolution of Society / Trans. by Th. McCarthy. – Boston, Mass.: Beacon Press, 1979. – 262 p.
78. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 453 p.
79. Kerr C., Dunlop J., Harbison F., Myers C. Industrialism and Industrial Man. – L.: Harmondsworth, 1960.
80. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. – N.Y.: Doubleday, 1960. – 324 p.
81. Marshall T. Social Welfare and Democracy. – N.Y.: Free Press, 1973. – 289 p.
82. Parsons T. The Social System. – 2nd ed. – L.: Routledge, 1991. – 374 p.
83. Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. – L.: Routledge, 1994. – 284 p.

Учебники и учебные пособия

84. *Акопян А.С., Шиленко Ю.В., Юрьева Т.В.* Индустрия здоровья: экономика и управление: Пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2003. – 448 с.
85. *Еремян В.В.* Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века): Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
86. *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Wolters Kluwer, 2007. – 546 с.
87. *Колесников С.И., Петров М.П., Манойло А.В. [и др.]* Гражданин, общество, государство: Россия в XXI в.: Политическая энциклопедия / Под ред. В.М. Капицына. – М.: РОССПЭН, 2014. – 286 с.
88. *Мухаев Р.Т.* Политология: учебник – 3-е изд. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
89. Политология: учебник / авт. кол.: *А.Ю. Мельвиль* [и др.]; науч. ред. *Т.В. Шмачкова*. – М.: Проспект, 2011. – 618 с.
90. Политология: учебник / под ред. *В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова*. – М.: Юрайт, 2010. – 691 с.
91. *Семеникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебник для вузов – 6-е изд., перер. – М.: КДУ, 2003. – 756 с.
92. Современная российская политика: Учебное пособие / Под общ. ред. *В.И. Коваленко, И.А. Василенко, С.Е. Заславского* [и др.]. – М.: МГУ, 2013. – 472 с.
93. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 575 с.
94. Теория государства и права: учеб. для вузов / авт. кол.: *Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова*. – М.: Закон и право, 2004. – 576 с.

95. *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 470-479.
96. Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. *В.В. Радаев*, пер. М. С. Добряковой [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2002. – 209 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

97. *Ананьев В.С.* Модернизация политических институтов современной России как фактор вывода страны из глобального экономического кризиса: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2011. – 231 с.
98. *Водопетов С.В.* Инновационное развитие управленческого инструментария политической элиты в процессе модернизации современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – Н.Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 169 с.
99. *Иванова М.В.* Политика социального государства по отношению к потребительству в условиях политической модернизации России: Дис. ... канд. полит. наук. – Чита: Читинский государственный университет, 2010. – 174 с.
100. *Климова А.Э.* Генезис идеи социального государства: теоретико-методологические проблемы: Дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 234 с.
101. *Кочеткова Л.Н.* Теория и практика социального государства: Дис. ... канд. филос. наук. – М.: РГСУ, 2010. – 334 с.
102. *Курдюкова О.Г.* Формирование социально-ориентированных инструментов модернизации здравоохранения: Дис. ... канд. эконом. наук. – Кисловодск: Кисловодский ин-т экономики и права. – 217 с.
103. *Макарова Т.Б.* Бизнес-образование как вид государственной образовательной политики в условиях политической модернизации

общественных процессов: Дис. ... канд. полит. наук. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2012. – 222 с.

104. *Максимкин Е.В.* Роль интеллектуальных ресурсов в инновационной модернизации промышленных предприятий России: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – М.: РАНХГС при Президенте РФ, 2012. – 24 с.

105. *Молокова М.А.* Гражданское общество как фактор политической модернизации: Дис. ... д-ра полит. наук. – Курск: Курский гос. ун-т, 2011. – 384 с.

106. *Моисеенко Т.В.* Основные тенденции становления и перспективы формирования социального государства в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2008. – 179 с.

107. *Николаева Е.Л.* Концепция социальной модернизации современной России: теоретико-методологический анализ: Дис. ... канд. соц. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 194 с.

108. *Панкратов С.А.* Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 48 с.

109. *Петрушечкин П.В.* Социальное государство и гражданское общество в России: практика социально-политического взаимодействия: Дис. ... канд. полит. наук. – Якутск: Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 2011. – 181 с.

110. *Северный В.Г.* Консерватизм в системе институционального оформления политической модернизации: Дис. ...канд. полит. наук. – Волгоград: Волгоградская академия государственной службы, 2009. – 153 с.

111. *Семченков А.С.* Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 47 с.

112. *Смирнов Р.Г.* Технологизация политики: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 180 с.

113. *Соколов И.И.* Социальное государство: политические ресурсы формирования и развития в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж: Воронежский институт экономики и социального управления, 2011. – 261 с.

**Научные статьи, публикации в газетах и журналах,
материалы «круглых столов»**

114. *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Г.* Проблемы и противоречия партийного участия в модернизации политической системы современной России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 11-15.

115. *Ачкасов В.А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2005. № 3. С. 21-26.

116. *Валид М.С., Зайцева Н.В.* Комплексное сравнение систем здравоохранения в мире // Менеджер здравоохранения. 2009. № 5. С. 58-64.

117. *Вертеенко К.Н.* Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества: принципы, цели, технологии // Актуальные проблемы политики и политологии в России: сб. статей / Под общ. ред. В.С. Комаровского. – М.: РАГС, 2003. С. 299-312.

118. *Галкин А.А., Красин Ю.А., Перегудов С.П., Соловьев А.И., Федотова В.Г.* [и др.] Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1) // Полис. 2012. № 2.

119. *Девятко И.Ф.* Р. Мертон и его теория среднего уровня // История теоретической социологии в 4-х т. / Под ред. Ю.Н. Давыдова. – Т. 3. – М.: Канон, 1997. – С. 250-270.

120. *Дынкин А.А.* Субъективный средний класс: социологический анализ: Материалы конф. «Средний класс, проблемы формирования и перспективы роста» / Под ред. Е.Ш. Гонтмахера. – М.: ИНСОР, 2008. С. 32-34.

121. *Жильская Л.В.* Сущность социального государства // История государства и права. 2005. № 3. С. 9-12.

122. Зуева Д.С., Карпенко О.М., Крутий И.А. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры // Социологические исследования. Октябрь 2007. № 10. С. 80-85.
123. Иванова Е.И. Современность как политическая проблема: преодолевая границы модернизационной парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отд. РАН. 2010. Вып. 10. С. 160-172.
124. Игольникова В.А. Предпосылки формирования социального государства в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 6. С. 7-9.
125. Иноземцев В.Л. Специфические особенности европейской социальной модели // Современная Европа. 2004. № 1. С. 87-99.
126. Какорина Е.П. Подходы к оценке эффективности деятельности системы здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2010. № 6. С. 6-13.
127. Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? // Критика политической философии. Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – С. 27-42.
128. Каргалова М.В. Европейская социальная модель: опыт для России // Современная Европа. 2008. № 1. С. 53-65.
129. Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. О взаимодействии «новой» интеллигенции и интеллигенции массы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 72-87.
130. Ковалев А.Д. Формирование теории действия Т. Парсонса // История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. – М.: Канон, 1998. – 448 с. – С. 173-177.
131. Колесников С.И, Плешанов А.В., Смирнов В.Г. Переход к новой модели макроэкономики: национальные стратегии макрорасходов на здравоохранение и высокие технологии // Здравоохранение. 2010. № 4. С. 37-55.
132. Комаровский В.С. Конфликты и консенсус в контексте модернизации // Власть. 2012. № 2. С. 4-11.

133. *Кочеткова Л.Н.* Социальное государство: европейская теория и российская практика // *Власть*. 2008. № 4. С. 39-43.
134. *Кузьменко Н.Е., Лунин В.В., Рыжова О.Н.* О модернизации образования в России // *Педагогика*. 2007. № 3. С. 107-116.
135. *Лебедева М.М.* Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // *Мировая политика и международные отношения*. 2006. № 10. С. 69-75.
136. *Левицкая А.Ю.* Национальные проекты: от идеи к практике ее реализации // *Журнал российского права*. 2006. № 4. С. 3-9.
137. *Лексин В.Н.* Мир человека и пространство власти: Россия как новое «социальное государство» // *Мир России*. 2005. № 3. С. 19-72.
138. *Лидэ Е.Н.* Интернационализация бизнес-образования в условиях глобализации: проблемы и перспективы // *Экономика, предпринимательство и право*. 2012. №1 (12). С. 3-8.
139. *Луговая Е.С.* Инновации как основа модернизации современного общества // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия*. 2012. № 2 (17). С. 103-108.
140. *Магомедов К.О.* Социальная справедливость: этико-правовое значение для социального государства и гражданского общества // *Социология власти*. 2004. № 2. С. 115-124.
141. *Маринец А.В.* Баланс интересов личности и государства как основополагающий принцип социального государства // *Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. / Сб. под ред. А. Морозова. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 121-132.*
142. *Маркова В.Д.* О развитии непрерывного бизнес-образования // *Бизнес-образование*. 2004. №1 (16). С. 9-12.
143. *Миронов В.В.* Философия как событие // *Вестник Московского Университета. Сер.7: Философия*. 2012. №1. С. 5-27.

144. *Морджовцев А.Ю., Яхонтова Т.В.* Идея социального правового государства в контексте либертарного правопонимания // *Философия права*. 2005. № 3. С. 8-16.
145. *Никитаев В.В.* Модернизация vs. Инновация: Материалы IX международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» // *Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин.* – М.: ГУ ВШЭ, 2009. С. 56-63.
146. *Охотский Е.В., Богучарская В.А.* Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // *Труд и социальные отношения*. 2012. № 5(95). С. 30-44.
147. *Павлютенкова М.Ю.* Электронное государство России – виртуальная реальность или новая концепция государственного управления // *Публичная управление и публичная политика XXI века: государство, общество и политические элиты / ред. кол. О.В. Гаман-Голутвина [и др.].* – М.: РАПН, 2008. С. 365-373.
148. *Поляков Л.В.* Методология исследования российской модернизации // *Полис*. 1997. №3. С. 6-7.
149. *Попова Е.В.* О концепции федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» // *Инновации*. 2010. №2 (136). С. 3-9.
150. *Постников В.Г.* Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // *Журнал российского права*. 2005. № 1. С. 98-105.
151. *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопросы истории*. 2005. № 7. С. 153–165.
152. *Рац М.В.* Бюрократия в процессе перемен: политики, управленцы, чиновники // *Полития*. 2010. № 3-4 (58-59). С. 40-53.
153. *Светланов А.Г.* Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности // *Государство и право*. 2005. № 5. С. 48–53.

154. *Смирнов С.Н.* Социальные аспекты модернизации России // Мир России. 2010. № 4. С. 115-139.
155. *Смолин О.Н.* Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1. С. 6.
156. *Сморгунов Л.В.* Соотношение политики и политологии в период российских политических трансформаций // Полис. 2009. № 4. С. 63-66.
157. *Соловьев А.И.* Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования // Россия в условиях трансформаций: историко-политологический семинар: Материалы. Вып. 17. М.: ФРПЦ, 2001. С. 55-64.
158. Социальное государство: концепция и сущность: Материалы «круглого стола» Института Европы РАН и Совета социальных исследований / Под ред. *Н.П. Шмелева*. – М.: ОГНИ, 2004. – 327 с.
159. *Сперанский А.Н.* Коэффициент совместимости: помогут ли национальные проекты улучшить жизнь рядовых россиян? // Социальная защита. 2006. № 1. С. 3-7.
160. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем. Аналитический доклад / под ред. *Л.И. Якобсона, И.В. Мерсияновой* [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ВШЭ, 2012. – 66 с.
161. *Стыров М.М.* Проблемы и перспективы финансирования социальной сферы в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5(29). С. 169-186.
162. *Султыгов А.-Х.А.* «Сколково-2» или размышления о модернизации политической системы России // Вестник Российской нации. 2010. № 6. С. 43-67.
163. *Суслова Д.В.* Направления развития интернационализации в российских вузах // Материалы Международной конференции «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. Москва, 28 апреля 2010 года.

164. *Улумбекова Г.Э.* Здравоохранение России: итоги 2010 г. Что надо делать дальше // Менеджер здравоохранения. 2011. № 3. С. 6-20.
165. *Федотова М.Г.* Означивание модернизации в поле общественных наук, поле политики и поле журналистики // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1(17). С. 262-267.
166. *Храмцов А.Ф.* Социальное государство: практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 21-32.
167. *Черепанов В.Д.* Социальная справедливость – категория политическая // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 3. С. 34-40.
168. *Черняховский С.Ф.* Модернизация: противоречивость идеологического концепта и политический процесс в современной России // Власть. 2012. № 5. С. 9-12.
169. *Шевченко В.Н.* Национальный путь развития России в контексте нового этапа модернизации страны // Научный эксперт. 2010. Вып. 12. С. 20-33.
170. *Arnason J.* Communism and modernity // Multiple modernities / Ed. by S. Eisenstadt. – L.: Transaction Publications, 2002. – Pp. 61-90.
171. *Coleman J.* Modernization and Social structure of the society // International Encyclopedia of Social Sciences / Ed. by D.L. Sills & R.K. Merton. NY: Crowell, Collier, and Macmillan, 1968. – Vol. 10. Pp. 394-401.
172. *Giddens A.* A Social Model for Europe? // Global Europe. Social Europe. Polity / Giddens A., Diamond R., Lidde R. eds. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 15-24.
173. *Guo Jiping* China's Peaceful Development and World's Common Prosperity // Renmin Ribao [People's Daily]. № 56 (7883). 2006. March 31. Pp. 7-11.
174. *Levy M.-J.* Modernization and the Structure of Societies. – Vol. 1-2. – Princeton: Princeton University Press, 1966. Pp. 33-132.
175. *Robertson R.* Mapping the global condition: globalization as central concept // Theory, culture and society. - New Delhi, 1990. Vol.7. № 3. Pp. 15-30.

176. *Urban H.J.* Sozialpolitik in der globalisierten “Wissensgesellschaft” // Sozialer Fortschritt. – München, 2000. № 11. – S. 301-309.

**Научные публикации в электронных газетах
и журналах, на интернет-порталах**

177. *Андреев А.Л.* Российский менталитет и проблема модернизации // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены. 2010. №3 (97). С. 115-135. Сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/23/1251240716/2010_3\(97\)_7_Andreev.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/23/1251240716/2010_3(97)_7_Andreev.pdf) (дата обращения: 04.05.2014)

178. *Верведа А.А., Золотов А.В., Лузин Л.Л., Тамбовцев В.Л.* Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Экономический портал. 18.06.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://institutiones.com/strategies/253-2008-06-18-12-31-46.html> (дата обращения: 22.06.2011).

179. *Глинкин М., Тропкина О.* «Медведи» – за туризм в Чечне!» // «Независимая газета». 2002. 23 декабря. [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/politics/2002-12-23/1_bear.html (дата обращения: 21.09.2014).

180. *Гохберг Л.М.* Стратегия-2020: Трудный путь к инновациям // РИА Новости. 2011. 7 июля. [Электронный ресурс] URL: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html> (дата обращения: 17.04.2012).

181. *Ивэй Ван* Три составляющих китайской мечты // Газета Хуаньцю шибао. 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20130129/205197269.html> (дата обращения: 06.02.2014).

182. *Кислицын К.Н.* Болонский процесс как проект для Европы и для России // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. №11. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/> (дата обращения: 24.01.2015).

183. Колесников С.И. Модернизация здравоохранения сопряжена с проблемами // Материалы «круглого стола» на тему «О ходе реализации программ модернизации здравоохранения», Москва. 2011. 3 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ukcb.ru/new.php?n=2623> (дата обращения: 16.03.2014).
184. Крючкова Е. Правительство ищет стимулы для развития профобразования // Сайт ежедневной газеты «Коммерсантъ» от 12.02.2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2666049?isSearch=True> (дата обращения: 09.04.2015).
185. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Материалы конференции «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». Ярославль. 2010. 9-10 сентября. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofi/8322-perspektivy-politicheskoy-modernizacii-rossii.html (дата обращения: 12.12.2010).
186. Модернизация России как построение нового государства. Экспертный доклад / Ремизов М., Пономарев И. [и др.] // Институт современного развития, 2009. 29 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/main/4280-ilya-ponomarev-mixail-remizov-roman-karev.html> (дата обращения: 12.07.2012).
187. О состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Экспертный доклад // Общественная палата РФ, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.ecolife.ru/kultura/10586/#_ftnref37 (дата обращения: 22.05.2013).
188. Перегудов С. Бизнес и бюрократия: особенности симбиоза // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2006-03-10/11_business.html (дата обращения: 19.02.2012).
189. Путин В.В. О наших экономических задачах // Официальный сайт ВПП «Единая Россия»: [Электронный ресурс]. URL:

- <http://er.ru/news/2012/1/30/Putin-rossii-nuzhna-novaya-economica/> (дата обращения: 27.02.2012).
190. Ремизов М.В. Измерения национальной модернизации // «Российский Журнал» от 18.07.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Modernizaciya-kak-politicheskaya-programma> (дата обращения: 20.12.2012).
191. Ремизов М.В. Проект «Государство-цивилизация» // Издание «Русский журнал». 2010. 18 ноября. С. 55-70. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm> (дата обращения: 23.12.2013).
192. Тарутин А. Инновационный процесс в России // Экономический портал. 2010. 29 апреля. [Электронный ресурс] URL: <http://institutiones.com/innovations/995-innovacionnij-process.html> (дата обращения: 24.03.2012).
193. Теория гармоничного мира глазами общества и политического руководства КНР // Бюллетень ЦК КПК в газете Женьминь жибао. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html> (дата обращения: 13.03.2013).
194. Хануз М.-Д., Праздничный А. Доклад о глобальной конкурентоспособности России // Выступление делегатов от РФ в рамках Всемирного экономического форума в Вене. 2011. 6 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strategy.ru/the-russia-competitiveness-report-2011/> (дата обращения: 14.03.2013).
195. Эйдукене Д.Д. Социальный реализм Лоренца фон Штейна // Вестник ТГПУ. 2006. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-realizm-lorentsa-fon-shteyna> (дата обращения: 06.04.2013).